

РЫЖАЯ СОНЯ™

РЫЖАЯ СОНЯ
И КРОВЬ
ВЕДЬМЫ

Северо-Запад®

Санкт-Петербург
"СЕВЕРО-ЗАПАД"
1999

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
Р 93

Серия основана в 1998 году

*Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги или любой
ее части, в любой форме, в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона будут преследоваться
в судебном порядке.*

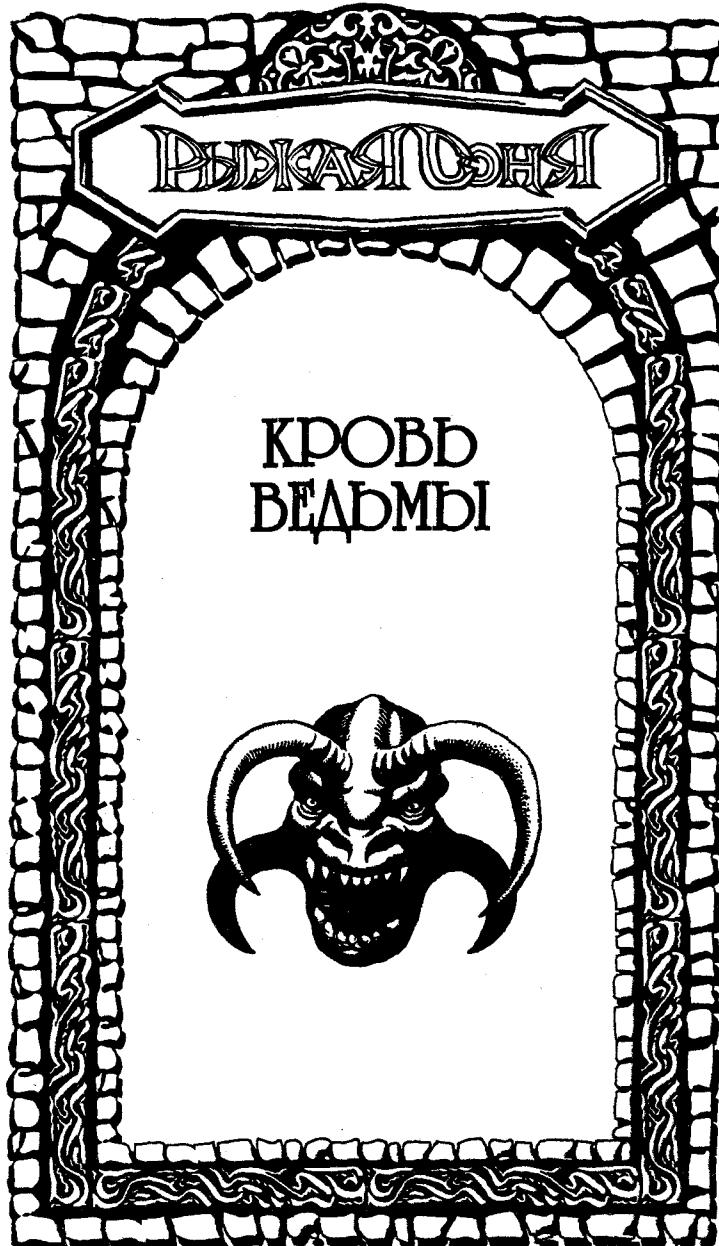
Р93 Рыжая Соня и кровь ведьмы: Роман и
повесть.— СПб.: Северо-Запад, 1999.— 432 с.

ISBN 5-83765-071-3

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

ISBN 5-87365-071-3

© «Северо-Запад», подготовка текста,
серийное оформление, 1998

Глава первая

В

лесу стояла предрассветная тишина. Птицы еще только пробовали голоса, ожидая, когда солнце взойдет над горизонтом. И тогда, как по мановению волшебной палочки, весь лес наполнится щебетом, гомоном, переливчатым щелканьем и свистом. А пока солнечные лучи осторожно, ощупью пробирались в лесной сумрак, постепенно загоняя его в самые дальние, дремучие уголки. Но вот, сквозь листву, пылающий глаз Митры осветил небольшую поляну, где молодая кобыла-трехлетка не торопясь щипала сочную, никем не топтанную высокую траву. По внешнему виду лошади можно было сразу определить, что она родом из степей Гиркании. Об этом говорили невысокий рост, густая короткая грива и та особая, мягкая манера двигаться, что отличает неутомимого скакуна. Невдалеке, среди корней могучего дерева, закутавшись в теплый дорожный плащ, спал хозяин кобылы. Вернее, хозяйка. Хотя одежда на ней была мужская, но рассыпавшиеся

во сне длинные рыжие волосы выдавали владелицу с головой.

Поплутав в отливающих медью локонах, солнечный лучик двинулся дальше и добрался до лица — совсем юного и миловидного. Под лучами поднявшегося светила дрогнули сомкнутые веки, но глаза путницы остались закрытыми. Ведя бесприютную, скитальческую жизнь, Соня — так звали девушку — научилась не выдавать момента своего пробуждения, осторожно наблюдая сквозь ресницы за тем, что делается вокруг. Когда ночуешь в придорожных тавернах и постоянных дворах, эта предосторожность никогда не бывает лишней. Приподняв веки, Соня с улыбкой слушала птичий гомон и хруст сочной травы на зубах лошади. Других звуков не было, а эти не предвещали опасность. Девушка потянулась с грацией дикой кошки и, засмеявшись, упруго поднялась.

Путешественница оказалась высокой, длинногой и очень стройной. Наружность девушки соответствовала ее нраву. Юное лицо ее было скопее приятно, чем красиво. Серые холодные глаза, опущенные черными ресницами, выдавали решительный и упрямый характер их обладательницы. Сурово сжатые губы указывали на твердость, а приподнятые вверх уголки рта говорили, что ей свойственны лукавство и изменчивость.

Видно было, что она не растеряется не только в ситуации, требующей решимости и умения владеть оружием, но и в делах, где необходимы хитрость и выдержка. А некоторая угловатость фигуры помогала Соне в мужской одежде более по-

ходить на мальчика-подростка, чем на юную девицу.

Запустив руку за пазуху, она достала из потайного кармана горсть монет. Поправив свободной рукой плащ, лежащий на земле, девушка высыпала деньги на него, а затем стала опустошать двойной кожаный пояс и, наконец, сняла висевший на шее красиво расшитый тугой кошелек. Вскоре на темной материи поблескивала внушительная горка серебряных монет. Наклонив голову, Соня ухмыльнулась, поглядев на серебро и припомнив вчерашние события.

Прожив беззаботно несколько дней в большом селении, Соня решила пополнить быстро убывающие средства. Случай не замедлил подвернуться. В таверну, где она остановилась, рано поутру прибыли туранские торговцы. И после обильного завтрака, поджидая отставших товарищев, мужчины надумали скоротать время за игрой в кости. Сидя за соседним столом, Соня некоторое время наблюдала за туранцами и довольно быстро решила, что боги сегодня милостивы к ней — очень кстати в кошеле у пояса девушки оказалась пара искусно подпиленных костей. А игра сразу пошла по-крупному. Уверенно потеснив зевак, обступивших торговцев, Соня подсела в круг игроков. И когда на кону образовалась приличная стопка серебра, ей удалось незаметно подменить кости. Удача трижды сопутствовала девушке, а на четвертый раз одноглазый, но удивительно зоркий старик заподозрил неладное. Пришлось Соне, как уже бывало, бросить горсть мелочи в лицо любителю честной

игры и, отшвырнув скамейку, опрокинуть стол. Затем, воспользовавшись возникшей суматохой, выпрыгнуть в окно и, на заранее оседланной кобылке, умчаться по извилистым лесным тропинкам в горы, оставив погоню далеко позади. Умница Ману не подвела ее и на этот раз.

Проведя день в седле, Соня накануне вечером слишком устала, чтобы подсчитывать добычу. А теперь, не без удовольствия перебирая серебряные монеты, меланхолично размышляла, куда ей отправиться дальше. Да, пожалуй, с такими деньгами не стыдно показаться и в Лагоше — большом торговом городе, лежащем в двух-трех днях пути отсюда. Тамошний базар славился на всю округу, наверняка и там, среди купцов и богатых лавочников, найдутся любители побросать кости.

Придя к решению, девушка убрала деньги, проверила, легко ли выходит из ножен кинжал, и, застегнув куртку, свистнула, подзываая кобылу. Та послушно двинулась в сторону хозяйки, но по-вод, которым она была привязана к дереву, не пустил ее.

— Ишь, разбежалась,— засмеялась Соня, сама подходя к лошади и освобождая ее.

Прилаживая на свою любимицу седло и сбрую, Соня не переставая разговаривала с ней. Эта привычка возникла у нее давно. Девушка предпочитала путешествовать в одиночестве, и на протяжении долгих переходов лишь звук собственного голоса помогал Соне отвлечься от грустных мыслей. И потом, она слишком мало доверяла людям, раз и навсегда решив для себя, что вряд ли ей удаст-

тся встретить человека, с которым захочется быть откровенной. Ну а лошадь? Лошадь не предаст и уж тем более не проболтается.

— Ну вот, все готово. Теперь, моя дорогая Ману, нам надо найти в этом лесу что-нибудь съедобное. Ты-то, как вижу, время даром не теряла, а вот я бы не отказалась от завтрака. Можно, конечно, попытаться подстрелить зайца или горлицу, но охота дело долгое, а есть хочется прямо сейчас. У меня, правда, припасена лепешка, но к ней было бы неплохо чего-нибудь добавить. Тебе неведомо, какие изысканные блюда мне подавали в былые годы. Поверь, я не всегда скиталась по свету, одевалась мальчишкой и была рада сухой корке. Нет, глупышка Ману, знаяла я и другую жизнь, но не время предаваться воспоминаниям.

Говоря все это, Соня неторопливо шла по лесу, ведя лошадь в поводу и зорко посматривая по сторонам. Во-первых, она надеялась разыскать съедобные растения и ягоды, а во-вторых, ей вовсе не хотелось столкнуться с какими-нибудь людьми. Мирный охотник мог на поверку оказаться разбойником, а благодушный купец — работоговцем.

Соня почувствовала, что воздух стал более влажным, а дорога пошла вниз — значит, там может быть ручей. Это хорошо. На его берегах легко найдутся водяной кресс, мята, шикша-водяника, ежевика, а это уже неплохая добавка к ее лепешке. Да и напиться холодной чистой воды не помешает обеим путницам.

Еще издали Соня разглядела блеск воды между кустов.

— Что я говорила, Ману? Сейчас мы посмотрим, что тут для нас с тобой выросло полезного. Не зря же я жила у лекаря и помогала ему собирать целебные травы и готовить всякие отвары. Я знаю, из каких листьев готовится отвар, заживающий раны, а какой корень поддерживает силу духа. А что знаешь ты? — Девушка обняла за шею кобылу. — Я думаю, немало, Ману, только молчишь. Сейчас мы поедим пряных трав с лепешкой, а потом, может быть, и повкуснее чего найдем. Тут и попить можно, и умыться. Ну, пошла, пошла.

Соня отпустила Ману и, раздвигая обеими руками ветки кустов, осторожно спустилась к ручью. В поисках ягод она пошла по берегу вверх, против течения, решив, что если идти по течению, то можно забрести в болото.

Соня не обманулась в своих ожиданиях. В пятнистой тени у самой кромки воды в изобилии росли пряные побеги водяного кressса и мяты, а чуть выше, на залитом солнечным светом склоне, среди колючих ветвей виднелись темно-фиолетовые россыпи ягод ежевики.

Утолив голод, Соня вывела Ману на дорогу — пора выбираться из леса. Она вскочила в седло и тронула поводья. Спешить девушке было незачем; в Лагоше, куда она направлялась, ее никто не ждал. Мир и покой, царящие вокруг, тишина, нарушаемая лишь мерной поступью лошади и трелями птиц, навевали Соне воспоминания о безоблачном детстве. И давняя, не отпускающая боль — гибель семьи — заставила девушку невольно напрячься, и как бы отвечая хозяйке, Ману тревож-

но заржала. А затем вскинулась на дыбы и затанцевала на задних ногах, словно наткнувшись на невидимую преграду. Соня не удержалась в седле и кубарем покатилась по земле. Едва оправившись, девушка вскочила и выхватила кинжал. За спиной, среди ветвей, кто-то ехидно захихикал. Соня обернулась — никого. Она бросилась в кусты и тут же застонала от резкой боли в лодыжке.

«Ну вот, кажется, мне и пригодится мой зондажарский опыт», — подумала Соня. Ощупав ногу, она с удивлением обнаружила, что все в порядке. Девушка было кинулась к месту, откуда донесся смешок, но мышцы будто свело судорогой, и она стояла, не в силах сделать и шага. Соня беспокойно оглянулась — все дышало покоем, заливисто щебетали птицы, в воздухе разливались сладкие ароматы цветов и меда, а солнечные лучи мягко ласкали кожу. Совсем рядом Ману безмятежно пощипывала траву, от недавнего испуга лошади не осталось и следа, и трудно было поверить, что лишь мгновение назад она, вздыбившись и закусив удила, выбросила хозяйку из седла.

— О, Пресветлые боги! Что за штучки? — прошептала Соня. — Эй, кто здесь? Выходи! — выкрикнула она в пустоту.

— Я выйду, но сначала ты убери оружие, — ответил негромкий старушечий голос.

— Да кто ты такая, чтобы мне указывать? — гневно воскликнула девушка.

— Если ты меня спокойно выслушаешь, то все поймешь. И я думаю, что не откажешь мне в помощи, — прошелестело из-за сомкнутых ветвей.

— В помощи? — хмыкнула Соня — Выходи, и я, может быть, уступлю твоей просьбе.

Соня вложила клинок в ножны, но пальцев с рукоятки не убрала. Она настороженно оглядилась вокруг, ожидая дальнейших событий. Вот слегка дрогнули ветки, и из-за кустов неторопливо вышла древняя старуха.

— Так кто же ты? И что я могу для тебя сделать? — К Соне вернулась уверенность. — Отвечай — я не причиню тебе вреда. Я не воюю с женщинами столь почтенного возраста. Да и вид у тебя такой, будто ты только что вылезла из кучи прошлогоднего хвороста.

— Что ж, в твои годы люди часто бывают хвастливы и глупы. Но пройдет не так много времени, и ты станешь такой же засохшей веткой, как я, а какой-нибудь юнец станет над тобой так же безнаказанно потешаться, — тихо, без укора, сказала старуха. — Меня зовут Надира, — продолжала она. — Я живу в этом лесу, и лес живет во мне. Так было всегда. И так будет, если ты поможешь мне. Раз в десять лет в этих местах цветет куст орешника и на нем созревают плоды. Эти орехи вы, люди, называете иркала. Они нужны мне. Если я не получу их, то жизнь моя кончится, а вместе со мной погибнет и этот лес. Сама я не могу набрать орехов. Существует одно условие — я должна принять иркала из рук юной непорочной девы.

Соня вспыхнула:

— Ах ты, прошлогодний лист! Видно, с годами тебя глаза стали подводить. Где ты видишь дев непорочных? Я — юноша, и зовут меня...

Надира, не дослушав, засмеялась и махнула рукой. Поднявшийся ветерок скинул капюшон с головы Сони, и по ее плечам рассыпались рыжие локоны.

— Не спорь со мной, — улыбаясь, промолвила старая женщина, — я давно жду, и жду именно тебя. Поверь, ты не случайно оказалась здесь. Случайностей не бывает. Хотя пока ты этого и не понимаешь. Пойдем, я покажу тебе, где растет иркала.

Соня досадливо поморщилась — странная старуха явно заговаривается. Но любопытство, порой толкавшее девушку на необдуманные поступки, брало свое. Она оглянулась и тихо свистнула. Ману тут же подошла, и они отправились вслед за Надирой.

После недолгого пути Соня увидела впереди удивительной красоты куст.

Издали она не поняла, что же необычного было в этом орешнике, но, подойдя ближе, разглядела. Листья на ветках оказались двух цветов: одни темно-зеленые, другие яркие, изумрудные, а в этой пестрой гуще висели крупные, как яблоки, белые колючие плоды.

Позднее Соня узнала, что это только кожура, а сам орех, блестящий, коричневый, спрятан внутри, но сейчас ее крайне удивил необычный вид плодов и листьев.

Надира протянула плетенную из лозы корзинку, и Соня стала собирать туда орехи. Наконец корзина наполнилась, и девочка протянула ее хозяйке.

— Нарви себе тоже,— предложила Надира.— А когда приедешь в город, пойди на базар и продай их. Продай первому же мужчине, который захочет купить их. Только не говори никому, где ты их взяла. Кто знает им цену, тот купит, не торгуясь и не докучая тебе вопросами. Помни, тебе следует сразу же уйти с базара, не задерживаясь.

Не обращая внимания на пристальный взгляд старухи и особо не задумываясь, Соня отстегнула от седла кожаную суму и стала собирать в нее орехи. Набрав полную, Соня оглянулась. Она собиралась расспросить Надиру, что за необыкновенные свойства таят в себе орехи иркала, но с изумлением увидела, что рядом никого нет. Только Ману нетерпеливо потряхивает короткой гривой невдалеке на полянке. Соня с досадой стукнула кулаком по стволу дерева. Она позвала Надиру, но та не откликнулась. Соня направилась к лошади, ловко привязала суму и, вскочив в седло, тронула поводья.

Поняв, что все равно сейчас ей не разгадать тайну плодов иркала, она решила не думать о них совсем, а приехав в город, сделать, как велено.

Солнце уже давно перекатилось через зенит, и Соня стала подумывать об обеде. «Хорошо бы подстрелить птицу или мелкую дичь,— размышляла Соня,— да и зайцы здесь, судя по всему, водятся». Она отпустила поводья, предоставив Ману выбирать путь, а сама сняла с плеча лук и взяла его на изготовку. Зайца, конечно, так не подстрелишь, но разомлевшую на солнце горлицу может и удастся. Вдруг Соне показалось, что в привычном

лесном гомоне появился какой-то новый, посторонний звук. Она коротким свистом остановила лошадь и прислушалась.

— Слушай, Ману,— прошептала Соня.— Может, это Надира опять ищет встречи с нами? Вспомнила старуха, что ничего не рассказала про орехи, да и решила исправить ошибку.

Соня пригнулась к лошадиной шее, напряженно вслушиваясь. Совсем рядом раздался тонкий, всхлипывающий звук, словно где-то неподалеку, в подлеске, плакал ребенок.

— Тихо! — шепнула всадница прямо в ухо лошади.

Ману, поняв, что от нее требуется, осторожно двинулась вперед. Соня руками отводила ветки, опять закинув лук на плечо. Капюшон упал, но девушка лишь встряхнула головой, откладывая назад волосы. Детские рыдания становились все громче. Сквозь листву Соня разглядела небольшую полянку. В центре ее, у обструганного столба, с заведенными назад связанными руками сидела и плакала девочка. Соня затаилась, выжидая, что будет дальше. Велев Ману стоять на месте, она осторожно обошла поляну кругом. Никого. Не выходя из-под ветвей на открытое пространство, девушка негромко окликнула ребенка:

— Эй ты, прекрати реветь!

Девочка сразу умолкла и сжалась в комочек, словно от удара.

— Кто тебя бросил здесь связанныю? — уже мягче спросила Соня, не переставая настороженно оглядываться.

— Меня привели сюда и оставили мои односельчане,— вновь всхлипнула девочка.

— Зачем? — спросила Соня.— Отвечай скорее и скажи: кто за тобой должен прийти?

— Я не знаю, кто за мной должен прийти и когда,— испуганно отвечала малышка.— Может быть, это ты?

Это предположение удивило и рассмешило Соню. Она медленно вышла из кустов, держа в руках обнаженный кинжал, и подошла к столбу. Худенькая девочка в страхе опустила лицо на колени и тихонько заскулила. Потом приподняла голову и с робкой мольбой взглянула на Соню. А та, поняв, что здесь никого больше нет, решительно подошла к пленнице, но развязывать путы не стала.

— Хватит реветь! — строго приказала она.— Рассказывай все быстро, коротко и по порядку.

Несмотря на жесткий тон, девочка уловила в голосе незнакомки сочувствие, и это слегка приободрило ее.

— Я живу здесь неподалеку, у излучины реки Баррот,— запинаясь, промолвила пленница,— и уже много лет на нашей деревне лежит проклятие богов. Я не знаю, за какие проступки мои односельчане навлекли на себя высший гнев, но каждый год, когда зацветает акант, взрослые выбирают одного ребенка из тех, кому только исполнилось десять зим, и приводят сюда. А в этом году только мне исполнилось десять.

— И что происходит дальше? Кто ж забирает детей?

— Этого никто не знает. Говорят, что их отводят на съедение демону, что такова воля богов.— Рыдания заглушили ответ девочки.

— Тише, тише,— успокоила ее Соня.— Сделаем так, я надрежу твои путы, и ты, в случае чего, сможешь бежать. Но пока продолжай сидеть так, как сидела. А я спрячусь в кустах и подожду того,— девушка насмешливо хмыкнула,— кто придет исполнить волю твоих богов. Ну и, чем смогу, помогу тебе.

Соня подрезала веревку и поспешило скрылась в подлеске. Зародившаяся в девочке надежда высушила слезы. Соня отвела Ману подальше от поляны, а сама надежно укрылась в густой кроне растущего поблизости дерева. Вечерние тени уже ложились на землю, когда Соня услышала мужские голоса. К полянке приближались люди.

«Ну что ж, люди — это уже хорошо. С демонами сражаться сложнее»,— подумала Соня, вытаскивая из-за пояса кинжал и зажимая его в зубах. Руки остались свободными для лука. На поляну вышли двое мужчин, закутанных в дорожные плащи. «Странно, откуда здесь пешие путники?» Девушка озадаченно оглянулась и еще плотнее прижалась к ветке, на которой сидела. Она опасалась, что выдала себя невольным движением. Но мужчины, казалось, не замечали ничего вокруг, кроме девочки в центре поляны.

— Ну, что я тебе говорил,— сказал один из них довольным голосом.— Эти бараны опять безропотно приволокли ребенка. Так легко получить молодую здоровую рабыню не часто удается!

Говоря это, путники подошли к пленице. Тот, который говорил, больно пнул ее носком сапога. Девочка вскрикнула. Мужчина рассмеялся, он чувствовал себя хозяином положения. Второй вел себя боязливо и все время оглядывался.

— Это моему отцу пришла такая удачная идея в голову — запугать деревню гневом богов, да и поживиться на этом, — продолжал хвастаться работоговец.

— Но твой отец еще два года назад отправился на Серые Равнины. А как он умер, твой отец, Абака? — осторожно спросил второй.

— Умер? Да как, обыкновенно как. В драке его зарезали на базаре, — спокойно ответил Абака, рассеянно почесывая бороду. — Напрасно ты все оглядываешься, Хубилай. Нам здесь ничего не грозит.

— Все равно, неспокойно мне. Отвязывай ее поскорее, и пошли отсюда, — настаивал Хубилай.

— А что нам торопиться? Караван в Аагош пойдет затемно, — спокойно сказал Абака, — мы успеем перекусить и как раз в нужное время выйдем на дорогу. Плешивый Мира, если запоздаем, подождет. Он знает, что когда зацветает акант, я всегда поставляю ему отличный товар.

Абака собрал хворост и стал раздувать костер, не обращая больше внимания на причитания и уговоры Хубилая. Его приятель развязал мешок и стал доставать и раскладывать припасенную снедь. Каждый был занят своим делом. В наступившей тишине тоненько пропела стрела. Абака уткнулся головой в костер. Его стон заглушил треск разгоравшихся сучьев.

— А знаешь, — заговорил Хубилай, не поворачивая головы — надо все-таки убираться отсюда поскорее. Не люблю я, когда люди к своим делишкам приплетают богов.

С этими словами он повернулся в сторону приятеля. Сдавленный крик застрял в горле Хубилая. В тот же момент он упал с торчащим в шее кинжалом. Соня спрыгнула с дерева на поляну, подошла к убитому и, выдернув клинок, брезгливо вытерла его о плащ мужчины.

— Вставай. Сейчас мы с тобой перекусим. Нечего хорошей еде пропадать. Вот только оттащу эту паленую свинью от костра, жаль: такая хорошая стрела сгорела, — сказала Соня и, подхватив Абаку под мышки, подтащила его поближе к приятелю. Наклонилась и, пряча кошельки работоговцев за пояс, продолжила: — А затем я провожу тебя в твою деревню.

Девочке кусок не шел в горло, она с ужасом поглядывала на трупы мужчин, пока Соня с удовольствием ужинала.

...Въехав в деревню, Соня услышала крики и плач, раздававшиеся из домов. Это жители деревни оплакивали свою несчастную долю и своих бедных детей. Девочка показала спасительнице свой дом.

Когда они вошли, их никто не встретил. Казалось, все покинули это скорбное жилище. Вдруг из глубины дома донесся приглушенный стон. Поспешив, Соня оказалась свидетельницей странного застолья. Вся семья собралась то ли ужинать, то ли поминать своего ребенка. Все молчали, и

только мать, не в силах сдерживать свое горе, протяжно стонала.

— Мама! Мамочка! — Девочка бросилась к ней. — Не плачь. Я вернулась к тебе.

Женщина, отшатнувшись в первый момент, схватила дочь и крепко прижала к себе, еще не веря в свое нежданное счастье. А девочка, вырываясь из объятий, указывая на Соню, затараторила:

— Это она, она спасла меня. Меня и вас всех. Нет никакого проклятья!

Соню обступили. Вопросы сыпались со всех сторон. Кто-то побежал обрадовать соседей. И вот уже по всей деревне шел шумный веселый праздник. Родители проданных детей тоже радовались. Ведь теперь они знали, что дети их живы, а не сожраны страшным чудовищем.

Соня прожила среди поселян несколько дней. За это время на нее было излито столько благодарности, внимания и всеобщей любви, что девушка очень устала. Осторожно, чтобы никого не обидеть, она сообщила о своем скором отъезде. Тогда ей стали приносить подарки, и Соня поняла, что если так пойдет и дальше, то ей придется купить повозку.

Запасвшись провизией и поблагодарив всех, девушка покинула гостеприимную деревню. Отец девочки, Шаруз, провожая Соню, сказал:

— Милостивая госпожа, мне нечем по достоинству отплатить тебе. Те жалкие крохи, что ты приняла от нас, несоизмеримы с нашей благодарностью. Но позволь дать тебе совет. Я не всегда крестьянствовал. В былые времена я нанимался в

охрану и сопровождал караваны. На одном из переходов судьба свела меня с кхитайцем Ло Юнем. Я до сих пор считаю его своим ближайшим другом. Будешь в Лагоше, остановись в его таверне. Он необыкновенный человек, над ним простерта рука богов. А если тебе понадобится помочь, любая помочь, только скажи ему, что за тебя просит Шаруз, и ты получишь все, что тебе понадобится.

Соня молча улыбнулась в ответ, поправила подаренную крестьянином войлочную шапку и послала лошадь вперед. Но имя — Ло Юнь — запомнила.

* * *

Через два дня Соня подъехала к крепостным стенам Лагоша. Еще издали было видно, как искрятся в лучах уходящего солнца, издалека кажущиеся игрушечными, позолоченные башенки храмов. Они сверкали, как полированные доспехи стражников, день и ночь стерегущих свой город. У ворот Лагоша Соня оказалась уже поздним вечером, когда последний лучик солнца вспыхнул на мгновение в бойнице сторожевой башни и погас, чтобы завтра опять осветить великолепный город, город торговцев, ремесленников и ловцов удачи. Девушка нетерпеливо подгоняла Ману, рассчитывая въехать за крепостные стены уже сегодня, но ее надежды разрушил громкий скрип закрывающихся створок ворот. И еще этот скрип развеял в прах Сонины мечты о душистой ванне, мягкой постели и сытном ужине у горящего камина. Зна-

чит, придется и эту ночь провести под открытым небом у костра, а вместо тонких, пахнущих лавандой простынь удавольствоваться дорожным плащом.

Соня осмотрелась — не одна она осталась перед закрытыми воротами. Караваны купцов и таборы кочевников разместились под стенами города. Все старались расположиться поближе к речке, которая текла через город. Путникам надо было наполнить животных, смыть с себя дорожную пыль и набрать воды, чтобы приготовить незамысловатый походный ужин. Кочевники, привыкшие считать любой короткий привал своим домом, уже поставили легкие палатки и разложили костры. В котелках, подвешенных над огнем, булькала, распространяя приятный аромат, похлебка.

Соня решила, что безопаснее переночевать у костра кочевников, чем рядом с тюками богатых купцов. Мало ли что может ночью случиться. Разбойники, бывало, нападали на караваны и прямо у городских стен. Налетят, похватают, что под руку попадется, и исчезнут во мраке. Городская стража до утра из-за стен носа не высунет. А охранники караванников наверняка напьются, отмечая удачный переход. Соня стреножила Ману и пустила ее пасть на лужайку у берега, а сама направилась к ближайшему табору. И вскоре она, поделившись своими припасами, уже, обжигаясь, ела горячую баранину. А потом, поплотнее завернувшись в свой темно-синий плащ, улеглась поближе к догорающему костру и спокойно уснула. Людской говор постепенно умолкал, палаточный

лагерь затихал. И в наступившей тишине стало слышно, как за стеной стражники бьют деревянными молотками по металлическим тарелкам, оповещая жителей, что настала ночь и они должны покинуть улицы.

На рассвете у городских ворот собралась большая толпа. Здесь были и конные, и пешие путники, купцы, доставившие диковинные товары из самых недоступных уголков Хайбории, пестрые кибитки кочевников и арбы ремесленников, груженные всем, что только может понадобиться привередливой хозяйке, и тем, что только способны сделать искусные руки гончаров, ткачей, кузнецов, стеклодувов... Да всех и не перечислишь. Толпа напоминала сгусток ртути — внутри нее ни на миг не затихало движение, она то подкатывалась ближе к воротам, то подавалась назад. Движение это не было бессмысленным. Постепенно в толпе образовалось несколько центров, к которым стягивались единомышленники. Купцы рассказывали друг другу, в каких заморских странах они побывали, каких чудес навидались, что привезли сюда. Здесь же шныряли лавочники, пробравшиеся за городские ворота, чтобы уже сейчас заключить выгодную сделку и открыть свои лавки раньше других. Конечно, были здесь и дельцы особого рода. Они не искали друг друга в толпе. Наоборот, они мечтали в ней раствориться, стать незаметными, присматривая тем временем за чужим, плохо прикрытым скарбом. Праздных путешественников было мало, и они держались особняком. Дорога кишила народом, ожидающим открытия ворот.

Сверху, с городской стены, на все это взирали стражники, предвкушая хорошие сборы. Они зорко следили за толпой, покрикивая на нее в меру разошедшихся и пресекая потасовки угрозами штрафа. Угрозы, как правило, действовали. Всем было известно, какого мастерства радетели порядка достигли в изобретении провинностей, за которые полагались штрафы, а размеры последних были и вовсе непредсказуемы.

Наконец звякнул колокол на главной башне, и массивные, окованные медью ворота, вздрогнув, начали медленно открываться, задевая неосторожно приблизившихся, слишком нетерпеливых гостей города. Шум поднялся невообразимый. Гомонящая, суетливая толпа двинулась в одном направлении. Стражники зорко следили за тем, чтобы никто не проскользнул в город, не заплатив дани.

Соня спокойно сидела в тени большого раскидистого дерева у обочины дороги. Она решила переждать, пока купцы и ремесленники, ругаясь и отпихивая друг друга, минуют досмотр и освободят дорогу.

Действия же стражников на фоне всеобщей суеты казались нарочито медленными. Они неторопливо обходили повозки и груженных товаром выючных животных. Выясняли размеры и ценность ввозимых товаров и назначали пошлину. Затем начиналась торговля между владельцем товара и стражником. И тот и другой знали, чего хотят. В конце концов за небольшую мзду стражник снижал первоначальную цену, и довольный торговец

проезжал в город. Деревья еще отбрасывали довольно длинные тени, а толпа уже заметно поредела.

Соня решила, что настал и ее черед. Не следовало оставаться одной на дороге и привлекать к себе внимание. Она взяла под уздцы Ману и, осторожно протискиваясь в толпе, направилась к намеченному заранее стражнику. Это был молодой парень, явно совсем недавно пришедший на службу, и вряд ли алчность уже успела пустить глубокие корни в сердце юноши. Подъехав к нему, Соня бросила мелкую монетку.

— Эй! Не слишком ли дешево ты хочешь отделаться? — засмеялся стражник.

— Как это дешево? — миролюбиво ответила Соня. — У меня нет никакой поклажи, у меня нет и дорогого оружия, которое облагается пошлиной.

— А кобыла? — настаивал воин. — Такая молодая, крепкая лошадка. За нее придется заплатить.

— Какая крепкая, да ей гроши цена в базарный день, — Соня прильнула к теплому боку Ману, как бы извиняясь за такую нелестную оценку. — Ты посмотри, — продолжала она, — какие у нее короткие ноги, а бабки? Да ты взгляни на ее бабки, еще немного, и они будут совсем сбиты. Мы вовремя добрались до города. Бедная кляча. Ты видишь, я даже не решился на нее сесть, боюсь, она не выдержит, упадет, бедняга.

Болтая без умолку, Соня осторожно продвигалась вперед, подтягивая за собой Ману.

— Она вся в поту, а посмотри, как спуталась грива. Да ты послушай, как она тяжело дышит, —

не останавливаясь продолжала Соня,— я даже не знаю, удастся ли мне довести ее до конюшни.

Она бросила поводья, обежала Ману вокруг, то похлопывая, то подсовывая под брюхо лошади руки, как бы поддерживая ее.

Бертлявый разговорчивый парень совершенно ошеломил молодого стражника своей болтовней. Он уже не знал, куда смотреть, то ли на бабки, то ли на грибу, а юнец все говорил и говорил, продолжая потихоньку двигаться вперед.

Когда же стражник опомнился, перед ним уже переминался с ноги на ногу маленький, косолапый старик вендиец в длинном, богато расшитом шелковом халате и платке, накрученном на голове. Торговец недоуменно поглядывал на стражника и не понимал, почему он молчит и ничего не требует. А тот, посмотрев на мелкую монетку, зажатую в руке, на вендица, стоящего перед ним, наконец-то осознал, что его только что обвел вокруг пальца болтливый мальчишка, и рассвирепел.

Он оглянулся в сторону города. Единый людской поток, вливающийся в город, за воротами разделялся на множество речек и ручейков, хотя основная масса приезжего люда все-таки двигалась в одном направлении — к базару.

Углядеть в этой пестрой толпе худенькую фигурку паренъка было невозможно. Стражник резко повернулся к старику с твердым намерением отыграться на ни в чем не повинном торговце.

Соня, затерявшись в людском потоке, неспешно двигалась к городскому базару.

Лагошский базар был центром торговли на всем Востоке. Здесь выставляли свой товар не только местные ремесленники, земледельцы и скотоводы. Из разных концов света съезжались сюда купцы. Одни везли драгоценные камни необычайной красоты, другие — прозрачные легкие ткани и плотные шелка, расшитые причудливым узором, третий — яркие пушистые ковры, как будто специально созданные для того, чтобы нежить и холить изящную узкую ступню красавицы. Да и для воина в лавках Лагоша могло найтись все что угодно, любое оружие — и такое, с которым не стыдно явиться на пышный турнир, и такое, что незаметно прячется под плащом, но не подведет в любой горячей схватке. Можно сказать, что базар стал городом внутри города. Тут были свои кварталы, разделенные улицами, открытые площади, где торговали зеленью, домашней птицей и скотом. Рядами шли лавки ювелиров, портных, оружейников, шорников и других ремесленников. У дверей каждой стоял криклий зазывала. Гам стоял невообразимый, все наперебой расхваливали свои товары, стараясь превзойти в этом соседей. Тут же шныряли мальчишки, нагруженные кувшинами со сладкой водой и вином, предлагая прохожим освежиться, а зазывалам промочить горло.

Этот шумный пестрый мир с детства привлекал Соню. Почти на каждом шагу ей хотелось остановиться, зайти в лавку, пощупать тонкие ткани, поглязеть на дорогое оружие, повернуть в руках тяжелый кубок с тонкой гравировкой. Хоть на миг ощутить аромат той роскоши, от которо-

го она отвыкла за последние годы. Соня вздохнула, прогоняя воспоминания. Сначала надо пристроить Ману на конюшню и устроиться самой, а затем попробовать продать орехи иркала.

— Эй, приятель,— окликнула Соня паренька, бежавшего мимо с корзиной фруктов,— не подскажешь ли, где здесь приличный постоялый двор. Только чтобы обязательно с конюшней.

Парень окинул Соню оценивающим взглядом — пыльные сапоги, грубые штаны, плотно застегнутая суконная куртка, низко надвинутая шапка, из-под которой видны рыжие волосы.

— Самый приличный для тебя,— усмехнулся горожанин,— находится неподалеку. За поворотом спроси таверну кхитайца Ло Юня. У него хорошая конюшня, и он недорого берет за постой.

Соня вздрогнула, услышав знакомое имя. Она еще не решила, стоит ли ей воспользоваться советом Шаруза. Но как там сказала старуха Надира — случайностей не бывает? И, поблагодарив юношу, она отправилась в указанном направлении. Девушка быстро нашла таверну кхитайца. Паренек с корзиной не обманул — все оказалось так, как он сказал. Соня сама отвела Ману на конюшню, поставила ее в свободное стойло и насыпала свежего сена.

— Ты уж прости, что я такие гадости про тебя наговорила,— повинилась Соня перед лошадью.— Но как-то надо было от него отделаться, а то бы он оставил нас без гроша.

Соня ласково потерлась щекой о бархатистую морду кобылы.

Затем она отстегнула дорожную суму и перекинула ее через плечо. Выйдя из таверны, Соня пошла искать ряды зеленщиков, чтобы там пристроиться со своими орехами. Поплутав немного по базару, девушка вышла на открытую площадь, тесно уставленную прилавками. Людской говор, теснота, звон монет, переходящих из одних рук в другие,— все это лавиной обрушилось на Соню. Она стала протискиваться в толпе, подыскивая себе место. Вот ряд, где торгуют дикими плодами и орехами. Удобно устроившись в тени дерева, девушка поставила сумку прямо на землю и широко раскрыла ее, выставляя напоказ свой необычный товар. Рассматривая орехи, впервые после того, как нарвала, Соня вспомнила Надиру, и досада вновь поднялась в ней.

«Что же необыкновенного в этих орехах? — размышляла девушка.— Почему она мне этого не сказала?»

И вдруг, повинуясь какому-то порыву, Соня взяла два ореха и спрятала за пазуху. Так онаостояла довольно долго и уже начала злиться, решив, что старуха посмеялась над ней, но вдруг проходивший мимо горожанин заинтересовался ее товаром. Он подошел ближе и присел, разглядывая орехи. Это был мужчина средних лет, одетый в дорогую одежду. Его уверенная манера держаться и массивные перстни на пальцах говорили о принадлежности покупателя к довольно высокому слою общества.

— Великий Нергус! Да это же орешки иркала! — воскликнул он.

Соня кивнула. Она была поражена, что в этом людском скопище нашелся человек, знающий, что это за орехи. Вельможа отстегнул от пояса кошелек и достал несколько золотых монет.

— Я возьму их вместе с сумой,— сказал он тоном, не терпящим возражений.

Обернувшись, мужчина кому-то махнул рукой, из толпы вынырнул темнокожий парнишка, видимо слуга, и забрал покупку.

— Это достаточная плата и за орехи, и за твою сумму.— Сказав это, вельможа спокойно ушел, моментально растворившись в толпе прохожих.

Соня не знала, радоваться ли ей быстроте сделки и внезапной тяжести кошелька. Но вскоре ее охватило приятное чувство богатства и свободы.

И девушка совершенно позабыла последнее наставление Надиры. Более того, намерения Сони были прямо противоположны ему. Для начала она решила отпраздновать удачную сделку и хорошо поесть. Последнее время ей не очень везло на охоте, и при мысли о хорошо приготовленном куске мяса рот ее наполнился слюной.

Невдалеке Соня увидела яркие фонарики, украсившие резные деревянные двери богатой таверны, и решительно направилась туда. Дорогу ей преградил рослый слуга.

— Наше заведение не для таких, как ты,— лениво сказал верзила, пристально оглядывая потрепанную одежду Сони.— Проваливай.

— Чем это тебе не угодили такие, как я? — спокойно спросила Соня.— Тем, что мы не лакаем хозяйские помои?

Она достала монетку из кошелька и бросила ее слуге. Тот поймал монету на лету и посторонился, пропуская Соню. Внутри оказалось прохладно и чисто, пол покрывала узорная циновка, а свежевыбеленные стены украшали фонарики, такие же, как у входа, но свет из них лился приглушенный, мягкий. Несколько человек сидели на красивых шелковых подушках и тихо разговаривали. Перед ними на невысоком столике стояли красиво расписанные тарелки и пиалы со всевозможными яствами. Все это было так непохоже на придорожные таверны с их вечным шумом, смрадом и драками, что девушка растерялась и в нерешительности остановилась.

К ней сразу подошла девочка-служанка и, не спрашивая, провела к горке красивых подушек в углу. Молчаливый прислужник подал чашу для омовения рук и подогретое полотенце. Перед Соней разместили такой же низкий столик, на котором мгновенно стали появлятьсяпряно пахнущие блюда — ароматное жареное мясо, приправленное зеленью и овощами, сочные фрукты, сыр со слезой, пышные белые лепешки, кувшины с душистой водой и вином.

Девушка набросилась на еду, не обращая внимания на окружающих. Когда отступил голод, она стала есть помедленнее, наконец-то вспомнив о хороших манерах и отдавая должное легкому красному вину.

Но что-то ее настораживало в этой благопристойной таверне, хотя уходить не хотелось, а хотелось вот так сидеть на мягких подушках, поши-

пывать кисть сизого, почти черного винограда и ни о чем не думать.

— Господин что-нибудь желает еще?

Соня, разомлев, даже не сразу поняла, что вопрос обращен к ней.

— У нас есть прекрасные танцовщицы и музыкантиши. Если господин пожелает, они могут устроить для него представление,— продолжала говорить девочка-служанка.

— Какое еще представление? — Соня постаралась показать, что сильно опьяняла.— Знаю я эти танцы. Выйдут две жирные гусыни, каждая старше моей бабушки,— она заговорила громче,— и будут изображать обольстительных красавиц.

— Нет, нет, милостивый господин. У нас совсем юные танцовщицы,— возразила прислужница.

— Такие, как ты? — Соня пальцем приподняла подбородок девочки. Та покраснела и отступила.

— Еще у нас очень красивый сад,— тихо продолжала девочка.— Там есть тенистые беседки и журчит фонтан. Если господин хочет, он может уединиться и отдохнуть там.

Она замолчала, вопросительно глядя на «милостивого господина», и, видя его нерешительность, отошла. Проследив за девочкой взглядом, Соня вдруг заметила, что из-за занавески за нею пристально наблюдают. Вновь появившаяся служанка поставила перед Соней полный кувшин вина.

«Великий Нергус! — вспомнила девочка восхищание вельможи, купившего орехи.— Стоило только подумать, как все исполнилось!» Она налила себе вина и поднесла изящный серебряный

стаканчик к губам. Но что-то остановило Соню. Ей показалось, что к тяжелому сладкому аромату вина примешивается какой-то посторонний и вроде бы знакомый запах. Она поставила стаканчик на столик и откинулась на подушки. «Я, кажется, знаю, что это за запах»,— решила девушка, припомнив свою службу у лекаря. Когда служанка появилась опять, Соня, словно ослабев от выпитого, слегка взмахнула рукой. Девочка тут же подошла.

— Молодой господин хочет отдохнуть в саду? — не глядя на гостью, спросила она дрогнувшим голосом.

«Ну и ну,— хмыкнула про себя Соня,— кажется, я влипла в неприятную историю. Надо как-то выбираться отсюда».

— Нет, с этим мы еще повременим,— заплетающимся языком пробормотала девушка.— Проводи-ка меня... ну, знаешь куда.

Потом сунула монетку служанке и с трудом встала, демонстрируя, как она отяжелела от еды и вина. Девочка кивнула и легкой походкой прошла вперед, указывая дорогу.

Соня оказалась в небольшом глухом дворике, окруженном со всех сторон глинобитной стеной. Судя по шуму, стена с одной стороны выходила на улицу.

Девушка достала золотую монету и положила на скамью у двери, чтобы маленькую служанку не избили, когда обнаружится побег. Оглядев дворик, Соня увидела в углу длинный деревянный шест, на котором, видимо, сушили полотенца после ух-

да посетителей. С его помощью она взлетела на стену и, оглянувшись, спрыгнула на землю. Оказавшись на улице, девушки бросилась бежать туда, где бурлил базар и где можно было легко затеряться в толпе.

Глава вторая

Р

х, отродья шакала и гиены, думала Соня, бесцельно бродя по базару, за что это они хотели меня отравить? Ну ладно, соблазнить и обобрать — это еще куда ни шло, но отравить... Выкормыш Нергала!

Многоголосая жизнь базара уже не так пленяла Соню, да и торговля пошла на убыль. Сюда стала стекаться совсем другая публика — оборванные попрошайки и убогие калеки.

Они пришли, рассчитывая получить даром то, что заявляло, помялось, испортилось за длинный знойный день. Надежда хоть на какой-то ужин и ночлег сгоняла по вечерам на базарные площади нищий, бесприютный люд со всего блистательного Лагоша.

Проходя по одному из глухих проулков, Соня увидела странную сцену: совершенно молча, но ожесточенно дрались несколько человек.

Через мгновение девушка поняла, что трое напали на одного, а тот успешно обороняется. Мель-

кали руки, ноги, слышались глухие удары. Но ни одного слова. Не раздумывая, она выхватила кинжал и резко свистнула. Клубок дерущихся сразу распался, мужчины застыли на миг, и Соня разглядела невысокого худощавого парнишку-кхитаяца. Он стоял, прислонившись спиной к глухой стене какого-то сарая.

Нападавшие двинулись было в сторону Сони, но, увидев в ее руке кинжал, остановились. Кхитаец тем временем оправился от испуга и поднял с земли небольшую дубинку, которую, видимо не-задолго до появления Сони, противникам все-таки удалось выбить у него из рук. Оказавшись зажатой между двумя вооруженными бойцами, троица негодяев начала отступать. А после удачного выпада Сони, оставившего прореху на куртке одного из них, они, словно взбучка помогла обрести им голос, угрожая противникам и грязно ругаясь, обратились в бегство. Девушка сделала им вслед несколько шагов и еще раз громко свистнула.

— Эй, парень! — Соня резко повернулась на голос. — Что-то я тебя не видел здесь раньше.

Говоря это, невысокий парнишка-кхитаец ми-ролюбиво разглядывал Соню.

— А что, ты всех в городе знаешь? — спросила в свою очередь девушка.

Открытое лицо юноши, его дружелюбный тон понравились Соне, но на всякий случай она не убрала кинжал в ножны, а поудобнее перехватила рукоять.

Кхитаец заметил ее движение и рассмеялся.

— Ну-ну, не думаю, что нам нужно продолжать сражение, после того как эти подонки сбежали, — сказал парень, отбросив в сторону дубинку.

Этот жест окончательно расположил Соню к парню.

— Пожалуй, ты прав, — засмеялась в ответ Соня. — И добавлю, что дважды прав. Да, признаюсь — я только сегодня утром приехал в ваш город.

Соня решила не уточнять, что успела за это время влипнуть в неприятную историю. Паренек-то явно местный, и от него ей наверняка удастся поподробней разузнать о странной таверне с фонариками.

— Меня зовут Иoke, — представился лагошац. — Я каждый вечер прихожу на базар за бросовым товаром. А иногда мне здесь удается подзаработать пару монет, помогая лавочникам с уборкой.

Кхитаец обернулся и подобрал небольшой холщовый мешок, лежащий у стены сарая. Видимо, он-то и явился причиной драки.

Покопавшись в нем, парнишка достал два яблока и одно из них протянул Соне.

— А меня зовут Темир, — невнятно пробормотала девушка, жуя сочный плод. — Послушай, я еще плохо знаю ориентируюсь в вашем городе. И, похоже, кружу по одним и тем же улицам. Проводи меня, пожалуйста. Мне нужно попасть в таверну Ло Юня, я там остановился.

Тонкая улыбка коснулась губ лагошаца, черные глаза насмешливо блеснули, скользнув по фигурке девушки. Потом он кивнул и двинулся вперед, увлекая за собой Соню.

— О, Ло Юня я знаю, мы в родстве с ним. Это хороший старик,— беспечно продолжал Йоке разговор,— он не обманывает приезжих, подмешивая гнилую труху в корм лошадям.

«Да, это лучшая из характеристик для хозяина постоянного двора»,— усмехнулась Соня, вспоминая свою любимицу Ману.

— А провожу я тебя с удовольствием. Я уже справился на сегодня со всеми делами. Заодно перекинусь со стариком парой слов. Тем более, что наш с матерью дом неподалеку.— Лагошец усмехнулся.— Правда, дом — слишком пышное название для нашей лачуги.

Они торопливо шли по пустеющим улицам, разговаривая на ходу. Повернув за угол, Соня резко остановилась — она увидела впереди знакомые яркие фонарики. Теперь они были еще красивее, потому что внутри каждого горела масляная лампа.

— Ты что, Темир? — обернулся Сонин провожатый.

— Какие красивые фонарики! И как искусно украшена резьбой дверь,— слукавила девушка.— Что это за заведение?

— Таверна. Знаешь, лучше держись от нее подальше,— ответил Йоке.— У этого места дурная слава.

И он, к радости Сони, свернул в соседний переулок.

Девушка молча шла рядом, придумывая, как бы расспросить лагошца об этом заведении, не выдавая своей заинтересованности, но он сам начал рассказывать, облегчив тем самым ее задачу.

— Нам-то с тобой нечего опасаться,— начал Йоке,— нас с тобой к этой таверне и близко не подпустят.

Соня отвернулась, спрятав лукавую улыбку. Покажи тугой кошелек, и тебя ласково встретят где угодно. А вот как проводят... Это уже вопрос посложнее.

— Ты видел, какой верзила стоит у дверей? — обернулся Йоке.— Говорят, он может убить одним ударом кого угодно.

— Но если он так встречает посетителей, то как же хозяева не прогорают? — ехидно заметила Соня.

— Ну, он умеет не только кулаками размахивать, но и низко кланяться,— ответил парень, не замечая насмешки.— Туда приходят только очень богатые люди. Говорят,— продолжал он шепотом,— что там устраиваются жуткие оргии. И не все посетители таверны появляются в городе на следующий день. А кто умудряется унести оттуда ноги, те предпочитают, встретившись, не узнавать друг друга. И держать язык за зубами.

«Что ж,— подумала Соня,— все это очень похоже на правду».

— Кто же хозяин этой таверны? — безразличным тоном спросила она.— Неужели еще никто не донес на него правительству города?

— А кто будет доносить? — удивился лагошец.— Одни пропадают, и скорее всего навсегда, а другие молчат или делают вид, что никогда не были за дверями, резьба на которых тебе так приглянулась.

— А все-таки кто владелец таверны? — повторила вопрос девушка.

— Не знаю, как его зовут, — признался Йоке, — но однажды я его видел. Мне на него указали на нашем базаре. Знаешь, он меньше всего похож на хозяина таверны.

— А на кого же? — удивилась собеседница.

— Выглядит он как знатный господин, — медленно проговорил парень, подбирая слова. — А держится так, будто настолько выше всех окружающих, что с трудом замечает их. Хотя не гнушается сам посещать торговые ряды, — закончил Йоке.

Соня остановилась, пораженная неожиданной догадкой. Она вспомнила мужчину, который купил у нее орехи. Его повелительную и высокомерную манеру держаться, небрежный взмах руки, абсолютную уверенность, что этот жест не останется незамеченным. Конечно, это он. А интуиция, которой девушка привыкла доверять, подсказывала ей, что и глаза за занавеской в таверне, наблюдающие за ней в прорезь, несомненно его.

«Кто знает им цену, тот купит, а ты сразу же уходи с базара», — прозвучали в голове у Сони слова старой Надиры. «Ну уж нет! Теперь-то я точно не покину Лагош, пока не разберусь, что к чему». Азарт игрока вспыхнул в ней. «Да, милейший господин, тебе-то следует знать: когда преследуешь тигрицу, нужно быть готовым к тому, что из охотника превратишься в дичь». Собственные рассуждения рассмешили девушку, и она развеселилась: стала тормошить Йоке и засыпала его всевозможными вопросами.

Из полученных ответов быстро стало ясно, что ее провожатый больше ничего толком не знает. Паренек не мог скрыть удивления от внезапной перемены настроения своего нового приятеля. «Что его так обрадовало, — размышлял юноша, — ведь в моем рассказе о том, какие страшные дела творятся в нашем городе, нет ничего смешного?» Но с веселым спутником идти легче и приятней, и спутники, оставив неприятную тему, стали болтать о всякой чепухе. Так, за непринужденной беседой, они дошли до таверны Ло Юня.

— Подожди меня немного, — предложил Йоке. — Я сейчас отнесу вещи домой, чтобы мать не беспокоилась, а затем, если хочешь, проведу тебя по городу. До темноты мы успеем много чего повидать, ведь ты здесь впервые.

— Хорошо, — сразу согласилась Соня, — я буду ждать тебя на конюшне.

«Для осуществления дальнейших планов знание улочек и проулков великолепного Лагоша отнюдь не помешает», — решила девушка и вошла в таверну, уверенным движением отворив дверь. Да, в подобном заведении для Сони все было привычно и знакомо: хозяин с помощником суетились у очага, не упуская из поля зрения своих гостей. А те, пожевывая баранье жаркое, сдвигали кружки с кислым вином и перебрасывались немудреными шутками. Никто не обратил на нового посетителя особого внимания, и девушка почувствовала себя в безопасности. Есть ей не хотелось. Она спросила комнату для ночлега и щедро расплатилась со стариком.

— У молодого господина был удачный день? — спросил Ло Юнь, заметив тугой кошелек в руках девушки.

— Да, стариk, у меня был удивительный день, — искренне сказала Соня. — А еще я познакомился с неплохим парнем, его зовут Йоке, он знает тебя.

— Да, Йоке хороший парень, — закивал хитавец, — я давно знаю эту семью. Мы почти родня.

— Он обещал показать мне город, ведь я впервые у вас. Сегодня я заблудился, — слегка приврала Соня, — и Йоке помог мне добраться до таверны.

— Что же, прогулка — дело хорошее, — согласился Ло Юнь. — Только темнеет у нас быстро, а в темноте разное случается.

— Знаю, стариk, но я не из пугливых, — сказала Соня. — Пойду проведаю свою лошадку. Туда и Йоке заглянет.

Придя на конюшню, Соня нашла свою Ману в полном здравии. Лошадь ласково ткнулась ей в плечо теплым влажным носом. Девушка придирчиво оглядела кобылу, та была тщательно вычищена. А ее сбруя висела на крюке на дальней стене стойла. Подстилка из соломы оказалась свежей, а ясли доверху заполнял овес. «Да, тут и впрямь не подмешивают труху в корм», — усмехнулась Соня.

Дверь открылась, и кто-то вошел на конюшню. Привыкшая к осторожности девушка мгновенно затаилась.

— Темир! Ты здесь? — раздался знакомый голос Йоке.

— Да, — откликнулась Соня. — Иди познакомься с моей красавицей.

Парнишка подошел и протянул руку, чтобы погладить лошадь, но та фыркнула и отступила от него.

— Ух ты, какая гордячка, — удивился лагошец и немного отошел в сторону, разглядывая кобылку, — и впрямь хороша. Погоди, вот принесу тебе что-нибудь вкусненькое, тогда и познакомимся поближе.

Он обернулся к Соне.

— Ну что, пойдем в город?

Они вышли на улицу и, разговаривая, направились к центру. Лагош был выстроен в форме квадрата и обнесен мощной каменной стеной такой ширины, что на ее гребне могли разъехаться два всадника. На каждой стороне стены были окованы медью широкие ворота с подъемными решетками. Над ними и по углам крепостной стены возвышались массивные башни, в которых хранилось оружие городской стражи. От главных ворот через весь город шла широкая, мощенная белыми плитами дорога. Она вела к главному храму и башне с Великим колоколом. По ней проходили торжественные процесии в дни праздников. Простой люд и путешественников в эти ворота не пускали.

Мостовые в городе были широкие и прямые. Дома ремесленников и лавочников прятались за глухими глинобитными стенами, с неширокими воротами, ведущими в небольшие дворики.

Йоке повел Соню к центру города, где возвышались дворцы знати.

Пышные постройки отделялись от улицы красивыми коваными оградами, за которыми видне-

лись роскошные сады. Густая зелень скрывала строения, находящиеся в глубине, не хуже, чем глиnobитные стены.

В Лагоше с наступлением темноты трижды били в Великий колокол, и после третьего удара никто не имел права выходить на улицу.

Исключение составляли приближенные к правительству люди, а также его посыльные. Они всегда носили при себе специальную золотую табличку.

Для простых горожан лишь смерть близкого или случившиеся не ко времени роды служили оправданием для позднего появления на улице.

Если стража замечала припозднившегося прохожего, его задерживали и отводили в тюрьму, а утром провинившегося доставляли в суд. Как правило, нарушителю присуждали немалый штраф, а если у того не было денег, то горожанина били палками, иногда до смерти. Поэтому с наступлением темноты город, кишащий днем как муравейник, становился пустынным и погружался в мертвую тишину.

Все это Йоке рассказывал Соне, пока они бродили по мощеным улицам, рассматривая богатые лавки и стараясь проникнуть взором за ажурные ограды дворцов.

Сумерки быстро сгущались, и лагошец заторопился домой.

— Идем быстрее! — он схватил Соню за руку, увлекая за собой. — Ты видишь, стража выходит на ночной дозор. Значит, скоро ударит колокол.

Они почти побежали, но вдруг Йоке остановился перед каким-то домом. Вернее, перед кра-

сивыми, богато украшенными воротами, за которыми в глубине сада виднелось большое, украденное многочисленными белыми колоннами, башнями и башенками здание.

— Ну, что стоишь? По-моему, у нас нет времени любоваться дворцами. — Соня с досадой дернула спутника за рукав.

— Помнишь, — отышавшись, спросил паренек, — я рассказывал тебе о владельце таверны? Ну, там, где яркие фонарики?

Еще бы ей не помнить, она молча кивнула в ответ.

— Вот это его дом, — продолжал Йоке. — Я однажды видел, как он сюда входил.

Девушка внимательно, совсем с другим чувством посмотрела на строение в глубине сада. У ворот, с внутренней стороны, стояли могучие охранники, не уступавшие в стати верзиле у дверей таверны. Они застыли как каменные изваяния.

Вдруг невдалеке показались мерно двигающиеся носильщики-кушиты с шелковым, задернутым со всех сторон, паланкином. Соня схватила приятеля за руку и потащила в густую тень деревьев. Стражники мигом ожили, проворно бросились открывать тяжелые створки ворот и склонились в низком поклоне. Кушиты, не замедляя шага, двинулись мимо них и направились к белеющим в сумерках колоннам. Над городом поплыл первый удар колокола.

Соня и Йоке бегом пустились в сторону таверны Ло Юня. По мостовым важно шествовали

стражники и плетками разгоняли зазевавшихся горожан.

— По домам, по домам! — кричали дозорные и били деревянными колотушками в металлические тарелки.

Второй удар колокола застал приятелей у дверей таверны. Они торопливо рас прощались, и Соня вошла внутрь, а Йоке побежал домой. Вскоре третий удар разлился над опустевшими улицами Лагоша.

«Хорошо, что мы успели. И что этот надутый вельможа нас не разглядел из-за своих шелковых занавесок,— подумала Соня, усаживаясь за чисто выско бленный деревянный стол.— Удачно все складывается. Я уже обнаружила, где он живет, а меня ему не сыскать,— успокоила она себя и заказала на ужин белых рисовых лепешек с медом и фруктов.

— Обычно молодые люди у нас заказывают мясо и вино,— сказал кхитаец, подавая ей блюдо и кувшин со сладкой водой.

— Знаешь, Ло Юнь,— ответила Соня, разрывая руками пышную лепешку и обмакивая кусочки в мед,— мяса и вина мне на сегодня хватит. Впрочем, мясо было отменное, но вино... Странно пахло это вино, кхитаец.

Девушка, не договорив, засмеялась и взяла следующую лепешку.

Старик внимательно слушал посетительницу, но на его морщинистом лице ничего нельзя было прочесть. Соня помрачнела и испытующе взглянула на старика.

— Ло Юнь! Мне удалось сбежать,— голос ее снизился до яростного шепота,— но я узнаю, почему в ваших тавернах принято подобным образом встречать гостей.— Она решительно стукнула кулаком по столу.

Кхитаец молча отвернулся, глядя на ровный огонь очага. Соня уже доедала свой ужин, когда он заговорил.

— Мой юный гость, ты одинок здесь, за тобой никто не стоит — ни родня, ни знакомые. Легко расстаешься с деньгами — я помню твою щедрость,— легко знакомишься с новыми людьми и легко попадаешь в места, которые и более опытному человеку следует обходить стороной. Доверчивость и кинжал — не лучшая защита в Лагоше. Послушай старика,— продолжал Ло Юнь,— уходи. В нашем городе люди исчезают и никто о них не спрашивает, даже кровные родственники. Кто же вспомнит о тебе? — спросил он и сам же ответил: — Никто.

— Нет, хозяин,— упрямко сказала Соня,— ты меня не запугивай. Покинуть Лагош я всегда успею.

А про себя добавила: «В случае чего, старик, ты станешь моей защитой, знакомым, родней. Я передам тебе слова Шаруза».

Кхитаец меж тем покачал головой и отошел к очагу.

Покончив с ужином, девушка кивнула слуге, и ее проводили наверх, в предназначенную ей комнату. Она с размаху села на широкое ложе и повалилась на мягкие подушки. Только сейчас она

почувствовала, как устала. Устраиваясь поудобнее, Соня вспоминала события этого длинного дня.

Она повернулась на бок и почувствовала, как что-то твердое уперлось ей в ребра. Девушка села и расстегнула куртку — на колени ей упали два белых ореха. Она взяла их в руку и подержала, словно взвешивая.

«Надо бы припрятать эти диковинные орешки, из-за которых у меня столько приключений», — подумала Соня. Она внимательно оглядела комнату и разочарованно вздохнула — нет, здесь не видно потайного местечка. «На конюшне, наверное, найдется», — решила Соня, встала и, осторожно открыв дверь, вышла.

Посетители разошлись, и только Ло Юнь по-прежнему сидел у очага и неотрывно смотрел в огонь, думая о чем-то своем. Девушка тихо выскользнула во внутренний дворик. Было уже совсем темно, на небе зажглись первые звезды. Аромат степных трав, принесенный ветром, наполнял ночной прохладный воздух. Соня огляделась. В темноте деревья казались великанами, а кусты зашившимися соглядатаями. Что-то шелестело в темноте, издалека донесся пронзительный крик какой-то птицы и затих. Ночь была наполнена звуками жизни не менее напряженной, чем днем. Соня тихо засмеялась и отправилась прятать орехи.

* * *

...Грохот больших барабанов и заунывное пение жрецов били в уши. Терзаемая удушьем Соня упала на дорогу, кровь жертвеннего барана лилась на

девушку отовсюду, затопляла ее, не давая дышать. Соня поняла, что сейчас умрет. Но вдруг свежий порыв ветра налетел из придорожного леса и позволил ей сделать еще один вдох. Девушка подняла голову и увидела, как сухая ветка, упавшая неподалеку, превратилась в лесную старуху Надиру. «Съешь орех, — сказала она. — Тебя спасет орех».

Крик вырвался из груди Сони с остатками живительного воздуха, и... она проснулась. Кругом стояла тишина. Значит, ей все приснилось? И крик приснился, и жертвенный баран, и Надира. Детали сновидения ускользали, размывались в памяти, но старуха сказала что-то очень важное. Девушка нахмурилась, пытаясь вспомнить.

«Да-да, — обрадовалась Соня, — она сказала, что меня спасет орех! От кого? От чего спасет?»

Девушка откинулась на подушки и глубоко вдохнула прохладный ночной воздух. В раскрытое окно виднелось темное ночное небо, усеянное звездами. Оно было так близко, что казалось, стоит протянуть руку и дотянешь любую звезду. Девушка улыбнулась. Все-таки старуха раскрыла ей тайну орехов. Пусть не до конца, но главное — в чем ценность орехов для нее, Сони, она теперь знает. Она ни на мгновение не усомнилась в правдивости сна. За свою короткую жизнь Соня не раз могла убедиться, что боги милостивы к ней и время от времени посыпают веющие сны. Главное запомнить такой сон и правильно истолковать. Но подумает она об этом завтра. И, убедившись, что кинжал на месте — под подушкой, — она повернулась на другой бок и крепко уснула.

Тихий ветерок нарушал неподвижность ночи. Он пробежал по траве, по цветам, пошелестел листьями деревьев, залетел в маленькую комнушку, где спала девушка, раскидав по подушке длинные рыжие волосы.

Глава третья

оня шла по широкому торговому городу и что-то беспечно напевала. Ночные тени растаяли с первыми утренними лучами солнца, унеся за собой обрывки воспоминаний о ночном кошмаре. Девушка быстро шла в сторону базара с намерением купить новую дорожную сумку. Но она не спешила с покупкой. Одну за другой обходила она лавки ремесленников, рассматривая товары. Порой казалось, что перед ней разложены все мыслимые и немыслимые изделия мастеров Хайбории. Она уже посмотрела немало кожаных бритунских седельных сумок, ковровых переметных сум Вендии, вместительных заплечных мешков афгулов, изящных плетеных кхитайских кофров, что крепились к седлу сзади, но делала вид, что все они ей чем-то не нравятся.

Соня кружила по базару в людском водовороте и не видела, что за ней давно следит какой-то человек. Он неотступно следовал за девушкой, не сокращая и не увеличивая расстояние. Когда она

заходила в лавку, соглядатай пристраивался неподалеку в тени дома или дерева и терпеливо ждал, когда Соня выйдет, чтобы продолжить слежку.

Девушка подошла к прилавку, на котором были разложены всевозможные вещицы из кожи и металла, украшенные тиснением и чеканкой, инкрустированные драгоценными камнями. Рядом с прилавком под навесом сидел хозяин. Он мерно постукивал молоточком по серебряному кувшинчику, нанося на него замысловатый узор.

Разглядывая все это пестрое великолепие, Соня не знала, на чем остановить взгляд. Она стала перебирать налобные повязки, браслеты, фибулы, и в руки ей попался пояс: небольшие кусочки кожи с тисненым орнаментом были соединены цепочками с золотыми бляшками. И на каждой — инкрустация. Искусно закрепленные разноцветные камешки переливались всеми цветами радуги. Соня как зачарованная вертела в пальцах пояс, любуясь игрой солнечных лучей на ярких камнях.

Она понимала, что такая вещь не нужна ей, но не могла себя заставить расстаться с приглянувшимся украшением. Она откладывала вещицу на прилавок и опять брала ее. И не сразу заметила, как к прилавку подошла шумная компания пестро одетых людей и оттеснила ее от прилавка. С поясом в руках девушка оказалась за спинами новых покупателей. Соня осторожно огляделась. Вокруг кипел шумный, азартный, захватывающий все и всех базар. Казалось, до нее никому нет дела. Девушка быстро сунула драгоценный пояс за пазуху. Теперь пора уходить.

Независимой походкой, напустив на себя вид праздно шатающегося бездельника, Соня направилась вдоль прилавков к ближайшему повороту, чтобы там, затерявшись в толпе, выбраться с базара. Она почти достигла своей цели, как вдруг ее кто-то грубо схватил за плечо, и в тот же миг раздался крик: «Держи вора!» Девушка резко дернулась, пытаясь стяхнуть с себя руку, но это ей не удалось. Тогда она резко повернулась к напавшему и молниеносно ударила его ногой в колено и кулаком под ребра. Хватка, державшая Соню, ослабла, и, воспользовавшись этим, она бросилась бежать. Но внимание толпы уже было привлечено к ней.

— Держи, держи вора! — кричал упавший добычу мужчина. За ней бросились несколько человек. Толпа расступилась, пропуская ее, но это не помогло. Сразу несколько рук схватили Соню, и на нее посыпались удары.

— Бей его! Бей! — подзадоривали голоса высунувшихся из-за прилавков торговцев.

— Развелось ворья! — вторил им какой-то толстый лавочник. — Того и гляди — все унесут. Бей, бей его!

— Да у этого щуплого мальчишки сил не хватит все твое добро унести, — зло сказал бедно одетый горожанин.

— Все вы, оборванцы, заодно! — взвизгнул толстяк.

— Стража! Зовите стражников, — послышались женские голоса в толпе. — Иначе паренька забьют до смерти.

Предложение это не было лишено смысла. Со-
ню били сразу несколько дюжих мужчин. Она по-
пыталась оброняться, но на этот раз ей не удалось
вырваться из сильных опытных рук. Все поплыло
перед глазами девушки. В какой-то момент ей по-
казалось, что за побоищем наблюдают вниматель-
ные недобрые глаза. Мысль эта промелькнула в
сознании и ушла.

Послышался звон оружия и бряцание доспехов — стражники спешили на призыв горожан. До-
бровольные защитники чужого добра поспешили скрыться. А Соня упала на землю. Войлочная шап-
ка свалилась у нее с головы, и, словно полирован-
ная медь, на солнце засверкали длинные рыжие
пряди. Послышались удивленные возгласы, потом
на какое-то мгновение наступила тишина, наруша-
емая только громкими выкриками: «Расступись!»
Это стражники пробирались к месту драки.

И в этот момент из толпы выскочил здоровен-
ный детина, подхватил Соню на руки и двинул-
ся вперед, расталкивая зевак. В стоящем неподалеку паланкине откинули занавеску, парень бы-
стро запихнул туда свою ношу, и четверо здоровен-
ных кушитов-носильщиков бегом кинулись прочь. Растерянные горожане расступались, а па-
рень, еще мгновение назад несший девушку, бежал впереди носильщиков, расталкивая тех, кто
оказался у него на пути.

* * *

...Соня очнулась от громкого протяжного кри-
ка. Она хотела привстать, но голова кружилась, а

мышцы не слушались ее. Все тело так ныло, что невозможno было пошевелиться. Она застонала и повернула голову, чтобы осмотреться.

Небольшая, изысканно убранная комната каза-
лась пустой. Постель, на которой лежала Соня,
была широкой и мягкой. Девушка провела рукой по одеялу и ощутила ласковое прикосновение шел-
ка. Из открытых окон в комнату лился аромат цветущего сада.

— Очнулась, красавица.

Соня вздрогнула, услышав скрипучий картавый
голос. Она не могла видеть ту, что говорила за из-
головьем ее ложа.

— Кто это кричал? — Во рту было сухо и про-
тивно, язык с трудом повиновался Соне. — Где я?

— У нас никто не кричит, — ответил все тот же
неприятный голос.

— Дай мне воды, — попросила девушка.

В углу что-то заскрипело, звякнул кувшин о край
пиалы. К Соне подошла старуха и дала ей напить-
ся. Маленькая, горбатая, она смотрела на девушку
черными, немигающими, как у рептилии, глазами.
Крючковатый нос нависал над тонкими, запавши-
ми в беззубый рот, губами. Они все время нервно
подергивались, и создавалось впечатление, что ста-
руха сilitся что-то сказать, но никак не может
выговорить.

— Кто ты? — спросила Соня, отдавая пиалу. Го-
ворить ей стало легче. — Как тебя зовут?

— Зовут меня Танаис, — прошепелявила стару-
ха, — я служу в этом доме.

— А кто хозяин?

Танаис промолчала. Девушка настойчиво повторила вопрос.

— Наш хозяин — очень знатный и очень богатый вельможа,— значительно произнесла старуха, в ее голосе посыпались хвастливые нотки.— Он вхож во дворец правителя. Ты увидишь, какой у него большой и красивый дом, а вокруг сад с чудесными деревьями.— Старуха спохватилась, что разболтала не в меру, и торопливо закончила:— Ты сама все узнаешь, если будешь правильно вести себя.

— Как же все-таки зовут твоего господина? — Соня подчеркнула «твоего» в противовес старухиному «наш господин».

Старуха заметила это и усмехнулась.

— Нашего господина зовут Файрад Счастливчик,— значительно произнесла Танаис,— и я не ошиблась, сказав «нашего». Теперь он и твой господин. И это имя на многих наводит страх,— закончила старуха и уставилась на Соню немигающими глазами.

«Старая ведьма. Она, похоже, горда своей службой в доме этого мерзавца». Девушка отвернулась, чтобы не видеть отвратительную старуху и закрыла глаза. Ей надо было обдумать все, что она услышала. Соня ожидала, что служанка уйдет, оставив ее одну, но той, видимо, было приказано стерожить пленницу и не оставлять ее в одиночестве. Танаис опять усилась где-то в изголовье и пропала из поля зрения, в комнате воцарилась тишина.

Соня лежала, стараясь вспомнить все, произошедшее на базаре. Неприятности начались с мо-

мента появления пестрой толпы новых покупателей. Теперь девушка совершенно иначе оценила их появление. Ни к одному из прилавков не подходило столько зевак сразу, а этих как из мешкасыпали. Она вспомнила, что мужчины плотно держались друг друга, как будто их склеили. Она застонала, мысленно представив всю картину происшествия. Конечно же, они нарочно так упорно оттесняли ее от прилавка с этим поясом в руках. И они с этой задачей прекрасно справились, а она просто наивная девчонка, которую поманили красивой игрушкой.

«Ну, надо же, какая послушная дурочка,— мысленно ругала себя Соня,— все сделала как велели». Но она поняла и другое — не укради она этот злосчастный пояс, ее все равно обвинили бы в краже. Хороша покупательница — за версту от прилавка с неоплаченной вещью в руках. Именно этого и дождался тот негодяй, который схватил ее. Девушка как будто вновь ощутила боль обрушившихся на нее ударов и в то же мгновение вспомнила пристальные глаза, промелькнувшие в людской толче. Тогда они показались знакомыми. Снова и снова представляла Соня эти глаза из толпы, силясь вспомнить, где она их видела. И вдруг догадка как молния вспыхнула у нее в мозгу и заставила вскрикнуть. Старуха завозилась в углу и подошла к Соне.

— На, голубка моя, попей,— сказала Танаис и поднесла к губам девушки чашу с каким-то напитком.— Выпей, легче станет. Сильно тебя отколовали. Так бить девушку — совсем негодяи обезуме-

ли. Звери, а не люди,— причитала служанка около своей подопечной.

«Наверное, она не знает, что главный зверь — это ее драгоценный хозяин,— подумала Соня.— Конечно это он. Он был в толпе, переодетый и никем не узнанный, он нанял головорезов, которые поймали и избили меня. Все он сам и подстроил».

Поняв, что находится в доме вельможи, который купил у нее орехи, девушка почему-то успокоилась.

«Может быть, это тот самый дом, который показал мне Йоке»,— подумала Соня. Мысль о том, что она находится в городе, вблизи своих новых знакомых, несколько ободрила ее. В душе зародилась надежда на освобождение. Незаметно для себя девушка начала засыпать — то ли от того, что нашла ответы на мучившие ее вопросы, то ли в питье было что-то подмешано.

Старуха сидела в углу, прислушиваясь к ровному дыханию девушки. Она не знала, где и за что так избили бедняжку, но не верила, что ее проступок заслуживает такого наказания. Когда Танаис раздевала новую рабыню, чтобы уложить в постель, она нашла у нее кинжал, кошелек с деньгами и красивый пояс, из тех, что привозят из далекой Венгрии. Все эти вещи старуха аккуратно убрала в потайной ящичек стола.

Старая служанка чутко дремала в своем кресле в углу, когда внезапно открылась дверь и в комнату вошел хозяин — Файрад Счастливчик. Танаис сразу встала и склонилась в почтительном по-

клоне. Вельможа, не обращая внимания на старуху, подошел к постели и внимательно посмотрел на спящую девушку. Убедившись, что сон ее крепок, он повернулся к Танаис.

— Ты хорошо осмотрела ее вещи? — спросил вельможа.

— Да, мой господин, — коротко ответила служанка и опять поклонилась.

— Что при ней было? — продолжал спрашивать Счастливчик.

— Вот, — и Танаис указала на одежду, почищенную и сложенную на крышке резного сундука у дверей.

— Это одежда, глупая старуха, — нетерпеливо бросил вельможа, — а я спрашиваю, было ли при ней еще что-нибудь.

— Да, да, мой господин, — быстро заговорила перепуганная старуха и засеменила к потайному ящичку. Достав спрятанные там вещицы, она разложила их перед вельможей.

Он внимательно осмотрел кинжал, ухмыляясь, повертел в руках пояс и отложил все в сторону. Взяв кошелек, он высыпал его содержимое на поднос. Раскинув монетки так, чтобы они все были видны, Счастливчик стал внимательно их рассматривать, явно что-то выискивая. Вдруг он довольно засмеялся, видимо обнаружив то, что искал.

— Да, это она, — почти неслышно пробормотал он, ссыпая деньги обратно в кошелек. — Убери все обратно, — распорядился вельможа, — и следи за ней. Головой мне ответишь, старая, если с девушкой что-нибудь случится.

— Да что же с ней здесь может случиться? — недоуменно воскликнула служанка. — Подкормить ее надо да примочки поставить на синяки — она и поправится. Старая Танаис и не таких больных выхаживала, что-что, а это я умею, — приговаривала старуха, провожая хозяина до двери и беспрерывно кланяясь.

Служанка на свой лад истолковала слова хозяина, а тот не стал поправлять ее. Усмехнувшись в ответ на причитания старухи, Счастливчик вышел из комнаты. Танаис убрала в ящичек Сонинь вещи. Она посмотрела на спящую девушки и пожала плечами, тем самым выражая непонимание излишней заботливости хозяина. Соня повернулась и застонала во сне. Служанка наклонилась, чтобы поправить одеяло и подушку. Она решила, что девушка, видимо, не простая рабыня, раз сам могущественный Файрад Счастливчик зашел приведать ее.

Неслышино отворив дверь, вошел слуга. Он привнес поднос, на котором были разложены спелые душистые фрукты, печенье, сладости и стоял кувшинчик с вином. Поставив ужин на стол, он так же тихо удалился. Старуха решила не будить Соню. Она верила, что во сне все заживает быстрее.

* * *

Дворец вельможи Файрада Счастливчика, высстроенный из саманного кирпича, как и большинство домов, принадлежащих знатным и богатым жителям Лагоша, был облицован розовым мрамором. Обширное, но не высокое здание тянулось

почти на весь квартал, а многочисленные открытые галереи с белоснежными колоннами, навесные террасы, широкие балконы с ажурными балюстрадами, стройные башни и башенки придавали приземистой постройке легкость и воздушность. Простенки широких окон украшал резной орнамент и лепка.

Дом со всех сторон окружал тенистый парк. За высокой кованой решеткой, отделявшей границы владений Счастливчика от мостовых города, плотными рядами стояли раскидистые деревья, надежно скрывая от любопытных прохожих жизнь обитателей роскошного поместья. Та часть парка, на которую выходила тыльная сторона здания, была огорожена мощной глухой стеной. То тут, то там виднелись лужайки, по которым протекали быстрые ручейки. Через них были перекинуты мраморные и деревянные резные мостики.

Ручьи впадали в неглубокие озера с прозрачной, как хрусталь, водой. А несколько таких маленьких прудов образовывали каскад. В самом нижнем из них резвилась красноперая форель. Взбираясь против течения вверх по каскаду, рыбки выпрыгивали из потока воды и падали, разбрызгивая вокруг себя радужные капли. По вымощенным разноцветными камешками дорожкам бродили ручная лань и несколько павлинов.

Для отдыха и уединения хозяина и его гостей построили несколько беседок. Их сплошной стеной уивал плющ и виноград, поэтому даже в самый жаркий день там можно было найти прохладу и тень, а в пасмурный — укрыться от дождя. За сте-

нами парка шла шумная напряженная жизнь, а здесь всегда царила сонливая тишина. Даже ветер не залетал сюда, разбиваясь о высокую глухую стену и ряд пирамидальных тополей. Зато солнце, преодолевая все преграды, умудрялось заглянуть в самые отдаленные уголки парка и в самые укромные комнаты дворца.

Внутренние покои были просторны и обставлены с роскошью, достойной самого высокопоставленного вельможи. Владелец всего этого великолепия лежал на низком мягким диванчике. Рядом на столике на китайском фарфоровом блюде лежали засахаренные фрукты, миндаль и знаменитая туранская пастила, но они не привлекали внимания Счастливчика. Взгляд его был устремлен вдаль, рассеян, а мысли блуждали, возвращаясь к событиям далекого прошлого. Он вспоминал свою юность.

Он, сын простого мелкого лавочника, никак не мог смириться с уготованной ему судьбой. Честолюбие терзало его и гнало прочь из отцовской лавки. Но кто может подсказать путь, который приведет его к богатству и власти? Гадалки на базаре хватали за руки и полы одежды, предлагая рассказать о будущей судьбе, но он знал цену подобным предсказаниям. А ведь наверняка существует способ узнать и изменить судьбу. Он верил в это. Просто люди боятся гневить богов, пытаясь постигнуть предначертанное, а он нет. Он, Файрад Счастливчик, найдет того, кто укажет ему единственно верный путь, и он не свернет с этого пути, чего бы это ни стоило.

Однажды вечером юноша забрел в караван-сарай, чтобы посидеть среди приезжего люда, послушать разговоры купцов и бродяг. Посреди мощенного дворика тихо журчала тоненькая струйка фонтана. Душный вечер собрал у воды тех, кто еще не отправился спать. Тихая беседа двух мужчин привлекла внимание подростка. Он пристроился неподалеку, в тени кустарника, стараясь вникнуть в суть разговора.

— Нет, друг, я туда больше не пойду, — говорил один из собеседников, тот, что был постарше. — Там я такого страха я натерпелся, что мне на всю жизнь хватит.

— Да где ж это тебя так напугали? — не в силах удержать любопытство, расспрашивал молодой. — Ушел же ты оттуда. Вот сидишь тут цел и невредим.

— Не ушел, — возразил первый, — а еле-еле ноги унес. Вспомнить жутко.

— Все-таки расскажи, — не отставал молодой. — Вот разойдемся мы на заре в разные стороны и никогда больше не встретимся, а мне твоя история, может, и пригодится, от беды спасет, так я тебя добрым словом и помяну.

— Ну, смотри, сам напросился, — уступил старший. — Караван, с которым я отправлялся, держал путь из Офира через горы в Хоршемиш и дальше, опять же через горы в Шем, в приморский город Асгалун. Нам предстояло долгое и опасное путешествие. Охрану для каравана наняли сильную — не менее трех десятков всадников. На дорогах тогда было неспокойно, а в горах скрывалось

немало шаек разбойников. Они подсыпали людей в караваны, и те наочных стоянках, напротивясь в караул, дожидались, пока все уснут, и давали условный сигнал своим сообщникам. В такой ситуации мало кому удавалось спастись. Наш караван-баши оказался очень опытным человеком и никому не позволял пристраиваться к нашему каравану в пути. Благополучно добрались до гор, мы остановились на ночлег, чтобы с рассветом отправиться дальше. Весь предыдущий день мы шли по извилистым тропам круто в гору. Солнце пекло нещадно, и к полудню камни раскалились, как на жаровне. Укрыться было негде, из растительности лишь пыльная пожухлая трава. Поднявшись на небольшое плато, мы решили передохнуть. Я заметил в стороне небольшую расщелину и направился туда, надеясь найти родник. И вдруг из этой расщелины, как из пасти дракона, стали высакивать вооруженные всадники. Моя лошадь шарахнулась в сторону, я не удержался и вылетел из седла. Когда я очнулся, на плато не было ни каравана, ни разбойников. Я оказался один в горах, совершенно не представляя, куда мне идти. Несколько дней я бродил по горным тропам, питаясь тем, что добывал на охоте, и не встретил ни одного человека. Я уже совсем отчаялся, когда забрел на ночлег в пещеру и увидел там следы жилья. Сначала я обрадовался, но, присмотревшись, решил, что лучше мне уйти. В глубине пещеры виднелся сложенный из неотесанных камней очаг, а над ним висел небольшой котелок. Около огня, видимо для просушки, лежали на

плоских валунах пучки разнообразных трав. Напротив же возвышался причудливый деревянный идол — грубое подобие человека то ли с собачьей, то ли с лошадиной головой. Но самое ужасное, что было в пещере, — это ее хозяйка. Она сидела между идолом и очагом, на границе света и тьмы. Когда мои глаза привыкли к полумраку и я разглядел ее, кровь застыла у меня в жилах — передо мной сидел окоченевший труп. Стеклянный мутный взгляд был направлен прямо на меня, синие, ввалившиеся губы и обтянутые желтой пергаментной кожей челюсти, казалось, вот-вот рассыпаются в труху. Бледно-серые космы свисали у нее с головы, венчиком обрамляя череп. «Надо бежать отсюда!» — промелькнуло у меня в голове. Я повернулся и вскрикнул от ужаса. Поперек входа лежала огромная белая от старости кобра. Медленно раскачиваясь, она поднимала голову все выше и выше. Клобук ее раздувался, а из пасти высовывался язык, быстрый как молния. За моей спиной раздался смех. Я отскочил в сторону и прижался к стене, чтобы видеть всю пещеру.

— Кто ты такой? — глухим, как будто исходившим из-под земли, голосом спросила старуха. — Как ты сюда попал?

— Я шел с караваном, и в горах на нас напали разбойники. Конь сбросил меня, и я потерял сознание, а когда очнулся, никого рядом не было. Уже давно я пытаюсь найти дорогу, которая вывела бы меня к людям.

— Зачем тебе люди? — ухмыльнулась хозяйка пещеры, оскалив беззубый рот.

Я стоял молча, не зная, что ответить.

— Ладно, будут тебе люди. Сделай-ка для меня кое-что.

У меня от страха пересохло в горле, и я не в силах был вымолвить ни слова.

— Что же ты молчишь? — спросила ведьма.

— Что надо сделать? — собравшись с силами, спросил я.

— Ну-ка, храбрец, — прокрипела старуха, — разожги огонь в очаге и вскипти воду.

Затем она повернулась и откуда-то из недр своего жилья достала корзину, наполненную странными плодами.

— Это орехи иркала, — сказала она. — Их ядра надо растереть в порошок и, когда закипит вода, постепенно сыпать его в котел.

Я трясущимися руками подбросил хворосту в огонь под котлом и стал колоть орехи. Старуха усилась у очага, вытянула руки к огню и начала раскачиваться из стороны в сторону, словно кобра, что стерегла ее пещеру. При этом она что-то негромко бормотала. Я прислушался. Знаешь, я обошел с караванами почти всю Хайборию, плавал даже в Стигию, понимаю много языков, но из ее бормотания я не разобрал ни одного слова.

— Что замер? — вдруг закричала она. — Дроби побыстрее ядра!

Я взялся за каменную ступку, лежавшую у очага. Ядра орехов легко дробились, от них шел незнакомый, но приятный аромат. Когда вода в котле зашумела, ведьма забормотала громче и вдруг взвизгнула:

— Сыпь!

Я высыпал порошок в котел. В этот самый миг огонь под котлом почти погас. Тут в руках у старухи откуда-то появился ковш. Она медленно опустила его в котел, зачерпнула отвара и поднесла ковш к губам. В голове моей зашумело, перед глазами поплыл разноцветный туман. Не знаю, сколько времени она пила...

Когда она опустила ковш, я увидел перед собой статную женщину с темными, чуть тронутыми сединой волосами, с пронзительным взглядом черных глаз. Она посмотрела на очаг, и огонь вспыхнул в нем с новой силой. Слегка помедлив, она повернулась ко мне, и я почувствовал, что сердце мое перестает биться, а душа готовится покинуть тело...

Когда я очнулся, она стояла передо мной, подняв руки, и громко смеялась. Хочешь верь, хочешь нет, но тут подо мною задрожала земля.

— Ну что, храбрец, ты хорошо сделал свое дело. Теперь можешь идти к людям!

Последнее слово она произнесла с таким презрением, что мне стало жутко. Не помня себя, я побежал к выходу.

— Вернись! — послышался властный окрик.

Ноги сами понесли меня к очагу. Женщина протянула мне ковш.

— Пей, здесь твои сила и удача на десять лет.

Отвар бурлил и кипел в ковше, брызги летели во все стороны. Я выпил и не почувствовал боли. Земля заходила под моими ногами ходуном, ведьма оглушительно захочотала.

Я не помню, как очутился на площадке перед пещерой. Уже смеркалось. В темнеющем небе загорались звезды. Я чувствовал необычный прилив сил.

Вдалеке послышался стук копыт. Странно, но почему-то мне было известно, что это разбойники, напавшие на наш караван. Я знал, что у меня хватит сил одолеть их голыми руками. Но не спешил. Ночью подкрался к их лагерю, подождал, пока они уснут, и перебил всех. Когда взошла луна, я закопал награбленную ими добычу. Утром отрубил голову атаману и отвез ее в город. Может быть, тебе интересно знать, как я нашел дорогу? Никак, дорога сама привела меня к людям. За голову атамана мне заплатили двести золотых. К ним я добавил сокровища разбойников. Отсюда пошло мое богатство. За девять лет я не потерял ни одного каравана, не совершил ни одной невыгодной сделки. Я видел людей насквозь и всегда чувствовал, откуда может прийти удача или беда. Будущим летом в первое полнолуние после солнцестояния истекает мой срок. Я устал. Завтра я отправляюсь в мой родной город на покой. А ты думай. Путь на Змеиный перевал открыт для всех. Пещера Горной ведьмы находится к северу от него. Может быть, старуха еще там, а ты ей чемнибудь приглянешься.

— Да я и так удачливый,— рассмеялся в ответ собеседник.

Они еще немного молча посидели у фонтана и разошлись. На дворе стало тихо. Первый удар колокола возвестил, что пора расходиться по домам.

Файрад бежал домой не чуя под собой ног — вот, она удача. Теперь его жизнь будет другой.

...Все это вспомнилось знатному вельможе Файраду Счастливчику. Вспомнил он, как блуждал в горах, как потерял надежду, не находя логова старой колдуньи, и, наконец, нашел ее. Файрад вздрогнул, вспомнив все, что произошло в пещере. Купец говорил правду, но действительность оказалась страшнее самого ужасного рассказа.

За последующие годы он стал богат, деньги дали ему свободу, богатый дом, красивых женщин, но вскоре он пресытился этим. Файраду захотелось большего, он стал мечтать о власти над людьми. На исходе десятилетия Файрад снова отправился к колдунье. Теперь он легче преодолел дорогу к пещере — путь знакомый, да и удача все еще сопутствовала ему.

— Я знала, что ты вернешься,— сказала тогда колдунья.— Ты стал богатым, чего же ты хочешь еще?

— Да-да, я богат,— с жаром ответил Файрад.— Я самый богатый, самый удачливый, самый влиятельный человек, но только на своем базаре.

— А! — захотела ведьма.— Теперь тебе этого мало. Чего же ты еще хочешь?

Старуха повторила свой вопрос и замолчала. Она не трогалась с места и в упор смотрела на своего гостя. Файрад понял, что ей известны все его желания, но он должен высказать их сам. И еще он понял, что условия сделки изменились.

— Я хочу,— голос торговца прервался от волнения,— чтобы мое влияние перешагнуло порог

городского базара. Я знаю, что для рожденного в семье бедного лавочника моя жизнь — это сказка.— И он вдруг заговорил быстро, горячо, как будто боялся, что его остановят и выгонят прочь.— Но ведь случается, что правители приближают к себе людей только за их заслуги, несмотря на низкое происхождение,— в его голосе прозвучала мольба.

— Так вот что! — медленно проговорила колдунья.— Ты хочешь положения, дающего власть.

Она замолчала. Файрад со страхом смотрел на сидящую перед ним тень человека. Ничто не напоминало в ней о том прекрасном преображении, которое произошло здесь десять лет назад. Казалось, прошли столетия, превратившие прекрасную женщину в тлен, и она лишь на минуту восстала из мертвых, чтобы затем опять погрузиться в вечный сон.

Файрад шагнул к ней, но споткнулся о корягу и упал.

— Ты права, я хочу власти. Хочу, чтобы от моего слова зависела жизнь и смерть людей, их покой, благополучие. Хочу, чтобы они на коленях вымаливали у меня крохи. Хочу, чтобы меня боялись. Хочу...

Файрад захлебнулся собственными словами. Он так устал, впервые высказывая вслух сокровенные мысли, что не нашел в себе сил подняться с колен.

— Хочешь, я скажу тебе, что еще ты получишь в придачу к тому, что просишь? — тихо спросила ведьма.

— Нет, не хочу.— Он закрыл лицо руками и замотал головой.

— Твои алчность и честолюбие не знают границ,— усмехнулась старуха,— они погубят тебя, попомни мое слово. Ты получишь все, что так страстно желаешь, но с одним условием.

— Я согласен,— не задумываясь ответил Файрад.

Опять он разводил костер под котлом, измельчал твердые ядра орехов в ступке и пристально следил за старухой, но она не пыталась обмануть его. Бормота свои заклинания, ведьма впала в транс — она вся тряслась и то тихо бормотала, то громко выкрикивала непонятные слова. Напрасно Файрад старался найти в них хоть какой-то смысл, нет, старуха творила свои заклинанья на неведомом людям языке. На прощание колдунья сказала Файраду:

— В третий раз ты придешь ко мне не с пустыми руками. Случится так, что к тебе в руки попадут орехи иркала и человек, который продаст их, поможет тебе раздобыть волшебный талисман. Это будет не просто. Вам придется отправиться в путешествие к теплому морю. Этот путь займет много времени и сил, но не это главное. В стороне, куда уходит солнце, берег скалист и пустынен. Люди не хотят жить там из-за скудной почвы, сильных ветров и жестоких штормов, которые обрушаются на сушу громадными волнами и смывают все в море. Там есть пещера,— продолжала колдунья,— найти ее трудно, а попасть в нее еще труднее. Один ты никогда не найдешь ее, только вместе с тем, кто придет с орехами. Пещера полна сокровищ, из-за них погибло немало людей. Вы

можете взять столько, сколько в силах унести. Но ценность для тебя имеет только один предмет — волшебный талисман. Его найдет твой спутник. Этот человек не ошибется — среди груды сокровищ он возьмет единственный нужный тебе предмет, завладей им любым способом. Этот талисман ты принесешь мне. И не вздумай обмануть меня, — закончила колдунья. — А теперь ступай.

Вельможа вздрогнул. Ему показалось, что эти прощальные слова прозвучали здесь, сейчас, но ничто не нарушало покоя и тишины в чудесном доме Счастливчика. Он сел и налил вина в серебряный бокал. «Старая ведьма все знала наперед», — отгоняя воспоминания, решил Файрад. Он сделал маленький глоток душистого напитка и, смакуя дорогое вино, усмехнулся своим мыслям. Да, орехи он получил неожиданно легко, а вот весь дальнейший план, так тщательно продуманный им, рассыпался как кучка пепла под порывом ветра. Первая попытка заполучить к себе человека, продавшего орехи, закончилась провалом — сметливый парнишка почувствовал посторонний запах в вине и сбежал. Зато потом, когда нанятые Файрадом люди отыскали его в базарной толпе и схватили, оказалось, что это девушка. И вот теперь эта красотка находится в его власти. Из этого дома ей не сбежать.

Глава четвертая

тарая Танаис оказалась права — несколько дней спокойной, сытной жизни и хороший уход сделали свое дело. Соня полностью поправилась. Она быстро определила пределы своей свободы — несколько красивых комнат и сад. Девушка ни мгновения не оставалась одна, за ней повсюду следовала тенью служанка. Старуха да еще слуга, подававший на стол, — вот и все, кого видела Соня. Непроницаемая, вязкая тишина стояла в доме. Первые дни, когда еще побаливало тело и кружилась голова, девушка наслаждалась покоем. Она полюбила тенистую, увитую виноградом беседку и часто сидела там, наблюдая, как порхают меж цветов бабочки. Но через некоторое время эта жизнь, как в дреме, стала раздражать Соню. Особенно злило ее постоянное присутствие старухи. Правда, Танаис много знала о порядках в доме и в городе, и пленница постоянно расспрашивала ее.

— Ты когда-нибудь выходишь за пределы дома? — спросила однажды девушка.

— А как же! Конечно выхожу,— с некоторой обидой ответила служанка,— сейчас-то редко, постарела, а раньше — то на базар, то в лавку, то с поручением. Мне господин доверяет.

— Здесь такая тишина, как будто мы не в городе, а в глубокой яме сидим,— рассеянно заметила Соня, пристально наблюдая за вереницей муравьев, ползущих через дорожку.

— Как это не в городе,— попалась на хитрость старуха.— Дворец нашего господина стоит в самой богатой части Лагоша. Сюда всяких оборванцев непускают, вот и тихо.

«Значит, дом тот самый, что показывал Йоке,— решила Соня.— А этот старый шакал Файрад интересно где? И тот ли это человек, что покупал у меня орехи?»

— Твой обожаемый, замечательный господин, наверное, рассыпался от ветхости,— продолжала выпытывать девушка.— И не может собраться с силами, чтобы зайти сюда, к нам.

— Как ты можешь так говорить о нем! — Старуха даже руками всплеснула от возмущения.— Да наш господин еще молодой и крепкий мужчина.

— Ну, насмелила,— рассмеялась Соня.— Это он по сравнению с тобой молодой, а от тебя-то, старая трещотка, давно тленом попахивает.

Служанка сердито засопела и, отвернувшись от Сони, стала перебирать пестрые клубочки ниток в корзине, которую всегда носила с собой. Девушка закусила губу — ссориться со старухой не входило в ее планы, но сейчас приставать с расспросами к Танаис было бессмысленно, слишком свежа

обида. Перешагнув через муравьиный караван, Соня направилась в любимую беседку. Расположившись в тени, она принялась обдумывать свое положение. Сквозь листву был виден клочок синего неба, по которому бежали легкие белые облака.

«Их-то никакие решетки не удержат,— подумала Соня с завистью,— но и для меня никакие стены не преграда. Только прежде я выясню, что нужно от бедной девушки блистательному господину Файраду». Мстительная улыбка скользнула по губам девушки, она беспечно потянулась и вдруг вздрогнула от резкого крика павлина, проснувшегося под ее скамейкой.

— Ах ты, глупая птица!— рассердилась Соня.— Ты меня испугала, куриное отродье. Сидишь в засаде и подслушиваешь мои мысли.

И осеклась — ведь за густой зеленью может прятаться господский соглядатай. Даже здесь ее одиночество — не более чем иллюзия. Не случайно этот таинственный Счастливчик не дает о себе знать. Он выжидает, подслушивает, изучает ее. Девушка встала и обошла беседку вокруг — никого поблизости не было. Ничто не нарушало покоя прелестного уголка сада. Ни один листок не колыхался, только порой под тяжестью птицы склонялась тонкая веточка.

Соня отправилась в дом, решив помириться с Танаис. «Эта несносная старуха сама напрашивается на подобные колкости,— мысленно успокаивала себя девушка.— Да и что обижаться на правду? Она что, не знает, сколько ей лет?»

— Танаис! — позвала Соня и огляделась.

К ее удивлению, никого в комнате не было.

— Танаис, хватит дуться! Ты где? — Она стремительно прошла в другую комнату. Служанки и там не обнаружилось. Соня обошла все комнаты и никого не нашла.

— Вот проклятье! — в сердцах ругнулась девушка. — Куда эта старуха подевалась?!

Она сердито пнула ногой пухфик, давая выход настроению. Все вокруг раздражало ее.

Соня давно отвыкла от такой спокойной размежеванной жизни, отвыкла от чувства зависимости. Ее угнетала неизвестность. Куда влек ее поток бесмысленной, тягучей как патока жизни в этом доме?

Девушка знала, что самовольно старая служанка не уйдет, как бы ни была обижена. Значит, пока Соня нежилась в беседке, здесь что-то произошло, и она это прозевала. Вдруг девушка услышала звук отворяющихся дверей. Она быстро обернулась, ожидая увидеть скрюченную фигурку Танаис.

Створки ведущих во внутренние покои дверей, прежде всегда запертые, широко распахнулись. Оранжевые лучи закатного солнца ворвались в комнату. В проеме стояли два рослых стражника. Они пропустили в комнату человека в богато расшитой одежде и закрыли за ним дверь. Соня сначала не разглядела лица вошедшего из-за ярко светившего ему в спину солнца, но когда створки сомкнулись, девушка узнала вельможу, купившего у нее орехи.

Он по-хозяйски прошел через всю комнату и сел на широкий мягкий диван. Затем хлопнул в

ладоши, и сразу отворилась небольшая дверца, через которую обычно входил слуга. Он и теперь появился, неся поднос, нагруженный сластями и кувшинами с вином. Поставив ношу на столик, прислужник бесшумно удалился. За все это время никто не произнес ни звука. Соня выжидающе смотрела на Файрада. Она твердо решила, что первой рта не раскроет. Пусть говорит он.

Счастливчик смотрел на девушку и раздумывал, с чего начать. Направляясь сюда, он рассчитывал сразу подавить возможное сопротивление, заявив, что она его пленница, помохи ей ждать неоткуда и в ближайшее время, волей или неволей, она вынуждена будет отправиться с ним в далекое путешествие. Но встретив притягательный холодный взгляд серых глаз, он быстро понял безнадежность попыток запугать строптивую девицу.

— Я рад, что ты уже поправилась, — начал он издалека, — и надеюсь, ни в чем не нуждаешься. Танаис добросовестная служанка.

Девушка молчала, пристально глядя на Файрада. Вельможу раздражало это непонятное упорство. Горная ведьма сдержала свое обещание. И он привык внушать страх и всегда наслаждался своей властью над человеком, умев заставить пресмыкаться у своих ног любого. И вдруг девчонка, которую он мог смять, как сорванный цветок, смеет подобным образом вести себя с ним, с владетельным господином, дружбы которого ищут, а гнева боятся.

Он грозно нахмурил брови, глядя на пленницу и стараясь понять, что она задумала, но ничего не увидел в спокойных глазах девушки. Файрад за-

ставил себя успокоиться. Надо было все-таки указать этой наглой девчонке ее место.

— Ты живешь в моем доме на правах гостьи,— сказал Файрад холодным властным голосом,— но положение твое может измениться. Бежать не советую. Даже не пытайся — поймают и запрут в темницу. Подумай, где удобнее — в этих комнатах или в темном, затхлом подвале. Тебе следует смириться...

Соня опустила глаза, чтобы не выдать вскипающий гнев. Счастливчик же, привыкший к постоянным проявлениям покорности окружающих, принял это движение за молчаливое выражение согласия с его словами.

— Я рад, что мы так легко поняли друг друга,— с надменной сдержанностью сказал хозяин.— Надеюсь, в следующий раз ты будешь разговорчивее. Тогда я расскажу о деле, ради которого искал с тобой встречи.

В голосе мужчины теперь слышались не только повелительные нотки, но и откровенная заинтересованность. Он встал и неторопливо пошел к дверям. Они распахнулись, пропуская его, и захлопнулись с тихим шорохом. Соня отошла к окну.

«Так, значит, все-таки какое-то дело есть,— размышляла она.— Файрад начал охоту за мной, еще когда был уверен, что я мужчина. И ему наплевать, что я — девушка. Для него, оказывается, главное — заполучить человека, который продал орехи».

Прия к такому выводу, Соня почувствовала себя увереннее. Передразнивая важную поступь Счастливчика, прошлась по комнате, села на ди-

ван, где только что сидел хозяин дома, и несколько раз звонко хлопнула в ладоши. Неожиданно дверца отворилась и в комнату вошла Танаис.

— Ты что расшумелась? — недовольно спросила служанка.

Соня, не ожидавшая от своих хлопков подобного результата, от души рассмеялась. А старуха, решив, что над ней опять потешаются, прошипела что-то и заковыляла в свой угол.

— Ну, не сердись, Танаис. Ты же старая и мудрая,— решила польстить старухе Соня,— и можешь себе позволить снисходительно относиться к глупостям неразумной девчонки.

Старухе неприкрыта лесть пришла по душе, и губы ее растянулись в подобии улыбки.

— Никак ты одумалась,— довольно заметила старуха.— Не иначе, встреча с нашим господином так благотворно на тебя повлияла. Церемонится он с тобой, как с любимой дочерью, даже не узнать его. Обычно он суров с людьми,— пояснила она.

— Одумалась, моя проницательная Танаис, одумалась,— прощебетала Соня, приведя служанку в полное замешательство.— О, как мне без тебя неловко было и неуютно наедине с вельможным господином. Кроме придорожных таверен, я мало что в своей жизни видела. Мне так непривычно в этой роскоши, в таком богатом доме. Не знаю, каквести себя. Только ты меня и поддерживаешь своими советами.

Девушка так увлеклась возвеличиванием Танаис, что уже сама почти поверила в ее мудрость и доброту.

— Ну, полно, полно, голубка моя,— совсем растаяла старуха, уверовав в свою необходимость.— Я тебя научу достойным манерам, а к роскоши быстро привыкают. Наш господин тоже не с рождения в золоте купался.

— Как замечательно ты сказала! — продолжала она умасливать служанку.— А знаешь, он о каком-то деле мне говорил. Ума не приложу, какое у такого важного господина может быть ко мне дело?

Соня выжидающе взглянула на свою собеседницу.

Та усиленно задергала губами, как будто хотела, но боялась что-то высказать, и с опаской посмотрела на двери.

— Дел-то у хозяина много,— наконец выговорила Танаис,— только он о них не любит распространяться. А уж для каких свершений он тебя разыскал, только ему самому известно. Никому ничего про тебя не говорит, только велит беречь тебя, как самую большую драгоценность. Пойду приготовлю тебе постель,— закончила Танаис.

Неожиданно иссякший разговор заинтриговал Соню, и она решила обязательно продолжить его при случае. «Все-таки не надо дразнить старушку,— утвердила в своей мысли Соня,— она многое знает о Счастливчике. Гораздо больше, чем обо мне». Соня усмехнулась своим мыслям.

Она вспомнила богатый родительский дом, игры с братьями, за которые ей порой крепко попадало. Детство было так далеко и так отличалось от жизни, которую девушка вела последние годы,

что даже в воспоминаниях выглядело чужим и нереальным.

Соня вышла на открытую террасу. Быстро стущившиеся сумерки уже поглотили границы сада. Приятно было вдыхать ночной прохладный воздух. Бой Великого колокола прокатился по городу и замер. Девушка представила, как торопятся уйти горожане с пустеющих улиц и поскорее попасть домой. Ей вдруг стало очень одиноко. Но в душе ее крепла уверенность, что так или иначе она сумеет вырваться из рук Файрада.

Соня прошла в комнату, служившую опочивальней. Танаис уже подготовила ей постель и ждала, чтобы помочь раздеться. Соня с удовольствием огляделась. Ей нравилось здесь: стены были обтянуты расписным шелком, на полу лежал пушистый ковер, в котором ноги утопали по щиколотки. По нему было приятно не только ходить, но и сидеть, подложив под спину или локти пышные шелковые подушки. А зеркала располагались таким образом, что можно было оглядеть себя со всех сторон.

— Ты сегодня веселая,— сказала Танаис, вынимая из Сониных волос заколки.— Когда ты смеешься, то становишься настоящей красавицей, а волосы — это твое богатство.

Она взяла гребень с красивой ручкой из слоновой кости и стала бережно расчесывать волосы девушки. С прикосновением старухи Соне как будто передалось желание Танаис продолжить оказавшуюся столь приятной для нее беседу. И девушка не замедлила этим воспользоваться:

— Так ты говоришь, что Счастливчик из небогатой семьи,— она напомнила Танаис ее слова.

— Да, он все нажил сам,— охотно поддержала разговор старая служанка.— И этот роскошный дом с садом, и обширное поместье невдалеке от Лагоша, и лавки, и склады с товарами на базаре, и таверну...

Старуха внезапно умолкла, поняв, что сболтнула лишнее, но Соня уже подхватила случайно оброненные слова.

— Подумаешь, велика заслуга, таверну содер- жать,— небрежно бросила она,— пьяному сброду угоджать.

— Много ты понимаешь,— проворчала Танаис,— таверна нашего господина необычна. Туда пьяный сброд и близко не подпускают. Кухня славится на весь город, вина тонкие, а обстановка изысканная. Прислужницы юные, музыканты и танцовщицы искусные. Ну и гости туда попадают только знатные да богатые.— Танаис понизила голос, но остановиться уже не могла.— Даже сам правитель знает о заведении нашего господина и иногда указывает, кого туда надо пригласить. У пьяного многое можно выведать, особенно если чего-нибудь подсыпать в вино. Ну, а что потом с этим человеком про-исходит, только богам и ведомо...

Старуха отложила гребни и посмотрела на Со-ню в зеркало, стараясь поймать ее взгляд. Спохватившись, что слишком откровенно говорила и наполтала лишнего, она ждала, что ответит девушка, но та сделала вид, будто услышала самые обычные базарные сплетни, и с неподдельным интересом

изучала свое отражение в зеркале. Соня переменила тему и, поболтав со служанкой еще немного, отпустила ее.

Оставшись одна, она погасила лампу и распахнула окно. В сгустившейся темноте звезды, как драгоценные камни, сверкали на темном бархате неба. В это время года звезды часто падают на землю. «Вот бы увидеть падающую звезду,— подумалось девушке,— это хорошая примета».

Соня подобрала длинные полы шелкового халата и забралась на подоконник. Оглядевшись вокруг и не заметив ничего подозрительного, Соня спрыгнула на землю. Ее мягкие туфли сразу намокли от вечерней росы. Хотя дни еще стояли по-летнему жаркие, ночи уже становились сырьими и прохладными, напоминая о скорой осени.

Девушка сняла обувь и поставила на подоконник, а сама босиком, легко касаясь земли, побежала в глубь сада. Сердце ее учащенно билось, но она уверенно бежала в темноте. У любимой беседки Соня остановилась и перевела дух. Вокруг стояла ночная тишина. Темные ветви деревьев тянулись к ней, словно руки чудовищ, но Соня не боялась их. Продолжив свой путь, она дошла до стены, отделяющей владения Счастливчика от улицы.

Стена была примерно в два человеческих роста. Просто так на нее не заберешься — нужен шест или веревка. Девушка прошла вдоль ограды и уви-дела впереди дерево, росшее довольно близко к ней. Это была старая яблоня. Ее увешанные плодами ветки склонялись почти до земли. Ухватившись за толстый сук, девушка подтянулась. Дерево упру-

го качнулось, но выдержало неожиданное испытание. Довольная результатом своей разведки, Соня побежала в дом. Она бежала, задевая листья деревьев, и они шелестели ей вслед.

Утром Соню разбудило громкое пение птиц. По привычке она лежала с закрытыми глазами, прислушиваясь к доносящимся из-за стен звукам. Вчерашний день Соня вспоминала с удовольствием — он положил конец тягучему, дремотному существованию. В том, что это только начало важных событий, сомневаться не приходилось. Она откинула одеяло и бодро встала, готовая к любым неожиданностям. На ее зов пришла Танаис, неся новое красивое платье.

— Наш господин просит принять от него подарок, — несколько удивленно, но торжественно сказала старуха.

«Ишь ты — просит», — хмыкнула Соня, а вслух спросила:

— Мне, видимо, стоит его поблагодарить. Он дома?

— Нет, — покачала головой служанка, — господин давно ушел.

Танаис проворно помогала девушке надевать новое платье.

— Скорее всего, наш хозяин вернется к вечеру, — говорила старая служанка, поправляя складки тонкой материи. — Может быть, он пожелает поговорить с тобой.

Соня открыла было рот, чтобы сказать какую-нибудь гадость по поводу возможных желаний господина, но вовремя прикусила язык.

— В этом платье ты красива, как дева из небесных садов Иштар! — Старуха даже руки к груди приложила от восхищения.

Соня посмотрела в зеркало, оно отразило юную девушку в дорогом, ладно сидящем наряде. Ее прелестное лицо обрамляли густые длинные волосы, уложенные старательной Танаис в замысловатую прическу.

— К этому платью нужен пояс, — задумчиво сказала Соня, не отрывая взгляда от зеркала.

Танаис уставилась темными глазами на девушку, и лицо ее задергалось. Преодолев нерешительность, она подошла к туалетному столику и, поколовав над ним, выдвинула ящичек. Наблюдая за старухой в зеркала, Соня увидела тайник и свои вещи в нем.

Служанка достала пояс и подала его девушке. Затем она определенным образом нажала на стоплешницу, и ящичек задвинулся на место. Да, умелый мастер создал этот тайничок. Даже искушенная во всяких хитростях Соня не заметила его. Примеряя пояс, она довольно улыбалась, но радость ее была вызвана не обновками — теперь ей было известно, где лежит кинжал.

— А мою одежду ты тоже прячешь в тайнике? — весело спросила Соня. Ей не терпелось закрепить успех так хорошо начавшегося дня.

— Еще чего! — возмутилась старуха. — Такими тряпками и последняя служанка погнушается. Вон, в кладовке за опочивальней все лежит.

Душа Сони ликовала. Танаис, утратив бдительность, легко выдавала секреты своего господина.

...Тем временем Счастливчик находился в своей таверне на базаре. Его личные покой были расположены на втором этаже, вдалеке от трапезной, кухни и гостевых комнат. Он сидел в роскошном кресле, которое больше походило на трон правителя. Наступило послеполуденное время отдыха. Перед Счастливчиком стоял столик, уставленный различными блюдами и сосудами с напитками. В комнате витал аромат жареного мяса, пряностей и дорогих вин. Посреди столешницы возвышался замысловато изогнутый подсвечник, сверкающий начищенной бронзой. Его цвет напомнил Счастливчику о пленнице, живущей в его доме. Файрад усмехнулся: наградили же боги девку такой яркой гривой. Но он тут же согнал улыбку с лица. Появление этой девицы потребовало от него быстрых и решительных действий.

Во-первых, необходимо придумать благовидный предлог для отъезда из города. Он не должен утратить расположение великого правителя, а для этого надо придумать достойную цель путешествия и добиться разрешения отправиться в путь. Во-вторых, надо выяснить, знает ли эта девица о своей роли в предстоящем странствии или является простым орудием для исполнения воли колдуньи.

Эти вопросы мучили Файрада, отвлекая от всех других дел. Наконец он решил, что проще всего объяснить правителю необходимость своей отлучки возникшими осложнениями в торговых делах, требующими его личного присутствия. И сказать, что он отправляется в богатый портовый город Ас-

галун. Это, естественно, не может вызвать каких-либо подозрений на его счет. Принятое наконец решение успокоило Файрада. Вернуло ему силы и уверенность в себе.

...А Соня весь день находилась в приподнятом настроении. Однако солнце уже опускалось за городские стены, а в доме стояла тишина и ничего не происходило. Она взяла лютню и попробовала играть, но это ей вскоре надоело. Девушка спустилась в сад к нижнему пруду, чтобы покормить рыбок, но их бессмысленная суетливость вдруг стала раздражать Соню. Все опостылело ей в этом доме, ее энергичная натура требовала действий.

— Танаис! — услышала она голос вельможи.— Где твоя подопечная?

Соня насторожилась. Было слышно, как скрипит песок на дорожке под тяжестью его шагов.

— Танаис, где девушка? — нетерпеливо повторил вопрос Файрад. Не дожидаясь, пока приковывает и откликнется старуха, Соня отозвалась сама.

— Я здесь,— она сделала паузу, дожидаясь, когда он появится из-за кустов. Девушка открыто смотрела на приближающегося Счастливчика, как бы бросая ему вызов.

— Я не понимаю, благородный господин,— спокойно начала девушка,— за что меня держат здесь под замком. Неужели только за то, что я не устояла перед желанием иметь эту красивую вешницу?

Соня указала рукой на пояс вокруг своей талии. Губы мужчины скривились в усмешке.

— Ты права,— кивнул он в ответ,— эта безделица только предлог. Если мы говоримся, у тебя

будет достаточно вещей, более достойных твоей красоты.

Если на рыжую девку не действуют угрозы, может, она окажется падкой на лесть или алчной? Он замолчал и посмотрел на свои руки, унизанные перстнями. Казалось, все его внимание поглощено игрой драгоценных камней.

— Мне хотелось бы услышать,— неожиданно строго сказал Счастливчик,— как к тебе попали орехи иркала.

— Я сорвала их с куста,— просто ответила Соня. И это была чистая правда, поверить в которую было тяжело.

Такого ответа Файрад не ожидал. Воспоминания теснились у него в голове, заставляя заново переживать жуткие сцены в пещере колдуны.

— Но кто-то указал тебе их,— допытывался хозяин.— Кто был рядом с тобой?

Нетерпение лишило его выдержки и осторожности. Оно захлестнуло коварного вельможу, но, встретив насмешливый, спокойный взгляд девушки, он сдержал себя.

— Похоже, что ты прятался за тем кустом,— не обращая внимания на его вопрос, сказала Соня, решив забыть о церемонной вежливости.

— Нет. Мне не нужно прятаться, мне и без того многое известно и о людях, и об орехах иркала,— в голосе вельможи вдруг зазвучало былое высокомерие.— Гораздо больше, чем тебе. Я знаю их ценность.

— Рада за тебя,— насмешливо ответила девушка.— Почему бы теперь нам не распрошаться, тем

более, что меня не прельщает владение вещами, «достойными моей красоты».

Соня говорила спокойно, даже дружелюбно. Счастливчик видел ее хитрую игру и понимал, что из-за своей горячности проигрывает ей.

«С этой лукавой тварью все время надо быть настороже,— подумал Файрад.— Нельзя терять самообладание».

— Поверь мне, Соня,— вкрадчиво заговорил Счастливчик, впервые назвав девушку по имени,— здесь нет случайности. Мы должны были встретиться для общего дела. Орехи указали нам друг друга. Теперь мы должны действовать вместе.

И вдруг в памяти Сони всплыла сцена в лесу и прощальное наставление Надиры — «продай и уходи». Послушайся она совета старухи, не пришлось бы ей выслушивать сейчас этого лицемерного вельможу.

«Как бы тебе, владетельный господин, самого себя не перехитрить,— усмехнулась Соня.— Как кот у горшка со сливками, все ходит и ходит вокруг да около, а о деле молчит». Девушка вопросительно взглянула в лицо мужчины.

— Ты говоришь загадками,— решительно заговорила она,— которые я не могу и не хочу отгадывать. Ты предлагаешь мне сообщничество в каких-то своих делах, но не хочешь рассказать о них. Как ты представляешь партнерство двух людей, когда один из них пребывает в полном неведении о том, что творит другой?

Файрад слушал девушку с мрачным видом. Он понимал, что она права — необходимо открыть ей

хотя бы часть своей тайны. Все в нем протестовало против этого. Вельможа был не готов к столь прямому разговору. Наконец он прервал затянувшееся молчание.

— Сейчас я не могу сказать тебе больше,— неохотно произнес Счастливчик,— но когда я все подготовлю, ты, конечно, узнаешь свою роль в предстоящем деле.

Снискодительный тон, которым он сказал это, покоробил Соню. «Ах ты, паршивый пес,— мысленно обругала она Файрада,— юлил-юлил, а о главном так и не сказал. Он еще, видите ли, не определил, насколько мне можно доверять. Шелудивая скотина. Наглый боров.— В девушке закипала ненависть к этому надменному вельможе.— Ну что ж, посмотрим. Подождем. Еще не известно, кто будет роли распределять».

— Ах, вот как,— вслух сказала она,— тогда пока не будем ни о чем говорить.

Соня отвернулась от Счастливчика и стала бросать в пруд корм рыбкам. Файрад, не привыкший к такому непочтительному поведению, готов был избить нахалку. Рука непроизвольно поднялась для удара, но, спохватившись, он круто повернулся и пошел прочь. Соня слушала шаги стремительно уходившего мужчины, и настроение ее улучшалось по мере их удаления.

В пруду по-прежнему сновали рыбки, хватая корм с поверхности воды и устраивая драку за самую крупную крошку, но девушка не обращала на них внимания, машинально бросая кусочки в воду. Она думала о своем.

Глава пятая

ставшись одна, Соня присела на мраморную скамью, стоящую у озерца. Она хотела немного подумать. За годы бродяжничества девушка не раз попадала в крайне неприятные переделки и всегда находила достойный выход.

Но сейчас она растерялась. Счастливчик был настойчив, но не откровенен. Он даже не скрывал этого.

«Однако,— Соня усмехнулась от удовольствия,— этот хитрый вельможа все-таки проговорился. Одному ему не справиться с таинственным делом. Глупец рассчитывает, чтобы я, как слепой странник, доверчиво пошла за ним. Поводырь паршивый, хвост Нергала тебе в зубы. Но, клянусь моим луком, ничего у тебя не выйдет. Пока никому не удавалось заставить меня что-либо делать против воли. Посмотрим еще, кому Пресветлые Боги уготовили роль слепца».

Взгляд ее невольно устремился на старую развесистую яблоню.

Сумерки сгущались, но еще поблескивала вода на уступах каскада и на спокойном зеркале водоема играли красноперые рыбки.

Девушка встала и направилась к дому. Окна светились теплыми уютными огнями. Танаис уже поджидала ее.

Как-то сразу наступил вечер. Гулко прокатился по городу удар колокола. Соня представила, как пустеют городские улицы.

— Что-то ты сегодня долго гуляла, — поднялась навстречу Танаис. — Теперь вечерами прохладно.

Соня оглянулась. Из освещенной комнаты сад казался совсем темным. Прозвучал еще один удар колокола.

— Сюда приходил господин Счастливчик? — Соне хотелось узнать, какое впечатление произвел на старуху вельможа сразу после разговора в саду.

— Нет, к нам он не заходил, — покачала головой служанка. — Я видела его из окна. Он шел быстро и был очень мрачен.

В третий раз загудел Великий колокол. Для горожан наступило время вечернего отдыха.

— Это ты его чем-то расстроила, — служанка укоризненно покачала головой. — Очень уж ты строптива, красавица моя. А он-то с тобой небывало терпелив. Я его таким не помню. Тебе надо бы поласковее быть, — наставляла девушку Танаис.

— Время еще не пришло, — пожала плечами Соня. — Я есть хочу, распорядись, пусть подают ужин.

Соня села к столу. «Время еще не пришло, — повторила она про себя. — Только вот для чего?»

По краям стол украшали два бронзовых подсвечника. Пламя их красиво отражалось в полированной поверхности, создавая таинственную глубину. Вошел слуга, неся поднос, уставленный снедью. Здесь была чаша с горкой белоснежного риса, обжаренные на вертеле небольшие птицы, острые приправы, душистая зелень и, как всегда, любимые Соней лепешки, мед и фрукты.

— Это что такое? — указала девушка на аппетитные тушки.

— Горные куропатки, — проглотила слону старуха, — сейчас, осенью, они очень вкусные, жиренькие.

Соне самой приходилось охотиться на горных куропаток, но она всегда жарила их по-охотничьи, в золе костра, обмазав глиной. Эти же выглядели очень красиво и распространяли дивный аромат. Соне вспомнилось угощение в таверне с фонариками, и она, изобразив восторг на лице, понюхала вино в кувшине. Подозрительного запаха не было, и она принялась за еду. Танаис почтительно стояла в стороне. Девушка взглянула на старуху.

— Садись и ешь тоже, — кивнула Соня. — Мне надоело каждый раз приглашать тебя разделять мой ужин. Поторопись.

Танаис не заставила себя упрашивать. Она моментально усилась, скватила небольшой серебряный кубок и наполнила его рубиновым вином. Жадно прильнув к краю губами, старуха пила, не скрывая наслаждения. Каждый глоток, казалось, дарил ей блаженство. Поставив чашу на стол, она безошибочно взяла с блюда самую большую и жир-

ную куропатку. Мрачное, высохшее лицо Танаис порозовело, глаза засверкали. Старуха ела торопливо, жадно, раздирая птицу пальцами и беззубыми деснами. Жир стекал у нее по подбородку.

— Сколько раз я ела этих куропаток, но даже представить не могла, что они могут быть такими вкусными. Вельможа и в еде вельможа,— деланно восхищалась Соня.

— Повар у нас, конечно, искусный.— Танаис вытерла рукой подбородок.— Он и научил нашего господина понимать толк в еде.

Заметив, что девушка больше не ест, она распорядилась, и слуга унес остатки.

— Посиди со мной.— Соня удобно устроилась на диване.— Ты рассказывала как-то, что наш господин не из родовитых.

Разомлевшая от хорошей еды и питья старуха криво ухмыльнулась:

— Я ничего не говорила — люди говорят. Молодым и удачливым всегда завидуют.

— А что, он очень удачлив?

— Да как сказать...— Служанка оживилась.— Сама суди: торговал с отцом на базаре в городе Хоршемише. А потом свое дело завел, сказывали, с прошней начал, за несколько лет разбогател и от досужих сплетен к нам перебрался.

— Подумаешь! — разочарованно протянула Соня.— Мало ли таких ловкачей из отцовских лавок выходит.

— Может, мало, а может, много,— не отступала Танаис,— ты послушай, что дальше было! Приехал к нам — дворец построил. Года не прошло, как

в свиту к правителью города попал. Доверенным лицом сделался, а этих-то за год не один сменяется. Кто в изгнание, а кто и на плаху. Только наш-то господин уже не первый год там как у себя дома.

— Околдовал он его, что ли? — встрепенулась Соня.

— Я ничего не знаю,— испугалась старуха,— но люди всякое говорят. Что-то я сегодня болтала, пойду приготовлю тебе постель.

Танаис заковыляла в спальню. Девушка бросила быстрый взгляд ей вслед и отвернулась к раскрытым окну. Над парком простиралось усыпанное звездами небо. Блестящий месяц, окруженный темно-синими облаками, лил бледный свет на пруды и газоны, где среди травы спали, сомкнув лепестки, цветы. Деревья потеряли в темноте четкие очертания. Где-то в дальнем краю парка кричал павлин.

Соня поднялась и задула свечи. Лежа под шелковым одеялом, девушка припоминала разговор с Танаис и то, как ей достались орехи. «Случайностей не бывает. Файрад тоже упомянул, что наша встреча не случайна. Почему он все-таки так настойчиво добивается моего согласия? Странная история. Не последовать ли мне все-таки совету Надиры?»

Вопросы крутились в голове. Перед глазами появлялись то лицо вельможи, то непроницаемое, улыбающееся лицо Ло Юня, то образ какой-то страшной древней старухи, почти трупа. Незаметно для себя Соня уснула, но сон ее был тревожным.

Ночью прошел дождь, а утром снова светило солнце. Ярко освещенные белые облака напомина-

ли горы. Две птицы парили высоко над деревьями. Сквозь листву пробивались солнечные лучи и падали на сверкающие росинками газоны. Пахло свежестью и цветами.

Соня лежала с закрытыми глазами и прислушивалась. В доме стояла тишина, все еще спали. Было рано. Танаис, выпившая вчера лишнего, похрапывала за дверью. Девушка осторожно встала, она знала, что старуха спит очень чутко, и, бесшумно ступая по ковру, подошла к туалетному столику.

«Надо разгадать этот тайник.— Соня осторожно стала надавливать на различные подозрительные завитушки декора.— Что же эта старая болтуня тут нажимала? Надо как-то заставить ее еще раз открыть тайник».

Храп за стеной умолк, затем заскрипела кушетка и послышалось бормотание старухи. Соня бесшумно вернулась в постель.

Когда Танаис вошла, чтобы разбудить подопечную, та сладко потянулась и раскрыла заспанные глаза.

— Доброе утро! — служанка была необыкновенно приветлива.— Как спалось? Ночи уже стали прохладными.

— Доброе утро! — улыбнулась в ответ девушка.

— Вставай, красавица, я помогу тебе одеться.

Соня смотрела, как хлопочет Танаис, раскладывая принадлежности ее туалета. Вот она скрылась в умывальной комнате и вернулась оттуда, неся платье и пояс. Соня быстро встала и предоставила себя опытным рукам служанки. Взяв пояс и подержав его недолго в руках, она протянула его Танаис.

— Знаешь, убери его обратно. Сегодня мне хочется чего-нибудь другого.

Танаис взяла вещицу и зашаркала к туалетному столику. Соня наблюдала за ней в зеркало. Вот старуха немного замешкалась, затем легко провела пальцами левой руки по поверхности столика, а затем большим пальцем как будто подвинула или нажала что-то под столешницей. Сразу же выдвинулся ящичек. Аккуратно уложив в него безделушку, Танаис проделала те же движения. Когда служанка обернулась к Соне, все внимание девушки было поглощено нарядом. Повернувшись среди зеркал, Соня отыскала взглядом служанку.

— А может, все-таки с поясом лучше? — она вопросительно посмотрела на Танаис.— Да. Не сочти за труд, достань мне его опять.

Танаис вперила в девушку неподвижный взгляд. Лицо ее задергалось особенно сильно, как случалось с ней всякий раз в мгновения нерешительности.

— Капризничашь ты сегодня,— старуха недовольно покачала головой.— Что это с тобой?

Служанка не двигалась с места и, судя по всему, не торопилась исполнить просьбу.

— Посмотри сама,— наставила девушка.— Нужели ты не видишь, что здесь явно не хватает какого-нибудь украшения. Впрочем, как скажешь. Я полагаюсь на твой вкус,— привычно польстила она старой женщине.

Танаис изобразила что-то вроде улыбки и направилась обратно к столику. А девушка застыла у зеркала, внимательно наблюдая в отражении за действиями служанки.

Наконец все таинственные пассы, предшествующие открыванию тайника, были проделаны и потайной ящичек открылся.

Девушка, получив свой пояс, сделала вид, что больше ее ничего не интересует.

— Уф, загоняла ты меня сегодня.— Старуха достала большой платок и стала им обмахиваться.— Что за злой дух в тебя вселился? Вот скоро праздник Ясноликого Митры, отпрощусь у хозяина посмотреть на торжественную процессию по главной дороге. Отдохну от тебя немного.

Соня ощущала в душе двойное чувство тревоги и радости. Обычно такое состояние было предшественником больших перемен в ее жизни.

— О чём это ты говоришь? Что за торжественная процессия?

— Да откуда ты на нашу голову свалилась? Такого праздника не знаешь!

Эти причитания Соня пропустила мимо ушей. Ей надо было как можно подробнее расспросить о предстоящем событии.

— Ну так расскажи! — девушка устроилась поудобнее рядом с Танаис.

— О! Это у нас самый значительный праздник. Он бывает один раз в год, и почти все жители города приходят к главным воротам. Те, кто хочет получше все видеть, занимают места на обочинах Дороги Процессий еще с вечера.

— И что же, они сидят там целую ночь?

— Да. Праздник начинается с восходом солнца. Открывают восточные ворота, и Солнцеликий Митра своими первыми лучами освещает Дорогу Про-

цессий. Затем на нее ступают жрецы. Они бьют в барабаны и поют священные гимны, восхваляющие Великого Бога, а следом ведут жертвенных животных, едут повозки с подношениями. Каждый, кто хочет заручиться на будущий год божественным покровительством, приносит какую-нибудь жертву. И, конечно, чем богаче жертва, тем больше уверенность, что она будет принята благосклонно. Праздник длится несколько дней, так что всякий успевает выполнить ритуал жертвоприношения.

— А прислуга из богатых домов тоже отправляется поглазеть на процессию? — продолжала допытываться Соня.— Повара, прислужницы, охрана, их что же, отпускают хозяева, а дом остается пустой?

— Отпускают, конечно, но не всех сразу. Праздник же длинный.

— И сколько же прислуги уходит в первый день?

— Да когда как. Смотря по тому, кто нужен господину в доме.

— Наш-то господин место, конечно, заранее занимает, чтобы в первых рядах сидеть.

— Ох и глупая ты все-таки. Он сидит в ложе правителя, среди знати и особо доверенных лиц.

— И что, целый день проводит там?

— А как же. Он должен присутствовать на ритуале от начала до конца.

— А как ты думаешь, отпустит наш господин меня на праздник?

— Вот уж не знаю,— вздохнула Танаис.— Это как ему заблагорассудится.

— Скоро ли праздник будет? — девушка старалась ничем не выдать своего волнения.

— Через два дня. Процессии — это все больше для придворных да старииков, — продолжала Танаис, — а для молодежи-то, конечно, самое интересное вечером начинается.

— Что же, ночного дозора нет в эти дни?

— Почему же нет? Есть, конечно, только и до ночной стражи можно многое успеть, ну и поблажки бывают. Это уж на кого попадешь. — Она замолчала и посмотрела на Соню. — Не думаю, что наш господин тебя отпустит. Он каждый день меня выспрашивает о тебе и не устает напоминать, чтобы я стерегла тебя, глаз не спускала. Боюсь, что он и меня-то не отпустит, — грустно заключила старая служанка.

Было слышно, как в другой комнате звякала посуда — принесли завтрак. Теперь главное не возбудить никаких подозрений.

— Пойдем, старая, — поднялась с подушек девушка, — составишь мне компанию. Я не люблю одна есть, все кажется не таким вкусным.

После еды Соня пошла в любимую беседку, ей было о чем подумать.

Безоблачное небо над головой ничем не напоминало о ночном дождике и о приближении осени, но все-таки длинное лето с его горячими восточными ветрами и удушливой жарой близилось к концу.

Девушка размышляла о предстоящем празднике, сидя в беседке и обводя кончиком башмачка контуры солнечных бликов на земле.

Проситься на праздник смысла не было — это только насторожит Файрада. Лучше, если он отпустит Танаис. Главное, избавиться от нее, а остальные слуги и охрана в отсутствие хозяина наверняка займутся своими делами. Только бы ему не пришло в голову приставить к ней кого-нибудь другого, пока уйдет старуха.

Соня посмотрела на лужайку перед беседкой. Трава на газонах сада была разных оттенков — и нежная бледная, и сочно-зеленая, и голубоватая, но кое-где появился и желтый цвет — предвестник осеннего увядания. И под каждой травинкой, под каждым листком шла своя напряженная жизнь.

Соня внутренне собралась. Время ожидания и выжидания близится к концу. Скоро настанет момент, от которого будет зависеть многое, а главное — свобода и, может быть, жизнь.

День шел своим чередом, не внося в мирное течение привычных событий никаких изменений. В доме не чувствовалось никакой предпраздничной суеты. Из этого можно было сделать вывод, что Счастливчик не будет принимать гостей, а сам отправится куда-то. Может быть, даже во дворец к правителью. Это обстоятельство радовало Соню.

О возвращении Файрада всегда можно было узнать по шумной суете среди прислуги. Из парка доносились приветственные крики стражников, слуги готовили ему теплую воду для омовения. После принятия душистой ванны Счастливчик отыхал, наслаждаясь хорошими винами. В это время его никто не смел беспокоить, пока он сам не сообщал, что пора подавать ужин.

В этом году предвкушение праздничных дней было омрачено неопределенностью в его личных делах. Все мысли Файрада были заняты пленницей. За последние несколько дней размышления о ней стали неотъемлемой частью его жизни. Счастливчик нервно барабанил пальцами по подушке. «После завершения праздника надо собираться в дорогу. Медлить нельзя — приближается осень, дожди, непогода, а путь предстоит неблизкий. Со своей стороны я сделал все — подал прошение, подкрепленное богатыми подарками, оно было благосклонно принято и удовлетворено. Теперь надо как-то сломать сопротивление этой строптивой девицы. Должно же быть у нее какое-то слабое место».

Файрад в сердцах стукнул рукой по подушке, встал и подошел к окну. Сад был озарен лучами солнца. По лужайкам, пестрящим цветами, бродили павлины. Хвост самца был раскрыт огромным опахалом. Он важно расхаживал вокруг своей подруги, как бы предлагая оценить его достоинства. Счастливчик любил свой сад и обычно его вид действовал успокаивающе, но не сегодня.

— Можно было бы приставить к ней стражу, — пробормотал вельможа, — но это только усилит ее неприязнь, да и лишние свидетели мне не нужны.

Он громко позвал слугу.

— Да, господин мой!

— Позови ко мне Танаис!

Слуга удалился, а через некоторое время робко вошла старая служанка.

— Вы меня звали, мой господин?

— Как себя ведет твоя подопечная?

— Да грех жаловаться, мой господин, — низко склонилась прислужница, не поднимая глаз.

Холодный, властный тон Счастливчика так разительно отличался от простой и грубовато-сердечной манеры Сони. С ней старуха чувствовала себя человеком, а здесь ей хотелось превратиться в улитку, чтобы всегда иметь возможность спрятаться в своем домике.

— Послезавтра праздник Солнцеликого Митры. Ты, наверное, хочешь отправиться на процессию...

— Если вы позовите, мой господин.

— Я разрешаю тебе идти к открытию ворот. Надеюсь, эта девка не встает так рано. К моменту ее пробуждения ты должна быть на месте и, как обычно, постоянно быть при ней. И в саду тоже. Сад большой, с ней легко может случиться что-нибудь. Иди.

Старуха была раздосадована приказаниями Счастливчика. Хотя прислуживать девушке было не трудно и ей нравилось делиться с девушкой своими познаниями, но праздник существует для всех. Да и стара она уже бегать взад-вперед.

Соня сидела на открытой террасе перед домом. Она издали заметила Танаис. Старуха шла, рассказываясь, как гусыня, лицо ее было мрачно.

— Ты чем-то недовольна? — встретила ее вопросом Соня. — Кто это тебя так огорчил?

— Это тебя совершенно не касается. Наш господин умнее всех, — довольно бессвязно изрекла служанка.

— Так ты была у него, — оживилась девушка. — Отпустил он тебя на праздник?

— Отпустил. Велел идти к самому началу. А что я успею? — вопрос относился скорее к Счастливчику, чем к девушке.— Я бы и жертву хотела принести. Мне не все равно, как следующий год прожить.

Соня нетерпеливо слушала излияния старой женщины.

— А про меня он говорил что-нибудь? — девушка напряженно смотрела на Танаис.— Отпустит он меня?

— Как же! Размечталась! И не думай,— закончила старуха.

Соня поняла, что больше она ничего не услышит. Сейчас Танаис была очень раздосадована. Нужно быть терпеливой, а за ужином она сумеет исподволь выведать у старой служанки все, что ее волнует.

Так и случилось. Разомлев от обильной еды и хорошего вина, Танаис выболтала все, о чем с ней говорил Счастливчик.

— Ну и чем ты недовольна? — Соня не скрывала своего разочарования.— Я в гораздо худшем положении. Ты и представить себе не можешь, как скучно мне жить за этими стенами.

— И не надейся с ними распрощаться. Хозяин опять напомнил, что тебя даже в саду стеречь надо.— Танаис поджала губы.

Девушка провела рукой по шелку своего плаща. Задумчивый взгляд ее серых глаз внимательно изучал узор на ткани. «Что ж, пускай стережет,— выслушав старуху, она окончательно утвердила в своих намерениях,— все равно убегу». Только

жалко, что праздник начнется только через день, а не завтра. Еще один длинный томительный день, заполненный причитаниями Танаис и ожиданием.

— Уже поздно. Я хочу спать.— Соня поднялась и пошла в опочивальню.

Танаис поплелась следом.

На следующее утро в доме все-таки ощущалось некоторое оживление. То, что не ожидалось приема гостей, давало прислуге возможность заняться собственными приготовлениями к празднику. До Сони долетали обрывки разговоров, смех и быстрое шлепанье ног по дому. Только она не участвовала в радостной суете. Танаис, несмотря на строжайшие указания Счастливчика, куда-то отправилась, предоставив девушку самой себе.

Воспользовавшись свободой, Соня решила проверить, сумеет ли она открыть потайной ящичек. Усевшись на пуфики перед туалетным столиком, Соня положила четыре пальца левой руки на поверхность столика, опустив большой палец под столешницу, и медленно повела руку вдоль края, как это делала Танаис. Неожиданно большой палец попал в маленькую лунку, девушка обрадовалась — вот как просто. Вспомнив следующее действие старухи, она засунула палец в углубление и потянула на себя. Небольшая панель сдвинулась, но тайник не открылся.

Соня повторила попытку, сделав движение кистью в противоположную сторону,— тот же результат. «Нергалова игрушка!» Девушка решительно потянула столешницу на себя. И из-под нее тут же выехал потайной ящичек. Соня облегченно вздох-

нула. Потом поставила его на место и еще несколько раз проделала все сначала, пока ее движения не стали такими же легкими и незаметными, как у старой прислужницы.

За дверью послышались шаркающие шаги, и девушка быстро схватила расческу.

— Где ты пропадала? Я сама вынуждена возиться со своей гривой.— Девушка обиженно надула губы.— Смотри, я ведь и пожаловаться могу.

— Что ты, что ты! Прости меня, старую,— зачитала вошедшая Танаис.— Прости. Но должна же я подготовить жертву...

Соня удивленно взглянула на служанку. Ей почему-то представился большой пегий бык, которого волочет за собой маленькая горбатая старушонка.

— Что же получит от тебя Солнцеликий? — дрогнувшим от смеха голосом спросила девушка.

— Белую как снег курочку,— с гордостью ответствовала служанка.

И потянулся бесконечный тягостный день.

...Высоко в небе парила птица. Покружившись над садом, она камнем упала вниз, а потом опять взмыла в синеву неба.

Ранним утром, еще до рассвета, поднялась Танаис и облачилась в новое, припасенное для такого случая платье. Осторожно заглянула к Соне, чтобы убедиться, что та еще спит. Тихо прикрыв дверь, старуха засеменила в ту часть дворца, где жила прислуга и был выход на хозяйственный двор. Там стояла клетка с ее белой жертвенной курицей, дожидавшейся своего часа.

Подхватив клетку, Танаис поспешила к начальнику стражи. Там уже дожидались несколько человек из прислуги, которым тоже был назначен этот ранний час. Стражник пересчитал всех, сверился с полученным от управляющего списком и объявил, до какого времени им разрешено быть на празднике. После этого он проводил всех до калитки хозяйственного двора и выпустил челядь.

Танаис в компании еще нескольких женщин торопливо шла к Дороге Процессий. В этот ранний, еще сумеречный час улицы были как никогда многолюдны. Со всех уголков города стекались людские ручейки к месту торжества.

Все обочины белокаменной священной дороги уже заполнила празднично одетая толпа. Здесь расположились и горожане, и крестьяне, пришедшие еще с вечера. Попадались и богато одетые чужестранцы. Для местных вельмож было сооружено особое, роскошно убранное возвышение с легким навесом для защиты от палящих лучей солнца. Скамьи, убранные коврами, еще пустовали, а вокруг стояли стражники, поджиная своих господ.

Танаис протискивалась в толпе, выискивая себе место поудобнее. Ее пинали и награждали различными нелестными прозвищами, но она, оборачиваясь и отругиваясь, упорно пробиралась к намеченной цели — крошечному просвету почти у самого края дороги. Он был так мал, что никому не приходило в голову посягнуть на него. Но маленькая сгорбленная старушка решила, что это сам Митра снизошел к молитвам своей верной почитательницы и позаботился об удобном месте для нее.

Наконец, протиснувшись мимо толстого лавочника, она разместила свою подстилочку на облюбованном местечке и, довольная собой, уселась, ни на кого не обращая внимания.

До открытия ворот и начала праздника оставалось совсем немного времени. Люди затихли, словно в ожидании чуда.

Но вот небо над воротами окрасилось в ярко-розовый цвет. Створки вздрогнули и начали медленно раскрываться. Над городом зазвучал удар Великого колокола.

Как только створки ворот полностью открылись, возглавлявшие шествие жрецы начали бить в барабаны и кимвалы, трубить в бараньи рога. Процессия вошла в город.

Одетый в оранжевый хитон, благообразный жрец вел белоснежного красавца — коня Митры. Следом шли представители всех городских сословий. Первыми — старосты и уважаемые мастера различных ремесленных цехов в праздничных одеждах. За ними представители купеческих гильдий, следом серьезные бородатые мужи из Школы Мудрости.

В центре колонны катилась богато украшенная, запряженная белыми конями колесница. На ней стояли два крепких жреца с огромным круглым медным зеркалом в руках — Зеркалом Митры. Они раскачивали зеркало, и отраженный от него солнечный луч бежал по толпе. Было великим счастьем попасть под этот луч — удостоиться взгляда Солнцеликого. За ними следовала во всем своем великолепии гвардия властителя.

Колесница остановилась перед возвышением, на котором расположился повелитель и его свита. Яркий луч надолго задержался на лице владыки Лагоша и затем медленно обошел всех остальных. Там же находился и Счастливчик, но, несмотря на торжественность и важность момента, мысли его были далеко от празднества. Вновь взревели трубы и процессия продолжила свое движение к храму. Вслед за последней шеренгой гвардейцев двигались повозки с подношениями от цехов, гильдий и городов, плативших дань Лагошу. Здесь были и жертвенные животные, и драгоценные изделия ремесленников, и привезенные купцами дары далеких земель.

Вслед за последней повозкой хлынула с трудом сдерживаемая стражниками толпа простых горожан.

Вот и Танаис оказалась у храмовых ворот. Молодой жрец быстренько принял клетку с курицей, мазнул старуху по лбу душистым маслом, произнес скороговоркой благословение и посмотрел поверх ее головы на следующего жертвователя. Праздник для старой служанки завершился.

* * *

...После ухода старухи Соня открыла глаза. На столике виднелся поднос с печеньем, кувшин с легким вином. Девушка прислушалась. Стоявшую в доме тишину нарушил удар Великого колокола — праздник начался. Соня выглянула в сад. Издалека доносились звуки музыки, пение жрецов и приветственные крики толпы.

Девушка вышла на террасу и пошла вдоль дома к стене, отделявшей великолепный сад от хозяйственного двора. Подойдя ближе, она расслышала звуки странной возни. Соня осторожно приблизилась к калитке и, приоткрыв ее, увидела следующую картину: четыре стражника пытались приставить лестницу, видимо только что принесенную, к стене так, чтобы можно было влезть на плоскую крышу конюшни. Стоявшие рядом молоденькие служанки заинтересованно наблюдали за их действиями.

— Эй, вы не ставьте слишком круто,— наставляла стражников одна из девушек,— а то очень страшно подниматься.

— И снизу подоприте чем-нибудь,— добавила другая.

— Вот навязались болтушки на наши головы,— лениво отозвался один из стражников,— хоть сейчас помолчите.

Вся компания была поглощена работой и мыслями о предстоящем зрелище.

Соня опрометью помчалась в дом. В ее голове созрел неожиданный план. Прибежав к себе, она прошла через опочивальню в кладовку. Нащупав в темноте гору тряпья, девушка выволокла ее на свет. Сверху аккуратно лежали ее вещи. Она переоделась, с сожалением отбросив нарядное платье. На мгновение заколебалась — оставлять наряд было жалко. Свернув в тугой узел, Соня засунула платье в плетеную сумку, валявшуюся на полу.

Теперь тайник. Девушка подошла к туалетному столику и уверенным движением открыла по-тайной ящик. Опустошив его, она еще раз огля-

делась. В куче тряпья лежала старая накидка Танаис. Помедлив мгновение, Соня решительно накинула ее себе на плечи. Теперь надо уходить.

Выйдя из дома, девушка осторожно подошла к калитке, ведущей во двор. Из сада было видно, что стражники уже забрались на крышу и теперь зазывают служанок. Соня прижалась к стене. Наконец испуганный визг молодых женщин и ободряющие голоса охранников замолкли. Теперь вперед. Чуть сгорбившись и переваливаясь с боку на бок, она прошла на хозяйственный двор.

— Эй! Танаис! — раздался голос сверху.— Тебя что, не отпустили? Все стережешь свою красотку?

— Бери ее и полезайте к нам,— подхватил другой.

Не разгибаясь, Соня махнула рукой.

— Давай, давай,— захлебывался от смеха стражник,— сейчас мы поможем тебе.

Его прервал восторженный женский крик:

— Митра, Солнцеликий! Я видела свет его!

Соня осторожно подняла голову — все, кто были на крыше, смотрели куда-то вдаль, сразу позабыв о ней. Ноги сами понесли ее к калитке в глубине двора. Потянув за ручку, она обнаружила, что та не заперта. Выйдя на улицу, девушка настороженно огляделась — вокруг никого не было. Она сбросила старую накидку и пошла прочь. За стеной по-прежнему раздавались веселые голоса слуг. Она вернулась и, подобрав накидку, привязала ею ручку калитки к растущему рядом дереву, «Эх, надо было еще и лестницу свалить,— подумала Соня,— пусть бы сидели на крыше до прихода хозяина».

Чуть успокоившись, она пошла по пустынной улице. Ее путь лежал в таверну Ло Юня.

* * *

...С чувством выполненного долга возвращалась Танаис домой. Запах благовонного масла приятно щекотал ноздри. В голове все еще раздавались слова благословения. Жертва принятая, и теперь еще год можно быть спокойной за свою судьбу.

Подойдя к калитке, Танаис попыталаась открыть ее, но обнаружила, что та привязана к дереву. Когда оказалось, что вместо веревки использована ее старая накидка, Танаис принялась барабанить кулаком в створку.

— Кто это там ломится? Калитка не заперта.

— Ах ты, ленивая обезьяна! Ты что, издеваешься надо мной?

Стражник со своей стороны дернул калитку, но она не поддалась.

— Перестань держать створку! Кто там шутить вздумал?

— Да это я, Танаис.

Тем временем у калитки собралось уже довольно много народу, и прислуга, возвращавшаяся с праздника, и посторонние зеваки. Узел был завязан так крепко и замысловато, что развязать его никто не мог. Чтобы понять происходящее, стражник подтащил лестницу и перелез через глинябитную ограду. Изумлению его не было предела, когда он увидел пеструю накидку, накрепко соединившую ручку калитки с деревом. Стражник повернулся, отыскивая глазами Танаис.

— Ты же не так давно выходила отсюда в этой накидке! — Он чуть не задохнулся от возмущения.

— Ты спятил совсем от безделья! Чтобы я в таком тряпье на праздник пошла! Я хоть и старая, но из ума еще не выжила.

— Мы еще посмотрим, кто из нас спятил! — Стражник попытался развязать узел, но у него ничего не получалось. Тогда он достал из-за пояса короткий меч и перерубил ткань. Шумная толпа устремилась во двор. Смеясь и обсуждая происшествие, прислуга разошлась по своим комнатам.

Танаис поспешила к себе. Переодеваясь, она все еще продолжала мысленно ругаться со стражниками «Надо же выдумать такое, чтобы я так вырядилась на праздник... Чтобы ты свою бабушку в таком рванье похоронил!»

Аккуратно убрав в сундук свой праздничный наряд, она уселась отдохнуть и впервые задумалась:

— Кто же это так над всеми подшутил?

Но особенно долго размышлять ей было непривычно, да и некогда. Еще раз осмотрев, все ли в порядке с ее одеждой, она заковыляла в господский сад разыскивать Соню.

Среди деревьев царили покой и умиротворение. Сквозь листву пробивались солнечные лучи. Всеми цветами радуги переливалась на них утренняя роса.

На мгновение старуха остановилась передохнуть — ее мучила одышка. И, решив, что они с девушкой разминулись, служанка отправилась об-

ратно к дому. Поднявшись на террасу, она увидела, что и в комнате никого нет.

Переваливаясь как утка, Танаис пошла в опочивальню Сони. Постель была пуста, но она сразу споткнулась о кучу тряпья, брошенную у порога. Старая служанка уже открыла рот, чтобы поругать девушку, но вдруг ее поразила тишина — ни плеска воды в умывальне, ни звука шагов — ничего, что выдавало бы присутствие человека. У старухи подкосились ноги, и она села на прямо на пол.

— Соня! — голос ее дрогнул и сорвался.

Никто не ответил на ее призыв.

Весть о том, что пленница сбежала, быстро распространилась по всему дому. Стражники, чувствуя за собою вину, со страхом ждали возвращения Счастливчика. В доме царила гнетущая тишина. Бесшумно ступали слуги по комнатам, бесшумно отворяли и затворяли они двери, а разговаривали только шепотом.

Праздник во дворце продолжался до утра — до следующего явления Великого Солнцеликого Митры. Вернувшись домой, Счастливчик позвал управляющего, чтобы узнать о всех происшествиях в доме за время его отсутствия. Не поднимая головы, тот сообщил о бегстве пленницы. Файрад побледнел и с неожиданной силой смял серебряный кубок для вина.

— Позвать сюда Танаис и часовых, дежуривших в праздник.

Управитель боязливо повел плечами, весь как-то сгорбился и, пятясь, вышел из комнаты. Все названные были немедленно приведены к хозяину.

Вельможа сидел в кресле из темного дерева. На нем был богато расшитый камзол из красного шелка, в котором он вернулся с праздника

— Я все сделала, как вы мне велели, — разразилась рыданиями старая служанка. — Когда я вернулась, роса еще не просохла на цветах. Вы ведь сами разрешили мне пойти на праздник.

— Уйди с моих глаз, глупая старуха, — Файрад потерял самообладание. — Я видеть тебя не могу!

Стражники упали на колени перед креслом, лица их касались пола. Они были смертельно напуганы, зная, что есть множество свидетелей их нерадивого отношения к службе.

— Глядите на меня, — тон Счастливчика был холодный и властный.

Старший часовой поднял лицо. В глубине глаз Файрада горел гневный огонь. Воин не выдержал взгляда хозяина и опустил голову.

— Смотреть на меня! — в бешенстве закричал вельможа.

Моля про себя всех богов, провинившиеся покорно уставились на Счастливчика.

— Так-то вы выполняете мои приказы!

— Мой господин, — начальник стражи внезапно охрип, — девчонка обманула нас, переодевшись старухой... Нашей глупости нет оправдания, но мы верны долгу и тебе... — И опять распластался перед хозяином.

— Не опускать глаз! — черты Файрада исказились от злости, губы подрагивали. — Нерадивые твари! Ублюдки! — заорал он и судорожно вцепился в подлокотники кресла узанной перстнями рукой.

Воины боялись вымолвить хоть слово, но начальник стражи решился и, не поднимая глаз, с отчаянием произнес:

— Господин, прости слуг своих! Велика наша вина, но эта девка околдовала нас. Поверь, она — колдунья и мы ничего не видели. Нергал ей помог, и она наслала на часовых слепоту...

— Замолчи. Мне недосуг слушать твои бредни, — криво усмехнулся Счастливчик.

Он заставил себя успокоиться. Суеверные, бесполковые болваны. Да и сам он хорош — понадеялся на высокие стены и бдительность этих недоумков.

В комнату заглянули солнечные лучи, они отразились на полированных плитах пола, оживили вытканных на шелковых шпалерах крылатых львов и драконов. Тихо приоткрылась дверь и вошел управляющий.

— Этих на хозяйственный двор, пусть им всыплют по две дюжины ударов плетью... Старуху на кухню...

Стражи не верили своим ушам: приговор оказался неожиданно мягким. Они дружно подползли к ногам господина и принялись униженно целовать подол его одежды. Вельможа раздраженно отпихнул их носком сапога.

— Встать. А ты, — он указал на старшего, — после того, как получишь положенное, вернешься за дальнейшими приказаниями.

— Благодарю тебя, господин мой! — прошептал начальник стражи, отвешивая поклоны.

Почтительно пятась, все покинули комнату.

Глава шестая

она шагала по пустынной улице и налевала замечательную песенку, в которой было одно-единственное слово — свобода. Навстречу ей попадались нарядно одетые, улыбающиеся люди. Это горожане возвращались домой, посмотрев торжественное шествие и принеся жертву Митре.

Надо было свернуть с этой улицы и уйти как можно дальше, ведь скоро слуги Счастливчика тоже вернутся с праздника. То-то посмеются вдоволь — стражу заперли во дворе. Соня быстро удалилась от опостылевшей роскошной тюрьмы. Правда, жилось ей там и сытно, и удобно, но это все же была тюрьма, а теперь она свободна. И девушка весело напевала свою песенку из одного слова, повторяя его на все лады.

Отойдя достаточно далеко от дворца Файрада, Соня остановилась. Надо было сориентироваться и определить, как пройти в таверну Ло Юня. Этой части города девушка совсем не знала. Сюда ее

Йоке не приводил. Соня постояла, озираясь по сторонам, а затем решила, что проще всего найти базар. Сейчас туда потянутся людей не меньше, чем на праздничное шествие, а уж оттуда она легко найдет дорогу в таверну.

Вот из калитки вышел молодой парень с большой корзиной фруктов в руках. Следом за ним появилась женщина. Она негромко что-то сказала спутнику и прошла вперед. Соня решила, что они наверняка направляются к базару, и пристроилась за ними. Она шла с независимым видом, помахивая плетеной сумкой и стараясь не потерять из поля зрения своих проводников. Вот они свернули в узенький переулок, и девушка заторопилась, боясь отстать. Как только она повернула, впереди в просвете между домами стала видна ограда городского базара. Все складывалось более чем удачно.

Теперь она знает, куда надо идти.

Подойдя к дверям таверны кхитайца, Соня впервые задумалась, что она скажет Ло Юню. Где она была столько дней? В голову ничего толкового не приходило, и девушка решила придумать что-нибудь на месте. Такой уж сегодня день — хорошие решения приходят неожиданно.

Она легко толкнула дверь таверны. Зал был пуст. Кхитаец пристроился у очага и крутил вертел, на котором шипели, роняя капли жира на уголья, нанизанные кусочки мяса. Стены таверны не были украшены в честь праздника, хозяин сидел в своем старом, но опрятном синем халате. Кхитайцы поклонялись своим богам. Только люди,

достигшие высокого положения при дворе властителя, принимали его богов и участвовали в обрядах поклонения им. Положение Ло Юня позволяло ему сохранять преданность вере своих предков.

— Ло Юнь, здравствуй. Ты не забыл меня? — Тут Соне пришла в голову страшная мысль, что он продал ее Ману за долги.

— Я рад тебя видеть. — Кхитаец кивнул головой и улыбнулся. — Твой долг не так велик, чтобы надо было продавать за него твою прекрасную лошадку.

— Старик, ты читаешь мои мысли, — удивилась Соня.

— Не могу сказать, что я очень искусен в этом, но мне многое открыто, госпожа.

— Так ты знаешь, кто я? — вздрогнула она. — И все время знал?

— Я понимаю, что молодой девушке трудно путешествовать одной. — Кхитаец опустил глаза. — Но чем быстрее ты вновь отправишься в путь, тем лучше.

Ло Юнь не переставал крутить вертел. Ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Ло Юнь, ты не накормишь меня этим чудесным мясом? — Соня вспомнила, что не ела со вчерашнего дня.

— Это баранина. Так готовят ее на севере моей родины. Я думаю, что тебе понравится.

Через некоторое время кхитаец поставил на столик два блюда и чаши.

— Не торопись, сначала выпьем *тхяю*, — сказал Ло Юнь. — Это мой любимый напиток.

Душистый тхай согрел тело и усилил аппетит, баранина показалась особенно вкусной.

Ло Юнь молча пил тхай. Он немного подождал, пока девушка утолит первый голод, и вновь заговорил:

— Тебе лучше уехать из города завтра на рассвете. Сегодня, в первый день праздника, никто не уходит. Ты будешь слишком заметна. Стражники заподозрят неладное. А утром второго дня многие гости покидают город.

— Послушай, старик, тебе, кажется, известно гораздо больше, чем мне...

Уголки тонких губ кхитайца дрогнули в мимолетной усмешке.

— Не каждый день в базарной драке из-под носа стражников увозят в роскошном паланкине рыжеволосую красавицу-воровку. А Иoke смышленый парень, ему не стоило труда узнать, кому принадлежит паланкин. Мне стоило большого труда удержать его от необдуманных действий...

— А от обдуманных? — Соня зло сощурилась, вспомнив свое существование в доме Файрада.

— Он после праздника помог бы тебе, — просто ответил кхитаец.

— А ты, ты поможешь мне?

— В моем доме ты будешь в безопасности. До отъезда.

— Нет, Ло Юнь. Мне нужно большее. У степняков есть пословица: «Опасность преследует бегущего и бежит от того, кто идет навстречу ей». А я наполовину гирканка.

Хозяин таверны поднялся и направился к очагу.

— Ты должен помочь мне, — с нажимом произнесла Соня.

— Слово «должен» и слово «помочь» плохо укладываются вместе в голове у старого кхитайца. — Ло Юнь насмешливо поклонился.

— За меня просит Шаруз.

При звуке этого имени старик внимательно взглянул на девушку и опять сел за стол.

— Мы много повидали вместе. Я обязан ему больше, чем жизнью, — он спас мою дочь.

— А я — его, — раздельно произнесла Соня. — И еще он сказал, что над тобой простерта рука богов. Я не очень поняла, что это значит, но запомнила.

* Ло Юнь прикрыл глаза и, немного помолчав, сказал:

— Когда уйдут гости, я буду ждать тебя, девушка.

— Меня зовут Соня. — Она поднялась и направилась к выходу. — Пора проводить мою красавицу Ману.

— Да, да. Она давно скучает без тебя. — Ло Юнь тоже встал. — Лук твой и другие вещи я спрятал — ведь в конюшню приходят разные люди.

Соня вышла во двор. В тени под навесом сидели постояльцы, не принимающие участия в празднике.

Они рассказывали друг другу о своих делах или о приключениях, которые случались с ними на дорогах странствий. Девушка, не останавливаясь, быстро прошла на конюшню. Ману заржала, почуяв хозяйку издалека.

— Ты мне рада,— Соня протянула лошади лепешку.— Уж не думала ли ты, что я тебя бросила? Да я тебя ни на какие сокровища не променяю. Скоро в путь тронемся. А пока косточки разомнем.

Соня оседлала Ману и вывела со двора. Сильная молодая кобыла легко несла своего седока по улицам города. Вскоре девушка заметила, что они слишком выделяются в толпе прохожих и обращают на себя внимание. Соня огляделась: по мостовым не двигались повозки, не проезжали всадники. «Ах, да. Сегодня же праздничные гулянья. Танаис что-то говорила об этом.— Соня перехватила взгляд чьих-то темных глаз.— Пожалуй, пора возвращаться в таверну». И она пришпорила Ману.

До вечера девушка провела время в конюшне. Она почистила свою лошадь, проверила копыта и подковы, подкормила целебным сеном альфальфы, напоила чистой, свежей водой. Уже темнело, когда девушка вышла из конюшни во двор. Вечер был прохладный. Во дворе поставили жаровню, которую топили хворостом. Почти все постояльцы старого кхитайца собрались вокруг этого открытого очага. Все были оживлены.

Кто вспоминал какие-то яркие события праздника, кто хвастался удачной торговлей. Сумерки сгущались. На небе зажглись первые холодные звезды. Над городом разнесся удар колокола. Соня прошла в таверну. Ло Юнь сидел у очага, неподвижный, как камень, и древний, как мир. Соня подошла и устроилась возле старика.

— Хозяин, я здесь.— Девушка подбросила сухую ветку в огонь.

Кхитаец прошел в свою комнату, но вскоре вернулся, неся вещи Сони: лук и плащ. Соня внимательно следила за всеми действиями старика. Он порылся в складках своей одежды и достал два ореха. Соня усмехнулась, да, для кхитайца в его владениях, видимо, не было потайных мест.

— Что ты хочешь узнать, девушка?

— Меня зовут Соня,— повторила она и взглянула прямо в спокойные глаза старика.— Я должна знать, почему меня преследует Файрад.

— Сначала расскажи мне, кто дал тебе орехи.— Ло Юнь положил их поверх плаща.

Соня хотела ответить так же, как она ответила на подобный вопрос Счастливчику, но передумала и, вздохнув, рассказала все как было.

— Значит, эти орехи дают силу только тому, кто получает их из твоих рук.— Старик задумался.— Берегись, девочка, ты оказалась замешана в дела для людей опасные.

— Знаешь, Ло Юнь, я, конечно, часто сую нос куда и не надо бы. Но тут, положа руку на сердце, скажу, что ни во что не лезла. Старая ведьма сама сказала, что давно ждала меня.— Лицо Сони выражало искреннее непонимание.

— Это чужой нам мир. Он живет по своим законам, но там тоже есть долги и взаимные обязательства. Лесная Надира должна была сделать то, что сделала, но она пожалела тебя. Велела уйти из города сразу, как продашь орехи, а ты не послушалась.— Ло Юнь покачал головой.— Вельмо-

жа, который купил орехи, связан с этим миром. Для смертных подобная связь почти всегда кончается плохо. Я расскажу тебе то, что узнаю, а ты уж дальше решай сама.

Кхитаец сидел перед очагом, как-то странно подвернув ноги и положив на колени руки раскрытыми ладонями вверх. Слегка прикрытые глаза неподвижно уставились на огонь, а сквозь сомкнутые губы вместе с дыханием вырывались звуки, то ли песни, то ли заклинания. Через некоторое время он заговорил:

— Живут рядом с нами существа, похожие на нас и не похожие. Люди зовут их колдунами, ведьмами, волшебниками. Они ходят своими дорогами, но иногда пересекают пути людские. Живут на Земле две колдуньи: одна в лесу, а другая в горах. И связаны они друг с другом неразрывными узами. Та, что в горах, постарше и посильнее лесной. Она хочет быть вечно молодой. Сотни лет пытается она осуществить свою мечту. И теперь, как никогда, близка к цели. А получит она необходимое для свершения своего колдовства из рук твоих и того вельможи, что купил орехи. Видимо, срок подходит, вот и устроила она вашу встречу. Да не все меж ними ладно. Лесная-то ведьма поручение выполнила, но то ли действительно пожалела тебя, то ли не хочет, чтобы та, другая, добилась наконец своего.

Ло Юнь говорил монотонным голосом, слегка раскачиваясь и закрыв глаза. Заметно было, что рассказ ему дается с трудом. Лицо старика стало серым, на лбу выступили капельки пота.

— Что же ей еще нужно для этого? — нетерпеливо перебила Соня. — Счастливчик все твердил о каких-то сокровищах...

Кхитаец, не раскрывая глаз, заговорил вновь:

— К западу от Асгалуна на пустынном берегу напротив острова есть пещера. Вход в нее открывается во время большого отлива. Только очень отважный и ловкий может проникнуть туда. Там среди сокровищ есть талисман, который даст ведьме вечную жизнь. Людям он несет шесть смертей и одно избавление...

Старик совсем обессилен. Лицо его стало бескровным, глаза совсем закрылись. Неожиданно для себя девушка взяла орехи и осторожно вложила их в раскрытую ладонь Ло Юня. Через некоторое время старик начал медленно перекатывать их в пальцах, и жизнь как будто заново пробудилась в нем. Он открыл глаза и посмотрел на орехи, которые сжимал в руке.

— Не спрашивай меня больше ни о чем. Вторжение в чужой мир дается слишком тяжело. — Кхитаец протянул Соне орехи. — Но я не жалею, что сделал это, ведь ты, не задумываясь, бросилась на помочь нашему Йоке и спасла ему жизнь. Да и Шаруз просил о тебе... В сердце твоем много доброты, но еще больше — печали...

Соня грустно покачала головой. Старик не сказал больше ни слова, только взмахнул рукой, прося девушку уйти. Она собрала вещи и ушла в свою комнату, ступая бесшумно, как кошка.

Рассказ старого кхитайца не успокоил ее. Кое-что она знала, о чем-то догадывалась, но отсут-

ствие некоторых звеньев не позволяло соединить все детали происходящего в одну цепочку. Усевшись на топчан, Соня машинально взяла в руки орехи и стала перекатывать их в пальцах, как это делал кхитаец. Через некоторое время девушка почувствовала, что дневная усталость отступила и она готова отразить любые нападения и неожиданности. Соня с удивлением посмотрела на иркала и отложила в сторону — так вот какова их сила.

Прохладный ночной ветер развеял дневную жару. Через открытое окно доносились голоса сидевших у жаровни постояльцев. Девушка опустила плотную занавеску — ей надо было подумать, а чужие разговоры отвлекали.

Странные мысли пришли ей в голову. Она представила себе, как Счастливчик спихивает ее с обрыва в море, заставляя искать вход в пещеру, а после безуспешного поиска скормливает ей, как откармливаемой к празднику гусыне, орех иркала и, дождавшись возвращения сил, опять сталкивает в воду. Соня передернула плечами, словно уже ощущала прикосновение холодной соленой влаги.

В дверь постучали.

— Войдите, — девушка напряглась, она ждала появления стражников Счастливчика.

Вошел мальчик, помощник Ло Юня.

— Хозяин прислал молодому господину грелку для ног, — прислужник поставил на пол небольшой серебряный ящичек на изящно изогнутых ножках. — Вечер сегодня прохладный, и ночь обещает быть холодной.

Оставшись одна, Соня подвинула грелку поближе к себе. Сквозь решеточки в боковых стенках было видно, как мерцают внутри красные звездочки раскаленных углей. Девушку приятно тронула забота старика. Она задула свечу и улеглась в постель под пестрое стеганое одеяло.

Она лежала, глядя в темноту. В ушах еще звучал и не давал уснуть рассказ Ло Юня. Картины одна удивительней другой возникали в воображении. Наконец, Соня решила, что в ее жизни и без колдовства хватает неприятностей, и утром она, распрошавшись с Ло Юнем и Йоке, уедет из города. Теперь у нее есть орехи, которые всегда поддерживают в ней силу и выносливость, а именно эти качества являются залогом удачи в ее странствиях. Но принятое решение не принесло покоя.

Время шло медленно. Во дворе слышалось шарканье ног — это постояльцы расходились по своим комнатушкам на ночь. Потом наступила тишина.

Не в силах больше лежать, девушка откинула одеяло и встала. Она подняла тяжелую занавеску и выглянула в окно. Узкий серпик луны висел над крышами домов. Двор, освещенный его слабым сиянием, был пуст. Все спали. Соня озябла от ночного воздуха. Забравшись обратно в постель, она плотно закуталась в одеяло и, наконец, уснула.

На следующий день девушка проснулась поздно. Из окна доносились голоса людей и крики животных. Поняв, что проспала, девушка быстро поднялась и оделась. На глаза ей попалась сумка Танаис. «Не продать ли мне это роскошное пла-

тье? — мелькнуло у Сони в голове.— Ладно, успею». И она отправилась завтракать.

В это время таверна была полна народу. Торговцы и погонщики скота, купцы и мелкие лавочники, приехавшие по своим делам,— все они собрались в этот полуденный час съесть незатейливый, но сытный завтрак.

— Сегодня на базаре смешную историю рассказали,— услышала девушка негромкий разговор.— Говорят, вчера в доме одного вельможи стражу заперли во дворе.

— Они что, уснули у ворот?

— Да нет. Говорят, что их ведьма околдовала. Наслала слепоту и глухоту, а калитку привязала к дереву веревкой, да таким узлом заговоренным, что никто его развязать не смог. Стражник мечом разрубил.

— Так ты же говоришь, заперта была стража.

— Он через стену перелез и разрубил.

— И ты веришь в эти сказки про ведьму? — не унимался один из беседующих.— Проспали они или в кости проиграли. Все остальные, наверное, на празднике были. Они и обрадовались, бездельники. Всыпать им надо хорошенъко, чтобы службу исправно несли.

Такое обыденное объяснение разочаровало первого собеседника. Сам он только что услышал эту историю на базаре и сразу поверил в колдовство, но теперь слова приятеля поколебали его уверенность.

— Может, ты и прав, друг, а может, я чего-нибудь не так пересказал, но на базаре этот рассказ звучал очень убедительно.

Оба мужчины умолкли и занялись едой. Соня внимательно и с удовольствием слушала эту беседу и ждала продолжения, но разговор не возобновился.

«Схожу-ка я тоже на базар,— решила Соня.— Надо дорожную сумку купить и припасов»,— оправдала девушка свое желание. Здравый смысл нашептывал ей, что все это можно купить, не выходя за ворота постоянного двора, но желание послушать сплетни, обрастающие все новыми подробностями, перевесило. Соня расплатилась за свою трапезу, которую уже не рискнула бы назвать завтраком, натянула пониже на лоб шапку и отправилась в сторону торговых рядов. Ло Юнь, проводив ее взглядом, укоризненно покачал головой.

* * *

Файрад Счастливчик беспокойно ходил по комнате. Ему становилось не по себе, когда он думал о происшедшем, будущее теперь стало неопределенным. Единственное, в чем вельможа был уверен, так это в том, что девчонку надо найти и уговорить. «Зря я не сказал ей правду,— остановился он перед окном.— Я должен найти ее».

В комнату тихо вошел управляющий.

— Милостивый господин...

— Ну, что случилось?

— Пришел начальник стражи. Он уверяет, что вы ждёте его.

— Пусть войдет.— Файрад прошел через комнату и сел в кресло.

— Я готов выполнить любое ваше приказание,— стражник распластался перед Счастливчиком. Спина у него под халатом распухла и болела, но он не смел показать это.

— Я дам тебе возможность загладить свою вину и доказать верность господину и службе. Ты должен отыскать беглянку. Однажды ты с этим хорошо справился.— Вельможа встал и носком сапога слегка дотронулся до плеча воина, повелевая ему подняться.— Но теперь все должно быть не так. Не надо хватать ее, тащить сюда. Нет. Выследи, где она живет, и оставь там человека, а сам без промедления скажи сюда.— Голос Счастливчика, холодный и повелительный в начале разговора, к концу неожиданно смягчился.— Ты все понял?

— Да, мой господин.

— Иди и смотри, чтобы твои люди опять не проспали девчонку. Головой ответишь за их нерасторопность.

После ухода начальника стражи Файрад опять погрузился в свои безрадостные размышления. Лицо его стало неподвижным и мрачным.

Настроение начальника стражи тоже нельзя было назвать хорошим. «Где теперь искать эту стерву? Да и куда я могу идти кроме базара?» — размышлял стражник, идя в караульное помещение.

Начальник стражи пытался представить себя на месте беглянки. Проще всего и надежнее уйти из города в одиночку или с караваном. Правда, на второй день праздника покидает город не так много людей, и каждый из них на виду у городской

стражи. Можно, конечно, поселиться на любом постоялом дворе и переждать. Сейчас везде немало приезжих и хозяева всех не упомнят. Или, проболтавшись весь день в праздничной толпе, вечером за пару медных монет попроситься переночевать в какую-нибудь лачугу квартала победней. И уйти из города на третий день с основным потоком гостей. Но подобные решения годятся для разумного человека, а что способна выкинуть шальная девка — непредсказуемо.

Придя в караулку, начальник стражи все еще не знал, что ему предпринять. Все провинившиеся были там и выжидательно заглядывали в глаза командиру.

— Наш господин оказывает нам доверие и дает возможность исправить допущенную оплошность,— официальным тоном сообщил начальник стражи и совсем другим голосом добавил:— Мы должны найти эту дрянь.

— Гнусная крыса, она могла уже уйти из города,— заорал один из часовых,— или спрятаться в трущобах.

— Не ори,— спокойно возразил старший.— Если тебе дорога твоя голова, ты найдешь ее. Надо предупредить стражу у всех городских ворот, чтобы задерживали всех молодых и рыжих.— Он засмеялся.— А затем прочесать весь город, прежде всего, конечно, трущобы и базар. Идите и помните: либо мы найдем эту девчонку, либо простимся с жизнью.

Вскоре из ворот дворца Счастливчика выехали всадники. Они немного проехали вместе, а затем поскакали в разные стороны.

* * *

...Соня бродила меж торговых рядов, прислушиваясь ко всем разговорам. На базаре действительно судачили о происшествии со стражей во дворце Счастливчика. Были даже очевидцы, видевшие саму колдунью.

Но всех превзошел рассказчик, который беседовал с ведьмой и едва остался цел. Он собрал вокруг себя толпу зевак и, вдохновляясь собственными словами, находил все более яркие краски для описания своего геройства.

— Милейший, можно задать тебе вопрос? — не выдержала девушка.

— А что интересует молодого господина?

— Где ты так врать научился?

В толпе раздался смех, и слушатели стали потихоньку расходиться. Соня только сейчас поняла, как она соскучилась по вольной жизни. В этой пестрой разноголосой толпе она сама себе была хозяйкой, сама определяла свой путь. Девушка ощущала себя корабликом в волнующемся людском море, где она была и капитаном, и кормчим, и гребцом. Но кормчий, наверное, лег спать, а так недолго сесть на мель или разбиться о подводные камни.

Прошло уже немало времени с тех пор, как Соня окунулась в шумную базарную жизнь. Ничто не вызывало у нее подозрений — она не привлекала к себе внимания и никого не интересовала. Постепенно чувство опасности притупилось, и девушка перестала настороженно приглядываться к окружающим. Вот тут-то чуть и не случилась беда.

Соня вышла из лавки, где она купила наконец дорожную сумку, и стояла на пороге, с удовольствием озираясь по сторонам. Ее взгляд скользил по лицам прохожих, ни на ком не останавливался. И вдруг она будто споткнулась на бегу.

Недалеко от нее стоял один из стражников Счастливчика и беседовал о чем-то с торговцем кожами. Соня вмиг растеряла всю свою беспечность. Мысль ее заработала напряженно. Значит, ее здесь ищут. Девушка неторопливо повернулась и ленивой походкой праздного гуляки пошла в противоположную сторону. «Интересно, он один здесь или вся стража явилась на базар?» Этот вопрос не давал девушке покоя. Надо быстро и осторожно добраться до таверны Ло Юня, благо она недалеко.

Соня петляла, как заяц, но за ней никто не следил, и знакомых лиц в толпе больше не попадалось. «Видимо, — решила девушка, — четыре стражника поделили всю территорию базара на четыре части и каждый рыщет в своей». Такой вывод немного успокоил ее. Впереди показалась улица, на которой располагалось заведение кхитайца. Она не торопясь прошла мимо дверей и ворот постоянного двора. Затем остановилась и оглянулась. Никто из прохожих не вызвал подозрения. Тогда девушка вернулась и зашла в таверну.

В зале сидело довольно много народа, и Ло Юнь с помощником были все время заняты. Соня пробралась поближе к старику.

— Что желает молодой господин? — обратился к ней хозяин.

— Меня ищут,— чуть слышно произнесла девушка.— Я видела знакомого стражника.

— Хорошо. Молодому господину сейчас же подадут ужин в комнату,— поклонился кхитаец, принимая монету.

Соня поняла хитрость старика и отправилась к себе, где наконец свободно вздохнула. Счастливчик пустил своих собак по ее следу. Девушка задумалась — как же ей теперь выйти из города.

В зале послышались громкие голоса и звон оружия. Соня приоткрыла дверь.

— Кто здесь хозяин? — стражник обвел всех взглядом.

— Я, господин,— кхитаец поклонился,— я хозяин таверны и постоянного двора.

Воин подошел к нему ближе, не обращая внимания на остальных присутствующих.

— Стариk, к тебе не просился на постой рыжий парень или, может быть, просто заходил перекусить?

— Мой господин, вот ты стоишь передо мной,— кхитаец опять почтительно склонил голову,— молодой мужчина, можно сказать парень, но я не знаю, какого цвета твои волосы, ведь они скрыты под шлемом. Мало кто из моих гостей имеет привычку обнажать голову. Это редкие гости из далеких стран. Может быть, ты назовешь какую-нибудь другую примету?

Стражник растерялся. Других примет он не знал.

Даже лицо этой проклятой девки он представлял себе плохо. Основная примета — женщина в

мужской одежде. Но если он сейчас такое скажет, его поднимут на смех.

— Других примет не знаю,— покачал он головой,— но, может быть, кто-то обратил на себя твоё внимание необычностью поведения или странной внешностью? — вояка совсем запутался в словах, боясь сказать слишком много. Ему даже стало жарко под доспехами.

— Прости меня, мой господин, но самый странный из всех моих посетителей сегодня — это ты.

Кхитаец говорил очень спокойно и почтительно. Ни к словам, ни к его тону невозможно было придраться. И все-таки воин почувствовал, что над ним смеются. Он обернулся в зал. Все, казалось, были заняты своими делами — ели, пили, разговаривали. На головах у публики красовались самые разнообразные головные уборы. Поняв, что его затея провалилась, стражник повернулся к выходу, но передумал, решив еще раз попытать счастья.

— А рыжая женщина не заходила?

Сидящие поблизости стали двусмысленно посмеиваться, послышались возгласы:

— Эй, да ты хоть для себя реши, кто тебе нужен — парень или девка!

— Да ему все равно — лишь бы рыжий был.

— Слушай, а сам-то ты какого цвета будешь? Может, компанию собираешь?

— Да нет, ребята, его хозяин только рыжих на службу берет. Вот он и старается...

Стражник разозлился, хотя понимал, что сам выставил себя на посмешище. Рука его невольно потянулась к оружию.

— Успокойтесь, молодой господин,— услышал он спокойный голос кхитайца.— Это все почтенные, законопослушные люди. Они приехали в наш город на праздник, хвала Митре и правителю. И шутки их беззлобны. Ты сам вызвал их своими неосторожными речами.

В словах старика была правда. Служивый понимал, что если он сейчас начнет биться с базарными зубоскалами, то завтра над ним будет потешаться весь город.

— Мой господин, ты, наверное, утомился, проведя весь день в поисках. Не согласишься ли ты отведать мою стряпню? Мясо сегодня необыкновенно сочное, а зелень самая свежая. Ее выращивают специально для моего заведения. Это не то что вялая трава с базара.

Ло Юнь почтительно усадил воина в стороне от всех и поставил перед ним большую миску с мясом, блюдо с зеленью и сыром, кубок с вином. Тот не заставил себя упрашивать и с аппетитом принялся за еду. Это был первый приятный момент за прошедшие два дня.

Какое-то время еще слышались шутки по поводу его поисков, но постепенно о нем забыли, и никто не заметил, как стражник ушел. Только старый кхитаец внимательно посмотрел ему вслед.

* * *

...Соня лежала на топчане и предавалась размышлениям. «Ло Юнь — замечательный старик, он не выдал меня, но не могу ведь я всю оставшуюся жизнь прятаться в этой каморке.— Девушка на

миг представила, какое это будет безрадостное существование.— Мне давно пора в путь».

Неожиданная мысль пришла вдруг в ее горячую голову. Соня даже села, так удивила она сама себя. «В путь! Конечно же, в путь. Почему бы мне и впрямь не отправиться за сокровищами? Правда, придется вернуться и попробовать столковаться с этим Файрадом — ведь без него мне пещеру не отыскать». Она засмеялась нелепости ситуации. Стоило убегать, чтобы потом возвращаться!.. Но теперь она вернется по собственной воле и на своих условиях — а это уже совсем другое дело! «Так что хватит прятаться, как затравленной лисице. Раз уж нам суждено совершить это путешествие вместе, так нечего пытаться избежать предназначеннего богами. Сама же говорила Ло Юню, что не бежать нужно от опасности, а идти ей навстречу. И потом, вельможа говорил о сокровищах. А деньги — это власть. Известная истинна, но от этого не менее верная. Хватит мне бессмысленно скитаться по дорогам. Пора возвращаться в Туран...»

Неотпускающая боль, боль от потери близких, опять холодным обручем скжала сердце. Мысли о мести никогда не оставляли Соню, но, вынужденная бежать из Хаурана, скрываться от погони, вести жизнь неприкаянной бродяжки, девушка вот уже несколько лет не имела возможности осуществить их. А деньги позволят вернуться, подкупить кого надо... В конце концов собрать отряд наемников-головорезов... И... Соня не знала, что будет дальше, но обладание сокровищами, обещанными Файрадом, открывало много путей.

Чтобы немного успокоиться, девушка отправилась на конюшню.

День клонился к вечеру. До сумерек было еще далеко, но солнечные лучи уже потеряли свою летнюю силу, и становилось прохладно. Когда Соня вошла в конюшню, Ману коротко заржала. Она всегда узнавала хозяйку.

— Я иду, иду к тебе.— Девушка на ходу прихватила охапку свежего сена и бросила его в коромыслу лошади.— Как ты смотришь на то, чтобы договориться с вельможей? — Соня пристально смотрела, как кобылка мирно жует сено, словно ждала ее одобрения.— Там сокровищ целая пещера. Разбогатеем, начнем другую жизнь.— Девушка вздохнула и положила руку на теплый бок лошади.— Будем считать, что ты не против.

Потом Соня взяла ведро и отправилась во двор к колодцу за свежей водой. Там, как всегда, толпился народ. Соня стала пробиваться поближе, бесцеремонно расталкивая людей.

— Откуда это такой резвый явился? — послышались недовольные голоса.

— Шел бы ты туда, откуда взялся.

— Мне и здесь хорошо,— дружелюбно огрызнулась Соня, зачерпнув воды.

Закончив дела на конюшне, она вернулась в таверну.

— Ло Юнь, у меня к тебе просьба,— почти пропела девушка.— Найми мне паланкин, и пусть он ждет меня во дворе у самых дверей. Сделаешь? Договорились?

— Хорошо, Соня.— Стариk внимательно посмотрел на девушку и тихо добавил: — Раз ты так решила, значит, так и правильно.

— Ты, как всегда читаешь прямо в моем сердце.

— Читать в человеческих сердцах — величайшее искусство. Если ты доверишься плохому человеку, то поплатишься за это жизнью.

Соня обняла старика. Она давно уже никому не была так благодарна, как этому кхитайцу, случайно оказавшемуся у нее на пути.

— Я еще вернусь за своей лошадью.— Девушка протянула Ло Юню горсть монет: — Здесь хватит на то, чтобы нанять паланкин, и за нас с Ману за несколько дней вперед.

Покончив с этим важным делом, девушка попросила серебряный поднос и скрылась в своей комнате. Плотно закрыв дверь, она вытряхнула из сумки платье, оказавшееся очень кстати. Разложив наряд на постели, она поняла, что ей очень не хватает опытной Танаис. Разобраться во всех этих шнурках, застежках и юбках было просто невозможно. Соня попыталась вспомнить, с чего начинала старуха. Быстро сняв мужской костюм, она уложила его в сумку, а затем приступила к сложной процедуре одевания.

Уже пришли носильщики с паланкином, а она все никак не могла закончить — застежки не слушались неумелых пальцев, волосы не хотели лежать в красивой прическе. За годы странствий она отвыкла от подобных занятий. Соня готова была отчаяться и махнуть на свою затею рукой,

но природное упрямство заставило ее несколько раз поправлять одно и то же, пока она не добилась желаемого. Наконец все усилия увенчались успехом и девушка села на топчан немного отдохнуть от сложной, оказавшейся такой утомительной работы. Она еще раз посмотрелась в серебряный поднос и улыбнулась своему отражению.

С двойным чувством тревоги и радостного возбуждения покидала девушка таверну старого Ло Юня. Когда она показалась в дверях, носильщики, которые уселись отдохнуть в тени, услужливо вскочили. Один из них отдернул шелковую занавеску паланкина и почтительно помог Соне сесть. Таких красивых, богато одетых девушек ему не приходилось видеть в этом квартале. Соня легко опустилась на мягкие расшитые подушки. Шелк издавал приятный аромат. Рядом с собой она поставила сумку с мужской одеждой.

— Отнесите меня в Верхний город в дом господина Файрада Счастливчика.— И она взмахнула рукой, приказывая задернуть занавеску.

Мерное покачивание и полуутма действовали успокаивающе. Соня всецело отдалась своим мыслям. Сомнениям больше не было места. Конец неопределенности, преследованиям, побегам. Только не стоит особо доверять этому хитрому вельможе, чтобы не поплатиться жизнью. Ах, Ло Юнь, как он в двух словах умеет высказать главное!

Паланкин мягко покачивался. Соня отвлеклась от своих размышлений и приоткрыла занавеску. Они еще были в окрестностях торговых кварталов. Мимо проехала повозка с большими обитыми ме-

дью колесами. Прошли с базара разносчики, чтобы доставить покупателям прямо домой свежие овощи, корзины с жареным мясом, бочонки с вином или чаши с редкостными золотыми рыбками. Носильщики продолжали неутомимо двигаться своей дорогой, легко неся паланкин. Позади остались глинобитные заборы и невзрачные домишкы. На смену им пришли высокие тополя и красивые решетки. Соня задернула занавеску и снова откинулась на подушки. Она почувствовала, что ею опять овладело беспокойство, которое ей никак не удавалось побороть. С губ готово было сорваться приказание: «Возвращайтесь обратно!» — но девушка словно застыла в каком-то странном оцепенении.

Густая зелень тополей скрывала богатые особняки знати. Вдали показался дворец Счастливчика. Он стоял на небольшом холме, сквозь листву деревьев проглядывал блестящий мрамор белоснежных колонн. В лучах заходящего солнца здание напоминало драгоценную розовую жемчужину, покоящуюся в зеленом бархате раковины-сада. «Ах, паршивый пес, все ему мало!» Соня залюбовалась домом.

Носильщики остановились у ворот. Стражники вопросительно поглядели на закрытые носилки. Женская рука откинула легкую ткань и протянула им старую хозяйственную сумку.

— Передайте это вашему господину.— Лица говорившей не было видно в сумеречной глубине паланкина.— Я подожду ответа.

Стражник взял сумку и громко крикнул, подзывая посыльного. На его зов явился слуга и, взяв

сумку, помчался к дому. Вскоре он вновь появился и еще издали замахал часовым рукой. Ворота распахнулись. Мальчишка посыльный указал носильщикам путь. Торопливые действия прислужника вернули девушке уверенность.

Паланкин опустили на землю. Носильщик отдернул занавеску и помог девушке выйти.

Соня окинула взглядом широкую террасу у главного входа. К ней подошел пожилой слуга в парадной одежде и молча поклонился.

— Где господин Счастливчик? — голос девушки все-таки немного дрогнул, но это было заметно только ей.

— Вас ждут, госпожа, — слуга с поклоном указал на дом, приглашая проследовать за собой.

Он провел девушку через анфиладу дворцовых покоев. Соня, конечно, знала, что Файрад очень богат. Она жила в его доме, в удобных, красивых комнатах, но роскошь парадных помещений просто потрясла ее своей вычурной, показной пышностью.

Слуга ввел ее в большую, великолепно обставленную приемную.

В огромной люстре, искусно сделанной из рогов какого-то животного, горело бесчисленное множество свечей. В закатных лучах солнца мрамор отливал красноватым отсветом, сверкала начищенная бронза. Перед высокой дверью цвета слоновой кости стояли как каменные изваяния два облаченных в блестящие латы стражника с длинными пиками. Провожавший девушку слуга жестом предложил ей пройти в кабинет хозяина дома и с низким поклоном произнес:

— Господин Файрад Счастливчик просит вас к нему пожаловать.

Двери распахнулись, и Соня увидела напряженное лицо вельможи. Он сидел в роскошном кресле и встал ей навстречу, но, сделав один шаг, остановился, как будто налетел на невидимую стену. Заготовленные слова готовы были сорваться с его губ, но при виде девушки Файрад внезапно растерялся. В комнате воцарилась тишина.

— Ты не ждал меня, — нарушила затянувшееся молчание Соня. — Смотришь, как на привидение.

— Ты и представить себе не можешь, как я рад тебе, — с улыбкой разразил Счастливчик. — Садись, госпожа, прошу тебя. — Он указал на стоявшее рядом кресло.

Соня смотрела на вельможу, стараясь угадать его мысли. Его лицо выражало спокойное дружелюбие. Как ей не хватало дара Ло Юня!

— Над твоими стражниками смеется весь город, — девушка удобно устроилась в кресле. — Не стоило тебе устраивать охоту в центре Лагоша. Но я пришла сама, потому что не забыла твоих слов. У нас есть общее дело, и судьбы наши зависят от его исхода. — Соня в упор посмотрела в глаза мужчине.

Файрад спокойно выдержал жесткий взгляд. Он уже полностью овладел собой, но никак не мог найти правильный тон для дальнейшего разговора. Опыт показал, что его умение плести хитроумные интриги и грубый нажим в данном случае не приведут к желаемому результату.

— Но ведь именно в этом я пытался убедить тебя несколько дней назад.— Привычная осторожность придворного брала верх.— Что же изменилось?

— Изменилось,— девушка ответила резко, почти грубо.— А ты опять начинаешь ходить кругами. Если мы сейчас не договоримся, я уйду и ты меня больше никогда не увидишь. Без меня тебе никогда не завладеть сокровищами из пещеры!

Такая откровенность ошеломила вельможу. Откуда ей стала известна его тайна? И снова в комнате наступило тягостное молчание. Но Счастливчик понял, что больше не сможет уклоняться от прямых ответов.

— Я вижу, ты не зря провела это время. Теперь тебе все известно.

Он умышленно подчеркнул «все», чтобы избавить себя от излишних подробностей. Скорее всего, девчонка до конца не представляет, до какой степени она ему необходима. Иначе заставила бы его валяться в ногах и униженно умолять.

Над городом поплыл первый удар Великого колокола. Файраду казалось, что в наступившей тишине слышно, как бьется его сердце. Привыкший к шуму роскошных пиршеств, обилию людей и светским разговорам, он теперь молча сидел один на один со строптивой девчонкой, на которой сосредоточились все его помыслы, желания, усилия, надежды, и чувствовал непривычную неловкость.

— Да. Я много узнала обо всей этой истории. И смогла иначе оценить все, что ты сделал. Ты не

должен расспрашивать меня о том, где я разузнала твою тайну. Мы поедем искать пещеру, набитую сокровищами, но у тебя там есть и свой интерес. Поэтому ты не должен ничего со мной делить — я возьму столько, сколько захочу. Мы поедем вдвоем? — неожиданно спросила Соня.

— Да,— кивнул Счастливчик.— Я уже испросил разрешения у правителя на отъезд в Асгалун по торговым делам, и он не против.

— Хорошо. Значит, мы поедем верхом. Лошадь у меня есть. А об остальном придется тебе позаботиться.

— Нам предстоит длинный и опасный путь. Кто знает, как он закончится? — По лицу мужчины пробежала тень.— Я должен сделать необходимые распоряжения по ведению дел в мое отсутствие, а также на случай, если я не вернусь.

Соня с удивлением посмотрела на Счастливчика. Ведь он должен раздобыть и доставить колдуны талисман. Неужели ведьма его не защитит? Разве что, после получения вожделенной вещицы, он ей станет больше не нужен.

— На это уйдет несколько дней,— продолжал Файрад.— Все это время ты можешь жить здесь, в своих комнатах. Если ты не против, конечно.

«Ишь как заговорил,— усмехнулась про себя Соня.— Давно бы так».

— Я не против,— кивнула девушка.— Пришли мне Танаис. Я привыкла к этой старухе. И распорядись, чтобы стража меня не задерживала. Я здесь по доброй воле и могу уходить или приходить, когда захочу.

Счастливчик внимательно слушал девушку, не отрывая от нее глаз. Его приятно удивил ее деловой тон. Он ожидал, что будет больше условий и капризов.

— Я завтра приведу свою лошадь,— продолжала Соня.— Ей нужно место в конюшне. Забота о собственном благополучии удержит тебя от неверных шагов,— жестко добавила она.

По лицу вельможи пробежала довольная улыбка. Он громко хлопнул в ладоши.

— Проводи госпожу в ее комнаты,— распорядился Счастливчик вошедшему слуге.— И вели Танаис вернуться в дом к прежним обязанностям.

Слуга с поклоном посторонился, пропуская девушку вперед.

Прежде чем скрыться за горизонтом, солнце залило небо размытой огненной краской. Второй удар колокола прокатился над городом и замер. Какая-то птица в саду сонно встрепенулась, издала тихий крик и снова спрятала голову под крыло. Туман плотным голубовато-серым покрывалом висел над газонами.

Соня стояла у окна и глядела, как туман, опускаясь все ниже, скрывает цветы и траву. На иссиня-черном небе сверкали далекие звезды.

В комнату тихо вошла Танаис и молча стала стелить постель. Загудел третий удар колокола. Жизнь в городе замерла до утра.

Глава седьмая

а ясном утреннем небе неподвижно стоили белые облака, похожие на снежные горы. На траве лежали длинные тени деревьев. Низкое солнце еще не прогнало ночную прохладу. Соня лежала, укутанная до носа, теплым пуховым одеялом. Вставать не хотелось. За стеной слышалось мерное похрапывание Танаис.

Вчера вечером служанка так и не произнесла ни слова. Только сильнее, чем обычно, у нее держалось лицо, наверное от обиды. Но до старухиных обид Соне не было никакого дела. Осторожно опустив ноги на ковер, девушка встала, поеживаясь от утренней прохлады. «Путешествовать осенью на юг — догонять уходящее лето», — она улыбнулась своим мыслям.

Но поднявшееся высоко солнце уже прогнало все приметы осени. День обещал быть жарким. Девушка прошла в умывальную комнату. Небольшой мраморный бассейн был наполнен голубой прозрачной водой. На поверхности плавали лепестки

роз. Воздух наполнял нежный аромат цветов. Соня села на край бассейна и опустила ноги в воду. Она наслаждалась ласковым прикосновением воды, свежестью воздуха, теплом солнечных лучей.

Дверь комнаты была распахнута прямо в сад. Ручной павлин величественно выступал по мозаичному полу террасы. Девушка плавно соскользнула в воду. Она вспомнила, как купалась в детстве в доме родителей, и, засмеявшись, стала шумно плескаться, разбрызгивая радужные капли. Павлин остановился и недовольно посмотрел одним глазом на разревившуюся купальщицу.

Вошла Танаис с большим мокнатым полотенцем. Она остановилась у двери и ждала, когда Соня закончит расплескивать воду. Ей не хотелось, чтобы брызги замочили ее одежду. Она уже достаточно натерпелась из-за этой девчонки, не хватало еще вымокнуть.

— Мне кажется, ты чем-то недовольна.— Соня перестала бить руками по воде и медленно подплыла к краю бассейна.

Танаис молчала, плотно сжав и без того тонкие губы.

— Ты что, Великому Митре дала обет молчания? — Девушка сильно оттолкнулась от мраморной стенки и оказалась почти у противоположного края бассейна.— Значит, ты не рада меня видеть,— она притворно вздохнула, но изобразить на лице скорбь не смогла.

Так легко и свободно Соня давно себя не чувствовала. Наконец она ощущила голод и вышла из воды, предоставив себя заботам старой служанки.

Та долго вытирала тело девушки мягким полотенцем, обсушивала сухим, растирала жестким, а затем ловко помогла одеться и старательно причесала. Когда же все эти сложные процедуры были закончены, Соня посмотрела на себя в серебряные зеркала и осталась довольна своим отражением.

— Ты не разделишь со мной трапезу? — она вопросительно взглянула на старуху.

Та, боясь подвоха, подозрительно уставилась на девушку. Соню невероятно забавляла вся эта ситуация. Она терпеливо добивалась возвращения расположения служанки. Если бы не безграничная безмятежность, царившая сейчас в Сониной душе, она давно послала бы старуху во владения Сета.

Обильный завтрак уже дождался их. Девушка прилегла на низкую кушетку и придвинула поближе столик.

— Ну, ты как хочешь, а я голодна,— и она энергично принялась за еду.

Танаис, увидев, что на нее больше не обращают внимания и уговаривать не будут, решила переступить обиду и присоединилась к Соне. Она собрала побольше подушек и удобно устроилась напротив.

Постепенно старуха разговорилась, и тут девушка сделала удивительное открытие. Оказывается, служанка обиделась не потому, что пленница сбежала и навлекла на нее гнев хозяина, а потому, что Соня надела старую драную накидку и выставила Танаис в непрятном свете перед челядью. Такого кокетства в этой старой уродине девушка никак не ожидала обнаружить.

— В каком еще свете, перед кем? — она безудержанно рассмеялась. — Там было только четыре стражника и пара девчонок.

— А это что, не люди? — резонно возразила стражника.

Соня задохнулась от смеха и только махнула рукой.

— Ты не видела сумку с моей дорожной одеждой? — спросила она, когда смогла перевести дух. — Мне надо выйти в город, а в этом роскошном наряде одной бродить по Лагошу не с руки.

Лицо Танаис дернулось, что означало абсолютное неодобрение намерений девушки, но она все-таки встала и пошла за сумкой.

Быстро переодевшись в привычный костюм, Соня знакомым путем через хозяйственный двор вышла на улицу. Часовой у калитки, увидев ее, почтительно распахнул дверцу. Девушка хорошо запомнила дорогу к базару и поэтому быстро добралась до таверны старого кхитайца.

День стоял солнечный и ветреный. Во дворе постоянного двора было многолюдно и шумно. Праздник закончился, и последние гости собирались разъезжаться по домам. Попутчики, как обычно, объединялись в небольшой караван — и веселее, и безопаснее. Мулов только что привели с водопоя, и они покорно стояли, пока на них на выручивали тяжелый груз.

Двери конюшни оказались широко распахнуты, и девушка издали увидела свою лошадь, но заходить не стала, а прошла в таверну попрощаться с Ло Юнем.

— Я пришла забрать свою кобылу, — весело сообщила она кхитайцу.

Старик кивнул головой. Соня подошла к нему и протянула обе руки.

— Спасибо тебе, Ло Юнь. Наверное, мы больше не встретимся, но я буду помнить тебя. Мне жаль, что мы не увиделись с Йоке, но его я тоже буду помнить.

— Слушайся своего сердца. Оно бывает зорче, чем глаза.

Девушка улыбнулась и, махнув рукой, отправилась на конюшню. Она долго провозилась там, снаряжая Ману в дорогу. Прилаживая седельную сумку, Соня проверила, лежат ли там плащ и орехи, затем нацепила кинжал на пояс, а лук и колчан за спину. В таком виде девушка чувствовала себя уверенно. Она вывела кобылу во двор и, вставив ногу в стремя, одним ловким движением оказалась в седле.

— Ну, милая, пошла, — Соня подобрала поводья и похлопала Ману по крутой шее.

Не оглядываясь, она покинула постоянный двор и таверну Ло Юня. Соня ехала верхом по улицам, которые только что прошагала в противоположном направлении. С высоты все вокруг выглядело иначе — пешеходы меньше, заборы ниже. От этого возникало ощущение силы и собственной значительности.

Около калитки Соня спешлась и постучала. Часовой, открывший ей, спешно отступил.

— Где тут у вас конюшня? — обратилась Соня к стражнику.

— Я провожу тебя,— предложил оказавшийся поблизости мальчишка-посыльный.

Конюшня, большая и светлая, была почти пуста. Этого Соня никак не ожидала и даже присвистнула от удивления. Кроме пары верховых скакунов там стояли только разномастные лошадки, старые и неказистые.

— И это конюшня Счастливчика? — удивилась Соня.

— Не суди о том, чего не знаешь,— услышала она за спиной хриплый голос.— Настоящие кони, те, которые обгоняют ветер, сейчас на пастьбищах, на воле. Там они набираются сил перед осенними скачками. Ну, веди свою кобылу.

Соня прошла вслед за пожилым конюхом. Указанное стойло оказалось удобным и чистым.

— Сама расседлаешь или мальчика позвать?
— Сама.

Старик отошел, издали наблюдая, как стройная девушка ловко принялась за дело.

«Надо бы перековать Ману,— подумала Соня,— впереди дальняя дорога и по степи, и через горы».

— Дай-ка ногу,— она легко хлопнула кобылу, и лошадь послушно подняла правую переднюю ногу.

— Не беспокойся, завтра перекуем. Хозяин велел хорошо подготовить твою кобылку к дальней дороге.

Соня аккуратно сложила седло и упряжь, а дорожную сумку взяла с собой. Оставив Ману на попечение конюха, она пошла к калитке, ведущей в господский сад. Пожилой слуга с удивлением посмотрел ей вслед.

Соня неторопливо шла среди деревьев. В каскаде прудов в своем постоянном движении вниз журчала вода. Лениво плавали красноперые рыбки, хватая мошек с поверхности воды. По каменистым дорожкам прошокали копытца лани, но ее самой не было видно за стеной кустов. Девушка прошла в свою любимую беседку. В саду, огороженном высокой изгородью, ветра почти не чувствовалось, а в беседке, увитой виноградом, воздух казался совершенно неподвижным. Грозди янтарных и черных ягод оттягивали тонкие ветки. Все кругом было залито солнцем, и Соня с удовольствием нежилась в его лучах. Теперь ей оставалось только ждать.

Вечером пришел Счастливчик. Предварительно отослав Танаис, он несколько раз пересек комнату и тихо постоял у дверей. Убедившись, что их никто не подслушивает, вельможа сел, подложив под спину мягкий валик.

— Садись... госпожа,— Счастливчик слегка запнулся, произнеся последнее слово.

Соня расположилась прямо на ковре, удобно устроившись среди вышитых подушек.

— Я узнал, что через два дня из города уходит большой купеческий караван на юго-запад. Значительную часть пути мы сможем пройти с ними. Это безопаснее — с купцами идет надежная охрана.

— Но и риск велик, ведь именно груженые добром караваны привлекают разбойников,— возразила Соня.— Я привыкла странствовать одна. Легко могу спрятаться и за деревом, и за камнем, так что меня никто не застанет врасплох. К тому

же на одинокого путника грабители обычно не нападают — не ждут богатой добычи.

— Но одиночку легче взять в плен, а потом продать за хорошие деньги. Так отваживаются ездить только молодые и крепкие люди.

— От одинокого странника никто не ждет серьезного сопротивления, — упрямо не сдавалась девушка, — и многие за это расплачиваются жизнью.

— Какое же сопротивление ты можешь оказать? — в голосе вельможи прозвучала насмешка.

— К сожалению, те, кто попытались проверить это на деле, уже не смогут тебе ничего рассказать. — Соня была задета недоверием к ее боевым навыкам. — Я метко стреляю из лука и отлично владею кинжалом. Конечно, тяжелый аваручный меч не по мне, но в искусстве владения кинжалом со мной мало кто сравнится. — Она на миг замолчала, рассердившись на себя за неуместную горячность. — Поверь, настоящие грабители не на пустынных дорогах. Куда хуже иметь дело со стражниками и сборщиками налогов у городских ворот. Они грабят лучше любого разбойника, а драться с ними не будешь, — уже спокойнее закончила девушка.

Счастливчик молча положил на стол небольшую золотую пластинку с изображением льва.

— Это знак послы властителя города. Перед ним склонит голову самый грозный и жадный стражник.

— Жаль, что от грабителей он не спасает. — Соня покрутила пластинку в руках.

— Мы напрасно спорим, — примирительно сказал хозяин дома. — За время пути у нас будет возможность проверить, кто из нас прав.

Девушка не стала возражать. В конце концов, пререкаться сейчас бессмысленно. Путь длинный, и только Пресветлые боги точно знают, что их ждет.

— Хорошо, — не дождавшись возражений, продолжил Файрад, — через два дня на рассвете мы с караваном выходим из города. Все, что тебе понадобится, ты сможешь взять в кладовых моего дома.

— И в оружейной, — добавила Соня.

Едва заметно кивнув головой, Счастливчик поднялся и ушел. В глубине души Соня все-таки была раздосадована. Плестись с караваном среди воинущих вьючных животных, глотать пыль, поднятую десятками ног, и, главное, зависеть от воли постороннего человека — это развлечения не для нее.

* * *

...Следующие два дня прошли незаметно. Файрад больше не приходил и вообще, видимо, мало бывал в доме. Соня спала, ела, гуляла в саду и дразнила Танаис. Старуха с большим почтением относилась к собственной персоне, не воспринимая никаких шуток на свой счет. Девушку это невероятно забавляло, и она придумывала различные способы поддеть служанку.

Вечером, накануне отъезда, прислужница, как обычно, приготовила девушке постель и помогла переодеться ко сну.

— Танаис, я завтра уезжаю на рассвете.

— Что это вы все надумали? Вот и хозяин куда-то собрался.

— Мою дорожную одежду сложи здесь. Искать ее будет некогда. Поняла? Смотри не перепутай со своей праздничной накидкой.

Старуха фыркнула и заковыляла из комнаты. Оставшись одна, девушка задула свечи и подошла к окну. Она ощутила дуновение ночной прохлады. По коже пробежал озноб. Трудно было сказать, чем он вызван — то ли влажным вечерним воздухом, то ли нетерпением.

Утром Соня проснулась сама, как только начало светать. Не дожидаясь прихода служанки, она встала и начала одеваться. Выбирая дорожную одежду в обширных кладовых Файрада, девушка решила, что не будет скрывать свой пол. Она знала, что в большом купеческом караване ей ничего не угрожает со стороны попутчиков. По негласному правилу все женщины находились под прямой защищкой караван-бashi. И только за неуместный взгляд или слово вожатый мог запретить провинившемуся идти вместе с остальными. А оставаться одному, без охраны и спутников, в пустынной местности... На это вряд ли бы кто из торговцев решился.

Но, поразмыслив, девушка все же выбрала наряд, позволяющий ей менять обличье: вендийские полотняные дхопи — то ли заложенные в широкую складку брюки, то ли юбку, их носили и мужчины и женщины. Тонкая рубаха и короткая кольчуга привычно обтянули тело. К ним она добавила длиннополую бархатную накидку с высокими разрезами по бокам, чтобы удобно чувствовать себя

в седле. Мягкой выделки сапоги и кожаный пояс довершали наряд. Соня оглядела себя и с сожалением посмотрела на оставленную удобную постель — где-то ей придется спать следующей ночью?

Вошла Танаис и поставила поднос, на котором лежало холодное мясо, лепешки и стоял кувшин с молоком. Завтракать с девушкой служанка не стала, а уселилась в стороне, как это бывало в начале их знакомства.

— Танаис, мне очень не нравится, когда на меня таят обиду. Мне бы не хотелось оставлять о себе дурные воспоминания. — Голос Сони был полон самого искреннего раскаяния. Не поверить было невозможно.

— Чего уж на тебя сердиться, — вздохнула старуха. — Глуная ты еще.

— Вот-вот, а я все не могла понять — что же у нас общего?

Танаис уставилась на девушку неподвижным взглядом и пошамкала беззубым ртом, как бы пережевывая очередную насмешку.

— Ну, прощай, старая, наряды свои береги. — Соня помахала ей рукой и, выйдя в сад, направилась к калитке, ведущей на хозяйственный двор.

Там уже все было готово, чтобы отправиться в путь. Кроме Ману на дворе стояли еще два оседланных коня. Они были крупнее Сониной кобылы. Тут же топтались два мула, груженные продуктами и необходимым снаряжением. Во дворе появился Счастливчик. Вместо обычного богато расшитого плаща на нем был короткий, походный.

Поверх шла перевязь с саблей в простых ножнах. Но ее плавный изгиб и форма рукояти выдавали непревзойденное изделие даматских мастеров-оружейников. Девушка с изумлением посмотрела на этот маленький караван и решила пока ничего не говорить. Спорить бессмысленно — они никогда не договорятся, а время уйдет.

Соня уже сидела в седле, а вельможа все еще давал какие-то указания управляющему. Наконец, они разошлись, и Счастливчик вскочил на коня. Он выехал первым, за ним шли связанные цепочкой запасной конь и два навьюченных мула. Соня замыкала шествие.

Они быстро и без неожиданных заминок добрались до постоянного двора, откуда должен был отправиться купеческий караван. Подготовка там шла полным ходом. Купцы и погонщики последний раз проверяли груз и вьючных животных.

Наконец, караван тронулся в путь. Первым со двора выехал караван-баша. Следом шел вожак, крепкий белый мерин. За ним потянулись остальные животные, понукаемые погонщиками и конюхами. Вооруженные пиками и саблями всадники — охрана — быстро растянулись вдоль длинной вереницы груженых мулов и ослов. Когда Соня провожала взглядом, казалось, бесконечное количества обернутых тканью тюков, плотно закрытых огромных корзин и перетянутых кожаными ремнями сундуков, у нее испортилось настроение. Не караван, а лакомый кусок для грабителей.

Она и Файрад двинулись последними, замыкая шествие. С тех пор как они выехали из дома, де-

вушка не проронила ни слова. Ей это не составляло труда, ведь она почти всегда путешествовала одна. Беседовать с вельможей не хотелось, да и он сам не проявлял желания вступить в разговор. Так они и ехали весь день, обмениваясь только самыми необходимыми словами. Вечером путники расположились на ночлег.

Соня заметила, что за день купцы успели познакомиться с ближайшими попутчиками, и теперь новые знакомцы старались расположиться вместе и вокруг костров. Соня с Файрадом подсели к огню караван-бashi. Все обсуждали недавнюю встречу с караваном, шедшим из Улама. Немногим удалось спастись от разбойников, спустившихся с гор. Горные племена давно и заслуженно пользовались дурной славой. Путешествие через горы или вблизи гор всегда сопряжено с большой опасностью и требует осторожности и отваги.

— Эти горцы совсем обнаглели. Уже не первый караван грабят этим летом, — вздохнул один из купцов.

— Говорят, они занимаются черной магией и прибегают к помощи Горной ведьмы, — поддержал разговор его сосед. — Я слышал, когда они нападают, среди бела дня вдруг становится темно и люди не видят друг друга.

Файрад мрачно слушал этот разговор, вздрогнув при упоминании старой колдуньи.

— Годы проходят, а положение с горцами не меняется, — быстро справившись с собой, вступил он в беседу купцов. — В юности, отправляясь в

путь, я всегда приносил жертву Митре, но это не всегда помогало.

— Мы все приносим жертвы и запасаемся амулетами,— караван-баши палкой поворошил костер,— но, видимо, их ворожба сильнее.

— Вам не приходит в голову,— подала голос Соня,— что к амулетам еще хорошо добавить оружие и умение владеть им?

После этого замечания разговор пошел о молодежи и о позабытом почтении к старшим. Девушка демонстративно зевнула и, завернувшись в плащ, улеглась спать ногами к огню. Купцы еще поговорили какое-то время. Неспокойное пламя плясало в костре, выхватывая из темноты их лица. Вскоре лагерь погрузился в глубокий сон. Остались гореть только сигнальные костры. Дозорные обходили стоянку, охраняя спящих.

Рано утром тронулись в путь. Караван вздымал облака пыли, она оседала на траву и листья редких чахлых кустов. До ближайшего селения было полдня пути.

Высоко поднявшееся солнце палило совсем полнemu, и небо стало напоминать огромное бронзовое зеркало Митры. Длинная цепочка навьюченных мулов и осликов неторопливо семенила по тропе. Езда скучной, медленной рысью вызывала у Сони чувство досады.

— Теперь ты понимаешь, почему я была против путешествия с караваном? — обратилась она к спутнику.

Файрад явно изнемогал от жары и медленной езды.

— Да, но все-таки с караваном безопаснее,— упрямо настаивал на своем Счастливчик.

— Ну, по поводу безопасности вчера, кажется, достаточно было сказано.— Соня засмеялась.— О, я забыла: у тебя в придачу к амулету еще и золотая табличка правителя есть. Вот она нас и спасет, когда мы попадем в лапы горцев.

Мужчина поморщился, стегнул коня и поскакал вперед.

Через несколько дней путешественники подъехали к большому селению Базрун, что раскинулось прямо у подножия гор. Вокруг него были разбиты обширные фруктовые сады, в которых под тяжестью глянцевых золотистых и майолинов, эврий и плодов манну склонялись едва не до земли тонкие ветви деревьев.

Караван расположился вблизи, в тени шелковичной рощи. И людей и животных изрядно утомил долгий путь и непривычная в это время года жара.

Отдохнув немного, девушка решила сходить в селение, порасспросить жителей о том, что делается на дорогах в горах, что слышно о разбойниках. Ведь следующая ночевка должна быть уже на первом перевале. Базрун поразил ее безлюдьем. За низкими глиняными оградами виднелись крытые соломой приземистые саманные постройки. По нешироким улочкам лениво бродили куры. Соне не встретилось ни одного человека. Селение словно вымерло в этот полуденный час.

— Эй! Хозяева! — Соня постучала в ближайшую калитку.— Есть кто живой?

На зов вышла молодая женщина. Она приветливо улыбнулась.

— Здравствуй, девушка.— Голос у поселянки оказался мягким и певучим.— Что одна пожаловала?

— А сколько тебе нужно, красотка?

Женщина с недоумением поглядела на нахальную девицу.

— Сейчас позову хозяина, узнаешь, кому чего нужно.

— Постой-постой, не сердись. Скажи-ка лучше, у вас тут разбойники часто пошаливают?

— Да что им в деревне делать? Майолины наши, что ли, воровать? Они на дорогах шалят.

— Значит, у вас все тихо...

Соня, не пряча взгляда, внимательно рассматривала ожерелье из золотых монеток на груди женщины. Оно было собрано, судя по чеканке, из монет разных стран и городов. Путешественница небрежно заметила:

— Майолины свои вы, видно, дорого продаете. Рука женщины невольно прикрыла украшение.

— Ступай откуда пришла, девушка. Много вас по дорогам таких зорких бродит.

Хозяйка круто повернулась и ушла в дом. Соня ничего не оставалось делать, как вернуться в рощу. По дороге она прихватила пару крупных спелых плодов.

— Ты куда пропала? — Файрад был явно обеспокоен долгим отсутствием Сони.

— За поклажей своей следи, не за мной,— чуть слышно проворчала девушка и уже громче добави-

вила: — Я в Базрун ходила, купила у поселянки майолинов для милостивого господина.

Счастливчик с сомнением посмотрел на нее, затем перевел взгляд на ношу девушки и с недоумением пожал плечами. Эта дрянь постоянно насмехается над ним, но он сумеет ей отомстить. Потом.

Следующее утро оказалось по-осеннему прохладным. Караван поднимался в дорогу. Звенели бубенчики на ошейниках мулов, кричали погонщики, прислуга купцов спешно собирала походную утварь. Соня еще кормила Ману остатками фруктов, когда остальные тронулись в путь. Мимо нее прошли лошади, ослы и мулы в сопровождении погонщиков. Охрана растянулась вдоль всего каравана.

Файрад, поерзывая от нетерпения в седле, дождался, когда девушка закончит возиться со своей лошадью. Вокруг них вился целый рой мух, слетевшихся на сладкий фруктовый сок.

— Что ты копаешься?! — не выдержал Счастливчик. Его гнедой нервно перебирал ногами.

Соня спокойно посмотрела вслед уходившему каравану и, всунув ногу в стремя, села на лошадь. Мужчина собирался догнать спутников, но девушка остановила его.

— Подожди, господин Файрад. Надо обсудить, что нам делать дальше.

— Мы уже давно все решили — переходим через горы с купеческим караваном, а затем едем одни на побережье.— Он стискивал ногами бока коня, чтобы заставить его стоять на месте.

— Мне не понравилось это поселение. Здесь живет либо часть шайки разбойников-горцев, либо их сообщники. И очень может быть, что этой ночью на купцов нападут.

— Глупости. Из этой деревни не вышел ни один человек, чтобы поинтересоваться, насколько богат караван и какова его охрана.

— Это-то и настораживает. Ну ладно, будем считать, что я ошиблась.— Соня хлопнула лошадь, посылая ее вперед.— И все-таки я чувствую, что здесь что-то не так.

Файрад молча ехал рядом с девушкой. Последняя фраза, брошенная ею без надежды на понимание, обеспокоила его. За время знакомства с Соней он уже не раз мог убедиться в верности ее чутья на приближающуюся опасность.

Караван двигался вперед неспешным шагом. Только стук копыт да звонкие крики погонщиков нарушали тишину. Горы вставали темной полосой, закрывая небо на западе. Еще немного — и караван достигнет места ночевки. Соня и Счастливчик по-прежнему замыкали длинную цепь. Девушка беспокойно оборачивалась, ожидая увидеть погоню, но вокруг было пустынно и спокойно.

Выбравшись на просторное плато за первым перевалом, караван-бashi дал знак разбить лагерь. За высокой скалой протекал горный поток. Струи воды, просачиваясь сквозь множество щелей, образовали небольшое озерцо, удобное для водопоя животных. Чахлые кустарники по краю каменистой площадки защищали ее от ветра. Приближалась сумерки. Соня придирчиво осмотрела окре-

стности и сама выбрала место для костра и ночевки. Оно было настолько удобно, что Файрад не стал возражать и указывать на некоторую удаленность от всех остальных.

Не только девушка чувствовала беспокойство в этот вечер. Люди разговаривали вполголоса и с тревогой оглядывались по сторонам, словно боялись, что в какое-то мгновение горы расступятся и на караван помчится лавина разбойников. Охранники заняли сторожевые посты. Постепенно усталость взяла верх и путники стали засыпать.

Соня долго лежала без сна. Уже погасли костры и смолкли тихие разговоры, а она все прислушивалась к ночным шорохам. Лежа на спине и по привычке заложив руки за голову, девушка бездумно смотрела в темное звездное небо. Оно было так низко, что казалось — протяни руку и коснешься его.

Еще не рассвело, когда чутко спавшие люди стали подниматься. Наскоро перекусив остатками ужина, погонщики начали собирать животных, купцы помогали прислуге навьючивать поклажу. Охрана объезжала место стоянки, зорко поглядывая по сторонам. Файрад проснулся в прекрасном настроении.

— Хвала Митре! Твои подозрения были необоснованны, а жители того селения — просто ленивые бездельники.— Вельможа не скрывал своей радости.

— Поверь, я буду рада, если ошиблась в своих подозрениях, но пока мне очень неспокойно. И посмотри-ка на купцов — ты один сияешь здесь

подобно начищенному медному чану на кухне у расторопной хозяйки.

Файрад побагровел от злости, стегнул ни в чем не повинного гнедого и поскакал в голову каравана.

Дорога пошла круто в гору. С обеих сторон подступали к ней, нависая сплошной стеной, мрачные серые скалы. «Будь я на месте разбойников, напала бы на караван здесь», — мелькнуло в голове у Сони. Она взяла в руки лук и передвинула колчан, чтобы было удобнее выхватывать стрелы. Непонятное напряжение овладело всеми. Даже выночные животные шли быстрее, стремясь скорее достичь перевала. Вокруг теснились высокие горные кряжи, над ними раскинулось безоблачное синее небо.

Вдруг за поворотом, в начале колонны, возник непонятный затор. Животные, продолжая движение, сбились в кучу. Погонщики закричали и, стараясь сохранить хоть какой-то порядок, защелкали бичами. Соня, отступив на обочину, не могла разглядеть, что случилось. Она попыталась пробиться вперед, но быстро поняла, что это невозможно. «Неужели засада?» И девушка натянула поводья. Она развернула Ману и увидела мчащихся на караванщиков незнакомых всадников.

Соня окликнула стоящих поблизости охранников, и они заняли оборону, склонившись по краям дороги за выступами скал, решив пропустить атакующих, а потом напасть на них сзади. Видимо, основной отряд горцев обрушился на голову каравана. А мчащихся мимо Сони и ее товарищей разбойников оказалось всего семеро.

Грабители ворвались в ущелье, оглашая его воинственными криками и колотя короткими широкими мечами по щитам. Но как только последний из них миновал засаду, в спину им полетели пики охранников и стрела, пущенная девушкой. Четверо горцев упали, а проскочившие вперед всадники развернули коней, намереваясь отбить неожиданную атаку, но их встретил град стрел. Маленький отряд, которому было поручено поддержать нападение главных сил, погиб, так и не сумев выполнить свою задачу.

Оставив двоих воинов охранять выход из ущелья, Соня вместе с одним из охранников стала пробиваться к началу каравана. Там шел настоящий бой.

Разбойники старались оттеснить часть животных и под прикрытием лучников увести их, но хорошо вооруженные наемники охраны и купцы оказали им жестокое сопротивление. Не останавливая идущей широким шагом лошади, Соня приподнялась в стременах и выстрелила в ближайшего грабителя.

Здоровенный детина на миг замер с поднятой для удара кривой турецкой саблей и упал со стрелой в горле. Девушка быстро выхватила следующую из колчана и натянула тетиву. Понимая, что на невысокой, легкой Ману лезть в самую гущу схватки неразумно, она искала цель для своей стрелы, держась чуть поодаль. Но вот почти над ухом Сони раздался резкий, свистящий звук, в воздухе мелькнул аркан, и петля обвилась вокруг шеи караван-башни Ормуза.

С быстрой молнией девушка развернулась и, проследив, откуда тянется волосяной жгут, выстрелила, почти не целясь. Горец упал, не успев сдернуть вожатого с лошади. Кто-то тут же перерубил аркан. Почувствовав свою силу, купцы и охрана дружно ринулись на нападавших. Не выдержав натиска, разбойники начали отходить, прикрывая тех, кто уводил захваченных животных и пленников.

Постепенно бой затих. Преследовать отступавших горцев по узким тропам было бесполезной тратой времени и сил. Караван-бashi и погонщики с трудом восстановили порядок в караване, подсчитали потери. Пропало несколько вьючных животных, ранеными оказались десять человек, а троих путешественников захватили в плен.

Проехав вдоль всего каравана, Соня не нашла Файрада. Она поняла, что его надо искать среди людей, уведенных грабителями. Предупредив Ормуза, девушка, не слушая возражений, пустилась в погоню. А остальные, выйдя из ущелья, остановились для отдыха в первом же удобном месте. Надо было перевязать раненых и дать прийти в себя уцелевшим.

...Соня быстро двигалась по следу разбойников. Путь ей указывали капли крови на камнях и обрывки одежды. Вскоре она услышала цоканье копыт и окрики горцев, подгонявших вьючных животных и пленных. Через некоторое время девушка спешлась и осторожно пошла за ними по тропке, которая привела в небольшое ущелье, заросшее лесом.

Из-под ветвей виднелись крыши нескольких плетенных из лозы построек. Соня притаилась и внимательно оглядела все вокруг. Потом привязала лошадь, заведя ее поглубже в кусты, и пошла вперед, стараясь держаться за стволами деревьев.

Подкравшись поближе, девушка увидела, что все разбойники собрались перед одной из хижин. Их главарь, маленький подвижный человек, разглядывал добычу: несколько тюков с коврами и тканями. Его полное скуластое лицо с черными усами выражало гнев и презрение — добыча была ничтожной, а потери велики.

— Но, атаман, кто мог знать, что караван охраняют не менее двух десятков отличных лучников, да и купцы дрались как звери, — оправдывался предводитель отряда. — А за этих, — горец кивнул в сторону пленных, — мы наверняка получим хороший выкуп.

— В яму их, — распорядился атаман. — Ими я займусь завтра. А ты и ты — в караул.

Двое разбойников пинками заставили пленных подняться и повели их в сторону от жилищ, к видневшейся неподалеку маленькой поляне. Видимо, там располагались ямы для людей, захваченных во время налетов.

Остальные грабители под присмотром главаря стали делить добычу. Выставленные караульные кляли свое невезение — им достанется теперь только то, что уже никто не возьмет. Дождавшись, когда все разбойники, получив свою долю, разошлись и занялись приготовлением ужина, Соня пробралась поближе к поляне.

Пленники в яме, прикрытой деревянной решеткой, громко кричали и требовали привести их к главарю, обещая щедро заплатить за свое освобождение.

— Эй, вы, шакалы, сидите и помалкивайте! — злобно крикнул караульный, просовывая копье в яму сквозь перекрещенные брусья. — Сказано завтра, значит, завтра.

— Стереги их пока один, а я пойду посмотрю, что нам там оставили, да и кувшинчик винца прихвачу. — И его приятель побежал к хижинам.

Оставшийся в одиночестве разбойник стал разводить костер и раскладывать немудреные съестные припасы из прихваченной котомки, справедливо рассудив, что дозорный не обязан быть голодным.

— Эй, богатырь! — громко прошипела Соня, поднимая лук.

Мужчина, подхватив с земли копье, быстро обернулся в ее сторону. И, увидев направленную на себя стрелу, замер.

— Бросай свою палку и не шуми. — Девушка с луком наизготовку вышла из кустов и наступила на поспешно брошенное оружие. — Открывай яму.

Караульный, косясь на неизвестно откуда взявшуюся рыжую девицу, отступил в сторону и наклонился к яме, оттаскивая решетку.

— Прыгай туда. Да не вздумай позвать на помощь. Пристрелю.

Грабитель замешкался, и Соня сильным пинком столкнула его вниз. Послышался приглушенный, но радостный вскрик пленников. Подобрав

копье горца, девушка встала на колени у края ямы и опустила его древком вниз.

— Ну, а теперь не зевайте, — скомандовала Соня, — иначе будете гнить здесь до конца своих дней. Вставайте этому мерзавцу на плечи, держитесь за копье и выбирайтесь из ямы. Да не толкайтесь, а помогайте друг другу.

Когда купцы выбрались наружу, вид у них был жалкий — одежда изорвана, на лицах и руках ссадины. Девушка велела им отползти в кусты.

— Сейчас постараитесь захватить лошадей. Если разбойники вас заметят, я уложу из лука столько, сколько сумею, и уйду вслед за вами.

Тихо прокравшись к коновязи, бывшие пленники без труда завладели лошадьми разбойников. Видя, что все прошло благополучно, девушка осторожно добралась до Ману, вскочила в седло и, не выпуская из рук лука со стрелой на тетиве, пустила кобылку вслед за караванщиками.

Уверенные в безопасности своего логова, разбойники ничего не заметили. А беглецы, отойдя на безопасное расстояние, пришпорили коней и помчались по узкой тропке, а затем по караванному пути в скалистую расщелину.

Приближались сумерки. Всадники молча скакали по каменистой горной дороге, прислушиваясь, нет ли погони. Файрад держался рядом с девушкой, но не произнес ни единого слова. Вскоре они обнаружили место, где караван расположился на стоянку. Встревоженные утренним нападением, дозорные чуть не встретили бывших пленников дождем стрел. Тишина огласилась пре-

достергающими воплями. Купцы, погонщики и охрана мгновенно изготовились к бою.

— Нергал вас забери! Вы что, глупцы, совсем ослепли? Не видите, что мы не разбойники?

Охранники расступились, пропуская Соню и купцов. К ним уже спешил караван-бashi Ормуз.

— Ну, девушка, я уж и не ждал, что ты вернемся! А ты и сама жива, и пленников освободила.

— Жаль, что ты женщина. Мне бы еще пару таких удальцов, как ты.— Начальник охраны, не рассчитав, крепко хлопнул Соню по плечу.— И разбойники сами сбежали бы из этих гор.

Потирая ушибленное плечо, девушка усмехнулась. Только теперь она ощутила, как сильно устала и проголодалась. Она торопливо подсела к ближайшему костру. Кто-то тут же протянул ей кубок с вином, другие руки подсунули лепешку с куском жареного мяса. Не разбирая вкуса и не отвечая на расспросы, Соня быстро поела, легла, укутаясь плащом и мгновенно уснула.

Утром двое спасенных купцов чуть свет отыскали девушку. Они преподнесли ей тугу набитый кошель.

— Мы понимаем, что это ничтожно по сравнению с тем, что ты для нас сделала, но просим принять. Ведь это от всей души.

— Мне приятна ваша благодарность.— Соня, не церемонясь, взяла золото.— Надеюсь, что дальнейший путь пройдет спокойнее и наше путешествие завершится благополучно.

Начальник охраны вручил ей новый колчан, полный великолепных, остро отточенных стрел с

пестрым оперением. А караван-бashi подарил роскошную вендинскую попону для Ману. Только Счастливчик не давал о себе знать. Девушка тоже не стала его разыскивать.

После недолгих сборов караван снова двинулся в путь. К полудню путники достигли главного перевала. Обращенный к морю юго-западный склон гор резко отличался от сухого каменистого северного, лишь кое-где покрытого скучной растительностью. Здесь высияли великолепные сосновы, с голубоватыми иголками, а ниже по склону зеленели дубовые и ореховые леса, славящиеся обилием дичи. Когда дорогу каравану перебежал пятнистый олень, Соня пожалела, что здесь нельзя задержаться и поохотиться вволю.

Ормуз устроил дневную стоянку около широкого ручья, начало которому давал родник. В этом месте мощный подземный поток, размыв глинистую почву, вырывался наружу. Люди и животные смогли утолить жажду, караванщики смыть с себя дорожную пыль и усталость многодневного пути. Здесь же пополнили запасы питьевой воды.

Внизу, сколько хватал глаз, расстилалась плодородная приморская долина. Самого моря не было видно, оно лишь угадывалось за тяжелой голубоватой дымкой.

Соня ехала, как всегда, замыкая караван. С момента освобождения от разбойников Счастливчик явно избегал ее. Гордость удерживала его от объяснения с девушкой, а она делала вид, что ничего не замечает. Наконец, Файрад решил переговорить с ней.

— Я убедился, что ты была права, настаивая на том, чтобы не примыкать к каравану.

— Что теперь об этом говорить? Все плохое, надеюсь, уже позади. А путешествовать в компании мне даже понравилось. Я думаю, мы можем добраться с купцами до самого Асгалуна.

— Не говори глупостей. Как только мы спустимся на равнину, нам надо ехать быстрее, а не плестись в общей связке, держась за хвост выночного осла.

— А кто их знает, этих приморских жителей? Если в горах разбойники, то у моря, наверное, жулики. Неизвестно, что хуже.

Вельможа опять начинал терять терпение.

— Нам надо успеть найти пещеру до начала осенних штормов, — горячо заговорил он. — Ты забыла, что вход в нее находится под водой. Сильные волны разбьют нас о скалы. А тебе вдруг понравилось плестись в компании ишаков.

— А что, это очень приятная скотина — терпеливая, умная и даже не очень упрямая. — Соня выразительно посмотрела на своего собеседника. — А если серьезно, мы совсем не знаем эти места. Нам надо осмотреться, отдохнуть. Ведь дальше мы пойдем по пустынному побережью, и только Пресветлые знают, сколько времени придется искать пещеру.

Файрад промолчал. Он стиснул зубы, стараясь овладеть собой. «Эта девка опять права». И его руки судорожно сжали поводья.

К вечеру они почти достигли подножия гор. Для ночевки выбрали большую поляну в лесу. И

охранники, и купцы, и прислуга чувствовали, что самая опасная часть пути позади. Разожгли костры, и впервые за все время странствия кто-то тихо запел. Прыгающее пламя костров отгоняло от стоянки хищных зверей, а едкий дым — докучливых насекомых. Ночь действительно прошла спокойно.

После утренних сборов караван опять тронулся в путь. Дорога полого тянулась вниз. Сзади, окутанные дымкой, темнели горы. Далеко впереди открывалось темно-синее море. Даже здесь чувствовалось его прохладное освежающее дыхание. В долине, где проходил караванный путь на Асгалун, росли фруктовые сады, а склоны холмов были заражены виноградниками. Теплый ароматный воздух действовал опьяняюще, а монотонный стук копыт о камни и мерное позвякивание бубенцов на сбруе выночных животных усыпляли. У въезда в небольшое селение каравану встретился отряд сельских стражников.

— Мы рады приветствовать вас на нашей благословенной земле, — выступил вперед начальник стражи.

Караван-бashi был слегка озадачен. Он поднял руку, давая знак каравану остановиться.

— Мы уполномочены взимать с купцов дорожный сбор. Все деньги будут израсходованы на обеспечение вашей безопасности. Часть средств идет на снаряжение отрядов против разбойников, а часть на сопровождение вашего каравана до самого Асгалуна. Сбор составляет по четверти золотого с каждого выночного животного и с верхового.

— С каких это пор? — удивился Ормуз и подозвал начальника своей охраны.

— Семь дней тому назад в горах был разграблен караван асгалунских купцов,— пояснил сельский стражник,— с этого времени мы и берем сборы.

— Вы не заметили, уважаемые, что мы движемся в противоположном направлении и разбойники в горах нам уже не страшны? Кстати, они на нас напали, но наша охрана успешно отбила их налет. Но мы потеряли... десять выочных животных. Может быть, нам возместят ущерб за счет ваших сборов? Кроме того, мы убили и ранили не менее пятнадцати разбойников, а за это, наверное, полагается вознаграждение.

На лице местного стражника отразилась крайняя растерянность. С него впервые потребовали деньги. Он подъехал поближе к караван-башни.

— Все свои сборы мы сдаем в казну Асгалуна. Я думаю, вам надо обратиться в казначейство правителя Испарангея,— быстро нашел выход из положения сметливый воин.— Но кто-то должен свидетельствовать и ваши потери, и вашу доблесть,— он улыбаясь посмотрел в лицо Ормузу.

Тот улыбнулся в ответ:

— Я не думаю, что кто-нибудь, кроме вас, будет считать наших животных и всадников. Но караван большой, можно и ошибиться...

— Вы правы,— кивнул стражник.— Счету рознь.

Во время этого разговора Счастливчик подъехал поближе и внимательно прислушивался к беседе. Когда стало ясно, что караван-башни готовы у-

тупить и заплатить, лишь бы отделаться от мздом имца, он решил вмешаться.

— Любезнейший,— обратился Файрад к начальнику местного отряда, доставая золотую пластинку с изображением льва,— а что вы скажете на это?

— Красивая вещица.— Самозваный сборщик дорожного налога покрутил пластинку в руках.— Мы готовы принять ее в счет оплаты.

— Я вижу, она вам ни о чем не говорит.— Счастливчик забрал знак посла и спрятал его.— Вы такие же стражники, как те, кого мы встретили в горах.

Воин схватился за саблю.

— К бою! — закричал начальник охраны каравана и выхватил свой клинок из ножен.

Охранники стали конями теснить вымогателей. Те, не ожидая такого поворота, бросились врассыпную. Соня натянула тетиву лука, намереваясь послать стрелу вдогонку лжестражникам, но раздумала.

— Жалко стрелу на такую крысу,— пояснила девушки, подъезжая к Файраду.— А ты молодец, вывел их на чистую воду,— похвалила она своего спутника.

— Ты тоже молодец,— криво усмехнулся вельможа.— Ведь это ты предупредила меня о жуликах среди приморских жителей.— Признание Сониных заслуг потребовало от Счастливчика немалых усилий.— Хотя столь примитивный наглый грабеж не трудно распознать.

— Да, конечно, в подобных вещах ты большой знаток,— серьезно подтвердила девушка и отъехала.

ла от Файрада, оставив того размышлять над небрежно брошенной фразой.

После короткой остановки им повстречался богатый асгалунский караван. Его возглавлял сморщеный стариочек, с потемневшим от солнца и ветра лицом, на котором выделялись удивительно лучистые светлые глаза. Он сидел верхом на небольшом сером ослике. Более молодой караван-бashi в знак уважения уступил дорогу встречным, и вслед за ним весь караван сошел на обочину. Поравнявшись, оба вожатых поприветствовали друг друга.

— Какие новости на дороге? — поинтересовался недавно покинувший город старый бashi.

— Новости у нас неутешительные, и я рад, что могу предостеречь вас. Во-первых, здесь в долине объявились шайка новоявленных вымогателей, выдающих себя за сельскую стражу. Они пытались заставить нас оплатить несуществующий сбор и обещали охрану. Но для вас они могут оказаться небесполезны, если действительно проведут ваших людей и животных через горы. За перевалом на мой караван напал отряд разбойников, но наша доблестная охрана и купцы отбили их атаку. Особенно отличилась в бою одна девушка, вызволив меня из петли аркана, а затем освободив из плена своего компаньона и еще двух купцов.— Ормуз посмотрел, какое впечатление произвели его слова.

Старик на ослике сокрушенно вздохнул:

— В не столь давние времена путешествующих девиц сопровождала целая свита из родственников и наемников...

Видя, что асгалунец собрался порассуждать о падении нравов, вожатый лагошского каравана поспешил сменить тему:

— А что нас ждет в Асгалуне?

— До правителя города дошли слухи о бесчинствах на дорогах, и он очень разгневан. Хотя должен заметить, что его стражники у городских ворот ведут себя немногим лучше. Их непомерные сборы с путешественников более всего походят на грабеж. Особенно отличается алчностью стража восточных ворот. Ведь именно через них проходит большинство караванов.— Старик осуждающе покачал головой.

Предупредив друг друга о грядущих неприятностях, караван-бashi разъехались. Погонщики принялись поднимать животных, улегшихся было на обочине дороги. Соня пришпорила Ману, чтобы быстрее проехать вперед и не глотать дорожную пыль. Ей нравилось беседовать с караван-бashi Ормузом. За свою долгую жизнь старик провел много караванов по дорогам Хайбории. Он обладал богатым воображением и, когда что-нибудь рассказывал, сам воодушевлялся и верил во все, что говорил, не в силах отделить правду от вымысла.

— Бashi, можно считать наше путешествие законченным.— Девушка, слегка прищурившись, беспечно посмотрела вдаль.

— Опыт подсказывает мне не радоваться до тех пор, пока стражник у городских ворот не получит положенную мзду и не уступит тебе дорогу. Даже ночевка под стенами города не всегда безопасна.

— Неужели?

— Да. Однажды в Вендии разбойники натравили на нас огромного взбесившегося слона. У него ноги как башни, клыки длиной с тебя и такие же в обхвате, а хобот подобен удаву, живущему в вендейских лесах, которые местные жители называют джунглями. Его шкуру не берет ни стрела, ни копье.

Вообще-то они добрые и послушные, хорошо помогают людям в хозяйстве, но эти мерзавцы напоили его вином и напугали горящими факелами. И разъяренный слон ринулся на наш караван, смял охрану, разогнал выночных животных и растоптал двух погонщиков. Разбойники, воспользовавшись суматохой, увезли часть каравана, а слон, устав от собственных бесчинств, рухнул на землю и тут же уснул, огласив перед этим всю местность страшным ревом.

Соня слушала как зачарованная.

— А что еще необычного ты видел в Вендии?

— Посмотри на эти фруктовые деревья, отягощенные плодами...— Вожатый широко повел рукой, указывая на сады, подступавшие к дороге.— Все это жалкая поросль в сравнении с вендейскими джунглями. Там растут гигантские пальмы, на которых вызревают орехи размером с твою голову. А через густые заросли ни пешему, ни конному человеку не пробраться. Там можно проехать только на слоне, который своими ногами-башнями прокладывает дорогу. Круглый год в Вендии стоит жаркое, душное лето. В реках там живут огромные зубастые ящерицы, которые могут сожрать коня вмес-

те с всадником. А в городах у них столько народа, что глаза разбегаются от пестрых одеяний жителей и хочется заткнуть уши от гвалта людской толпы. Еще там стоят причудливые храмы, полные изваяний диковинных многоруких и многоглазых злобных богов. А жрецы у них, по слухам, могущественнее всех наших магов и колдунов.

Соня машинально положила руку на сумку, где лежали волшебные орехи. Караван-бashi умолк, утомленный воспоминаниями.

— Сколько же времени идет караван в Вендию?

— Долго. В пути утрачивается счет дням, времена года сменяют друг друга незаметно, а все путешествие туда и обратно занимает почти год.

— А в Асгалуне ты часто бываешь? — поинтересовалась девушка.— Что там интересного?

— О, это богатый портовый город. Его дома выстроены из белого камня. На холмах стоят старые храмы, а на самом высоком — дворец владельца. В гавани всегда много кораблей со всех концов Хайбории. Даже вендейцы бывают.

— А слонов они привозят?

— Нет. Слон не выдержал бы путешествия по бурным морям, а вот ящеров речных как-то привозили. Странные звери — жрут мясо, а сами при этом плачут.

— Жителей Асгалуна, наверное, ничем не удивишь, ведь, не выходя за крепостные стены, они видят чудеса со всего света.— Соня вопросительно взглянула на Ормуза.

— Их-то — нет,— кивнул старик,— а вот сами они кого угодно удивят.

— А что же в них такого необычного?

— Я так думаю: если асгалунец с рассвета до заката никого не обманет, то считает, что этот день пропал зря. Город кишит ворьем, контрабандистами и продажными девками. И с пиратами немалая часть «честных» купцов Асгалуна знается.— Караван-бashi сплюнул.

Соня задумалась: «Может быть, Файрад был прав и не стоит заезжать в город?» Но что-либо менять оказалось поздно — на горизонте уже возвышались величественные башни Асгалуна.

Девушка поехала искать Счастливчика. Она нашла его в компании купцов. Судя по всему, вельможа хвастался. Собеседники, пряча улыбки, почтительно слушали посланника правителя Лагоша.

С обеих сторон дороги тянулись виноградники. Спелые тяжелые грозды ждали сборщиков. Огромное оранжевое солнце клонилось к морю, и караван шел на закат.

Соня то двигалась бровень с группой купцов, в которой ехал Файрад, то отставала, то обгоняла их. В конце концов Счастливчик понял, что девушка хочет переговорить с ним. Кивнув спутникам, он подъехал к Соне.

— Встречный вожатый говорил, что у восточных ворот бесчинствует городская стража.— Девушка выжидающе взглянула на Счастливчика.

— Ты же знаешь, что у меня есть золотая пластинка — знак посла. Любой стражник обязан пропустить нас,— раздраженно буркнул он.— Почему ты никак не хочешь поверить, что это не просто золотое украшение?

— Потому, что ты хвалишься им от стен Лагоша, но пока этот знак ни на кого не произвел должного впечатления.

— На этот раз именно он нам поможет.— Файрад уже не сдерживал свою злость.— Мне непонятно твое недоверие...

— Еще я узнала,— спокойно перебила девушка,— что город кишит самовольными сборщиками чужих денег, вроде стражников у того селения.

— Не забывай, что я купец,— ответил Счастливчик,— так что в жуликах разбираюсь. И, думаю, не хуже тебя.

Край солнечного диска коснулся воды. Караван стал располагаться на стоянку у излучины речки, что текла с гор к морю.

Разожгли костры. Караван-бashi обошел лагерь и приказал охране удвоить внимание. Погонщики занимались обычной работой: освобождали животных от поклажи, вели их на водопой и выпускали пастьись. Купцы размещались вокруг костров, раскладывая толстые кошмы и шерстяные одеяла. Все казались немного возбужденными — ведь это была последняя ночевка перед Асгалуном.

К лагерю подъехал местный поселянин. Его повозка была полна бурдюками с молодым вином. Вино оказалось хорошим, а цена очень низкой. Вскоре голоса караванщиков стали громче и веселее; кое-где зазвучали песни. Только дозорные ходили по кругу, с завистью поглядывая на отдыхающих купцов. Начальник охраны запретил даже думать о вине.

Подождав, пока все угомонятся, Соня осторожно выползла из-под теплого плаща и пошла к реке. Ее окликнул стражник.

— Пойду окунусь,— отозвалась из темноты девушка.

Вскоре до воина донесся всплеск и тихий женский смех.

Соня с удовольствием поплавала. Казалось, теплая ласковая вода смывала все тревоги девушки и уносила их к морю.

На следующее утро, еще до восхода солнца, караванщики отправились в путь и к полудню прибыли к воротам Асталуна.

Глава восьмая

огда караван подошел к воротам города, там уже почти никого не осталось. Стражники придирично осмотрели вновь прибывших, сосчитали всех выночных животных и всадников. Каждому купцу определили размер пошлины. И путники неторопливо двинулись за крепостные стены. А когда очередь дошла до Счастливчика, он с важным видом предъявил свою золотую пластинку. Стражник, облаченный в латы и плащ с гербом Асталуна, почтительно поклонился.

— Зачем же господин посол стоял в такой длинной очереди? Ваш знак дает право беспрепятственно войти в город.

— Значит, я могу пройти? — Файрад победно посмотрел на спутницу. — Эта молодая госпожа путешествует со мной.

— Конечно,— асталунец снова поклонился.— Если господину безразлично, какая дорога под копытами его коня и хорошо ли его будут охранять в нашем городе,— хитрый стражник притвор-

но вздохнул,— то господин может проехать. Но если господин привык к удобствам, то он может внести небольшое пожертвование на благо нашего славного Асгалуна.

Счастливчику ничего не оставалось делать, как достать кошелек. Латник нетерпеливо протянул кружку для пожертвования.

— Раз молодая госпожа путешествует с вами, надо обеспечить и ее благополучное пребывание в нашем городе.— Воин звякнул монетами в кружке.— Я думаю, оно стоит примерно столько же.

Файрад с досадой бросил еще несколько монет и, не глядя на Соню, въехал на городскую мостовую. Девушка, посмеиваясь, двинулась следом.

Сначала у нее создалось впечатление, что этот город ничем не отличается от Лагоша. Узкие проулки с глухими заборами и глинобитными домишками. В теснившихся друг к другу строениях размещались лавки. Ремесленники — медники, сапожники, резчики по дереву, золотых и серебряных дел мастера — сидели прямо на улице и занимались своей работой. Но это была окраина. К центру мостовые становились все шире, дома, построенные из местного белого камня, выше. Во дворах знати журчали фонтаны, хотя вырубать колодцы здесь было очень сложно, так как Асгалун располагался на скалистом берегу.

Соня, повидавшей лагошский базар, казалось, что его изобилие трудно превзойти, но местный рынок поражал воображение и своими размерами, и разнообразием предлагаемых товаров. Хозяевами жизни здесь были нарядно и дорого одетые

купцы. В городе трудно было отыскать место, где бы не велась торговля.

Асгалун был развернут лицом к морю. Приплывающие в богатый порт еще издали видели белые дворцы и купола старых храмов на фоне многоцветья садов и парков. Река, в которой накануне купалась Соня, протекала через весь город и впадала в море. Она так и кишила юркими веселыми лодками и неповоротливыми парусниками.

Счастливчик предложил Соне заехать в дом знакомого купца по имени Арудж, с которым он постоянно вел дела. Девушка согласилась — ей было безразлично, где они остановятся. Она попросила ненадолго задержаться. Взяв из поклажи длинную полосу ткани, она подобрала волосы и накрутила на голове большой тюрбан, мгновенно приняв облик юного купеческого сынка, путешествующего с более опытным папашиним компаньоном. Файрад только хмыкнул.

— Какая неожиданная радость,— приветствовал гостей хозяин дома.— От тебя давно нет никаких вестей. Уж не ушел ли, подумалось мне, Счастливчик на покой.— Асгалунский купец засмеялся собственной шутке.

— Мы здесь проездом,— объяснил свое внезапное появление Счастливчик.— Передохнем несколько дней и отправимся дальше.

— Я буду рад, если эти дни ты, дорогой Файрад, и твой молодой спутник проведете в моем скромном жилище.

Асгалунец лукавил, в его владениях было не стыдно принимать вельмож любого ранга. Как и

большинство зданий, принадлежащих богатым торговцам, дом Аруджа имел квадратный внутренний дворик, вымощенный белыми плитами, в центре которого журчал фонтан. Стены и потолок парадного зала, куда купец проводил гостей, были искусно расписаны синими и золотыми цветами. Окна, выходившие во дворик, украшали витражи, смягчавшие яркий дневной свет и придававшие особую красоту росписи.

Купец на славу угостил Счастливчика и Соню. Стол был уставлен серебряными сосудами и блюдами, на которых лежали нарезанные ломтиками дыни, рис, всевозможные мясные и овощные кушанья. Растропные служанки наполняли кубки, заменяли пустые блюда полными. Когда все насытились и остатки яств убрали, прислужницы внесли маленькие тарелочки со сладостями.

Начался неспешный вежливый разговор о погоде, видах на урожай винограда, качестве вин этого года. Узнав, что дела гостей идут хорошо, хозяин дома стал осторожно выяснять цель приезда Счастливчика.

— К сожалению, дорогой Файрад, честно зарабатывать деньги становится все труднее и труднее,— пожаловался Арудж.— Нашего властителя Испархангэя, да продлятся его годы, заботят только роскошь и развлечения. Налоги, подати, сборы в казну становятся все выше. Чиновники берут деньги буквально за каждый вздох. Вместо того, чтобы бороться с контрабандистами и прочим сбродом, стражники предпочитают обогащаться вместе с этими шакалами. Если дело так пойдет

далее, наш порт придет в упадок, а мы пойдем по миру.

Гость сочувственно покивал головой.

— Какой же ты видишь выход из создавшегося положения?

— К западу от города, на побережье, есть земли, которые толком никому не принадлежат,— Агалунец говорил, осторожно подбирая слова.— Там есть неплохие бухты. Пока ими пользуются только контрабандисты и пираты, да и то изредка. А можно было бы заложить новый порт под нашим управлением. Испархангэй будет только рад получить хорошие деньги за этот каменистый клочок земли. Есть, правда, одно препятствие.

Файрад насторожился сразу, как только речь зашла о западном побережье.

— Что это за препятствие? — подала голос девушка.— Неужели пираты?

— Агалунские купцы, молодой человек,— хозяин дома выдержал паузу,— не боятся рыцарей наживы. У нас есть немало средств и способов борьбы с ними. В нашем городе случается, что пираты становятся почетными гражданами. Бывшие, конечно.

— Так в чем же дело? — Счастливчик внимательно разглядывал цветные стекла витража.

— Видите ли, господа...— Агалунец на мгновение умолк.— Очень уж дурная слава у тех мест. Слухи самые неприятные, но это уж наши заботы. А что привело вас в наши края?

— Любезный Арудж, мысли умных людей нередко совпадают,— польстил всем присутствую-

щим Файрад.— Мы с моим молодым компаньоном приехали как раз поглядеть на ваше западное побережье. Но нас интересуют дары моря,— он сказал первое, что пришло в голову.

— Жемчуг, перламутр? — Арудж покачал головой.— Когда-то все это у нас пытались добывать, но жемчуг оказался мелким, а перламутр плохого качества, так что промысел заглох. Тем более, что сейчас из Вендии привозят прекрасные перлы. Да и охотников нырять в этих местах вы не найдете.

— Но почему же там никто не захочет нырять? — упорно допытывался гость.

— Там большие приливы и отливы, сильные течения, а в скалах под водой есть пещеры. Некоторые смельчаки пытались проникнуть туда, но никто из них не вернулся. Местные жители говорят о каких-то чудовищах.— Арудж помолчал.— Я вам правду говорю — место считается проклятым.

— И все-таки мне бы хотелось посмотреть проклятое побережье своими глазами,— улыбнулся Счастливчик.

— Вам, наверное, понадобится сопровождающий,— предположил хозяин дома, настороженный непонятным упорством своего старого знакомого.

— Нет. Мой спутник неплохо знает это побережье,— не моргнув глазом соврал лагошский вельможа.— Когда-то он жил неподалеку, в Барросе.

Соня, внимательно слушавшая неторопливый разговор купцов, напряглась, когда речь зашла о ней.

— Это хорошо. Но вам, конечно, понадобится время, чтобы подготовиться к этому путешествию.

Я буду рад, если смогу чем-нибудь помочь. Прислуга покажет ваши комнаты, а конюхи позаботятся о лошадях.

Оставшись наедине с Файрадом, девушка обратилась к нему с извивательной улыбкой:

— Что это ты вздумал выдавать меня за жителя рыбацкой деревни?

— Во-первых, колдунья сказала мне, что ты сама, без посторонних, найдешь пещеру, а во-вторых, зачем нам лишние свидетели? Ты не знаешь Аруджа. Он навяжет нам своих доверенных людей, будет знать о каждом нашем шаге и окажется у сокровищ раньше нас с тобой. В итоге нам достанутся такие крохи, что тебе не на что будет купить сена для своей кобылы.— Мужчина подошел к двери и прислушался.

— Неужели твоя ведьма только и сказала тебе, что есть такая рыжая глупышка, которая приведет тебя к куче добра... А ты бери и пользуйся им, дорогой господин! Если так обстоит дело и тебе ничего больше неведомо, то мог бы расстараться и расспросить ведьму получше. Знаешь, господин мой, тебе стоило пригласить старуху в свою таверну с фонариками да угостить тем твоим особым вином, она бы все и выложила...

— Замолчи,— прошипел Файрад.

Лицо его побагровело, глаза сверкали яростным блеском. На него было страшно смотреть.

— Зачем только я тебя из разбойничьей ямы вытащила! — зло ответила Соня.— Сидел бы там до сих пор и ждал, когда твои любезные домочадцы пришли выкуп.

Вельможа уже овладел собой и спокойно обратился к разъярившейся девушке.

— Мы напрасно ссоримся. Я не собирался отправлять тебя одну на поиски пещеры. Мы вместе проделали тяжелый путь, многое испытали, а теперь ругаемся в двух шагах от цели, вместо того чтобы сесть и хладнокровно обсудить дальнейшие действия.

— Ладно. Отложим это до завтра,— тон собеседницы стал более миролюбивым.— Сейчас я устала и так объелась, что мне бы только до постели добраться. Слушай, а может быть, нам плюнуть на все эти колдовские штуки и махнуть в Вендию на корабле? Мне караван-бashi такие чудеса о тех краях понарассказывал. Да и твой Арудж говорит, что там жемчуг, кораллы и всякие сокровища не чета нашим.— Соня с любопытством посмотрела на компаньона — разозлится он или нет.

Но Счастливчик остался совершенно спокоен. Пожелав девушке приятного отдыха, он отправился в отведенные ему покой.

Сквозь раскрытое окно в комнату проникало легкое дуновение прохладного морского ветерка. Тишину нарушало лишь журчание фонтана во внутреннем дворике да посвист ночных птиц. В этом краю еще ничто не напоминало об осени.

Оставшись одна, Соня с удовольствием растянулась на мягкой, застланной шелком постели. После стольких дней пути и ночевок у костра так приятно было ощутить прикосновение к коже нежной ткани, а под ногами не колючую, иссохшую под солнцем траву, а пушистый ковер. Девушка

моментально уснула. Ей приснился Ло Юнь. Он не подвижно сидел у очага в своей таверне и смотрел на раскаленные угли. В руке он держал два ореха. Ловко двигая пальцами, кхитаец перекатывал их в ладони. Потом он посмотрел на Соню и улыбнулся.

Утром все собрались за столом. Хозяин был, как и вчера, весел и радушен.

— Надеюсь, вы не испытываете никаких неудобств в моем доме?

— Ты прекрасный хозяин, Арудж, а дом твой создан, чтобы радовать душу,— улыбнулся в ответ Счастливчик.

— О, мои дорогие гости, позвольте угостить вас кушаньем, которое недавно появилось в наших краях.— Асталунец повернулся, подзывая служанку. Она внесла блюдо, на котором лежали странного вида раковины.— Этих моллюсков ввели в моду среди знати и богатых купцов приезжие торговцы. Они привозят их живыми в бочках с водой и продают очень дорого. А я знаю, что на западном побережье, неподалеку от устья реки, на погруженных в море скалах обитают подобные им. Твой молодой компаньон, Файрад,— купец повернулся к девушке,— я думаю, знает это. Ведь он жил в тех краях...

Соня невольно сморщилась, но утвердительно кивнула. Арудж заметил ее гримаску, но невозмутимо продолжил:

— Да. Раньше их ели только рыбаки, когда шторма не позволяли выйти в море за более достойным уловом. Но что поделать, вкусы меняют-

ся и теперь все находят, что это очень изысканное блюдо.

По примеру хозяина гости попробовали кусочки пряной, пахнущей морем мякоти, лежащей в раскрытых раковинах.

— Я думаю, что наши моллюски должны быть не хуже заморских, и хотел бы наладить их добычу.

Файрад насторожился. Он начинал понимать, куда клонит гостеприимный асгалунец. Соня тоже почувствовала подвох в речах купца.

— Что ж,— кивнул Счастливчик,— это может оказаться не менее выгодным, чем жемчуг. Мода — великая сила.

— Мне бы хотелось послать с вами своего человека,— наконец дошел до сути дела Арудж,— чтобы тот на месте выяснил у рыбаков, возможно ли наладить промысел. Может быть, совместными усилиями мы откроем новое дело.

— Почему бы и нет,— широко улыбнулся Файрад,— главное добыть раковины, а сделать из них дорогой привозной товар мы сумеем.

Соня была поражена, как эти торговцы мгновенно нашли общий язык. С них разом слетело вежливое равнодушие, а в глазах засиял алчный огонек. «Подавитесь вы оба своими моллюсками, базарное отродье,— выругалась мысленно девушка.— Сам же говорил, что асгалунцу доверять нельзя, но послышался звон монет и... Теперь от соглядатая не избавиться. А ведь придется».

Извинившись, Соня вышла из комнаты и отправилась на конюшню проводить Ману. Ей надо было отдохнуть от общества этих довольных собой

и друг другом жуликов. К тому же она не очень доверяла чужим конюхам.

Кобыла выглядела сытой и ухоженной и, как обычно, встретила хозяйку коротким ржанием.

— Ну что, красавица моя, отдохнешь? — Соня погладила бархатистый нос Ману.— Скоро в путь. Интересно, до чего же они там договорятся?

Девушка прошла на задний двор, в сад. Ей было жаль, что здесь нет такой уютной беседки, как в парке Счастливчика. Она села на удобную скамью в тени незнакомого дерева с широкими блестящими листьями и очень крупными душистыми цветами. В мраморном бассейне неторопливо плавали золотые рыбки.

«Ну ладно, от доверенного человека Аруджа мы как-нибудь избавимся,— рассуждала Соня,— это не так сложно. Но как найти пещеру? Что в словах этого купца правда, а что вранье? Не отправила ведь колдунья своего приспешника прямиком в пасть к чудовищу. В конце концов ей нужно получить талисман. Может быть, она и указала точно, где находится пещера, а этот храбрец со страха все перезабыл». Девушка встала на скамейку и потянулась к душистому цветку. Неожиданно она увидела идущего по дорожке Счастливчика.

— Мой господин Файрад,— окликнула она его,— поздравляю вас с успешным окончанием деловых переговоров. Если продолжать в том же духе, то скоро мы потащим за собой весь Асгалун.

— Этот хитрец Арудж все-таки навязал нам своего соглядатая.— Файрад был зол и не скрывал этого.— Старый лис понимает, что я приехал сюда

не морским воздухом дышать. Завтра отправляемся в путь.

Вечером за ужином хозяин дома проявлял чудеса гостеприимства. Соня казалось, что его речам не будет конца и не будет конца переменам блюд. Он вспоминал, как удачно складывались их дела с Файрадом в прошлом, и не скрывал радости, предчувствуя новое выгодное предприятие. Файрад вежливо улыбался и время от времени вставлял свои замечания в речь хозяина дома. Тот же без устали восхвалял деловое чутье Счастливчика и не забывал приказывать слугам заменять пустые тарелки на полные да подавать еще и еще вина.

Следующим утром путешественники покинули Асгалун. Файрад оставил в конюшне асгалунца своих мулов и вторую верховую лошадь. Цель путешествия близка, и не стоит обременять себя излишней поклажей. Тем более, что вместе с компаниями в путь отправлялся Исхар, доверенный человек Аруджа. Это был немолодой, среднего роста, коренастый мужчина. Из-под кустистых бровей глядели темные внимательные глаза. Густая черная борода скрывала подбородок. Все движения его выдавали скрытую силу. С гостями хозяина Исхар держался почтительно, но без подобострастия. Соня их новый спутник не понравился. «От такого непросто будет избавиться,— сделала вывод девушка.— Настоящий пес, верный хозяйский пес». Исхар ехал верхом на вороном коне, таком же мощном, как и он сам. За ним следовал мул с выюками дорожных припасов. На поясе мужчины висе-

ла короткая кривая сабля в ножнах из акульей кожи. Соня слышала, что таким оружием пользуются пираты моря Запада. «Тоже, видно, собирается в почетные горожане Асгалуна»,— с раздражением подумала девушка.

Маленький караван, возглавляемый Исхаром, двигался вдоль берега. Они проехали богатые предместья, где располагались загородные дома знати. Затем их путь лежал среди виноградников. Соня не выдержала и положила в сумку несколько спелых гроздей. Изредка попадались развесистые смоковницы. Спелые, сочные винные ягоды висели как маленькие кувшинчики с нектаром. Девушка и тут не могла удержаться, чтобы не полакомиться ими. Не слезая с лошади, она нарвала целую сумку ягод.

Неширокая каменистая дорога вела их вверх по холмам. Свежий соленый ветер приносил с моря прохладу.

Первый привал они сделали у родника. Исхар посоветовал набрать в бурдюки воды, так как до рыбачьей деревни Закрун еще далеко, а источников пресной воды на побережье очень мало.

— И так всегда? — Файрад навьючивал на мула полные бурдюки.

— Нет. Зимой пойдут дожди и с гор потекут бурные потоки. Ведь все эти сухие ложбинки, которые попадались нам на пути,— русла пересохших речек. Зимой по этой дороге не так-то просто проехать. Я слышал, что молодой господин здесь бывал. Он должен об этом знать.— Исхар зорко взглянул на девушку.

— Я был здесь в детстве и не так долго,— беззаботно рассмеялась она,— так что проводник из меня неважный... Как красиво здесь выглядит море,— сменила тему Соня.— Удивительно, такой гористый, изрезанный берег и ни одного острова.

— Острова дальше. В конце второго дня пути,— уточнил провожатый.— Их действительно не так много.

— Это и есть проклятые места? — вступил в разговор Файрад.

— А вы откуда знаете? У нас не любят говорить об этом вслух.— Исхар подозрительно посмотрел на Счастливчика.

— От твоего хозяина. Разве не туда он тебя отправил разузнать о возможности промысла моллюсков, этой новомодной еды? — Теперь купец пытливо смотрел в глаза спутника.

— Так за этой дрянью надо дальше ехать, за устье реки, а в тех местах никто ничего не ловит. Рыбаки те скалы стороной обходят,— поторопился закончить разговор Исхар.

Перекусив и набрав воды, путники отправились дальше. Фрукты, которые набрала Соня, пришлись очень кстати в этой бедной растительностью местности.

Постепенно дорога превратилась в каменистую тропу, идущую над морем. Где-то далеко внизу, под ногами, маленькими белыми пятнами кружили птицы. Файрад не сводил глаз с дороги, боясь взглянуть в сторону моря. К вечеру они выехали в небольшую долину, где расположилась на ночлег.

Солнце медленно опускалось в воду, осветив последними лучами безрадостный пейзаж. Путники достали свои припасы и подсели поближе к костру. Теперь они оценили совет Исхара набрать побольше воды — им действительно не попалось ни одного источника.

Распределили ночной караул, и, к радости Сони, Счастливчику выпало не спать первому. У самой девушки глаза давно слипались, а голова устало клонилась набок. Постелив теплые одеяла, она легла и быстро уснула. Еще не начало светать, когда ее разбудил Исхар. Сидя у тихо тлеющего костра, девушка слушала, как внизу у подножия скал рокочут волны.

Ей вспомнился рассказ караван-бashi о чудесах Вендии. Она попыталась представить себе леса, полные необычных зверей, сады, в которых зреют диковинные плоды. Беспокойно заворочался во сне Файрад. Сонины мысли перескочили на их путешествие, на жрецов, колдунов и темные силы, которые непонятным образом влияют на жизнь людей.

От мрачных раздумий ее отвлекли первые проблески рассвета на востоке, там, где за приморскими горами остался Асгалун. Соне захотелось одной полюбоваться утренней зарей, и она не торопилась будить своих спутников.

Следующий день пути проходил так же, как и предыдущие: ставший привычным шум моря, узкая каменистая дорога, молчаливые привалы, скучный корм для животных и напоминания Исхара о том, что воду надо беречь.

После полудня дорога пошла вниз, и животные затрусили резвее.

С крутого спуска, ведущего к морю, Соня разглядела маленькую бухту среди скал, несколько белых хижин и покачивающиеся на волнах рыбакские суденышки. Как девушка ни вглядывалась, она не смогла увидеть в них ни серебристой рыбы, ни уродливых раковин. В лодках лежали объемистые тюки. «Хорошенькое дело,— усмехнулась про себя Соня.— Похоже, контрабандисты уже освоили новый «порт».

В голове ее созрел план. Надо только хоть не-надолго избавиться от соглядатая-асталунца.

— Исхар,— Соня протянула мрачному спутнику несколько монет,— когда мы въедем в деревню, найми нам лодку на завтрашний день, и сделай это сразу, как только мы разместим животных.

Счастливчик с недоумением посмотрел на девушку.

— Господин мой,— обратилась она к Файраду,— я думаю, нам стоит осмотреть берег со стороны моря.

Купец только вздохнул. Он уже перестал удивляться выходкам девицы.

Постоялый двор и таверна в этой крошечной рыбакской деревушке оказались на удивление большими. Тавернщик с озабоченным видом хлопотал около шумно пировавшей компании. Кроме хозяина, на вошедших никто не обратил внимания. Соня решительно отвела его в сторону.

— Почтенный, мы купцы из Лагоша. У нас здесь серьезные дела, а нашим делам, да, может

быть, и не только нашим,— она демонстративно бросила взгляд на подгулявшую компанию,— хотят помешать.

— Да что вы, молодой господин,— ухмыльнулся собеседник,— у нас не принято совать нос в чужие дела. Это может плохо кончиться для длинного носа.— Он громко рассмеялся собственной шутке.

— Нам навязали в спутники некого вояку,— продолжала девушка.— То, что он тайный соглядатай, ясно даже слепому.

Хозяин таверны поглядел на Счастливчика, стоявшего поодаль, и потянулся к ножу, висевшему на поясе. Соня с улыбкой покачала головой.

— Это не он,— остановила она руку тавернщика.— И, я думаю, нам ни к чему кровь. Вот если бы у тебя нашлось вино покрепче. Пусть парень поспит несколько дней, а потом вы поздравите его с благополучным излечением от страшной здешней лихорадки.

Подошедший Файрад молча положил на стол рядом с хозяином кошелек. Веселая компания встретила вернувшегося Исхара радостными криками. Попав к «рыбакам», отставной моряк вспомнил былые годы и пирушки, в которых ему доводилось участвовать. Он осушил кубок, поднесенный тавернщиком, а после сытной еды решил показать всем, как пили в его молодые годы.

Когда Исхара унесли на постоялый двор, веселье возобновилось с новой силой. Всем хотелось чокнуться с Файрадом и его спутником. Смех и шутки слышались отовсюду.

Вскоре Счастливчик и Соня узнали, что маленький торговый порт существует уже год, что заморские товары здесь вдвое дешевле, чем в Астгалуне, что купцов из Лагоша здесь еще не бывало и что ни один глупец не повезет отсюда товар по приморской дороге, когда есть тропа через горы прямо на караванный путь, идущий из Астгалуна.

Узнав о намерении купцов добывать моллюсков, компания развеселилась еще больше. Досталось в основном астгалунским толстосумам, готовым жрать любую модную дрянь и платить за нее бешеные деньги.

Разошлись под утро. Соню качало от усталости. С трудом добравшись до отведенной ей каморки, она рухнула на жесткую постель. Засыпала она с мыслью: «Надо бы проверить, как там Ману на конюшне. Публика здесь...» — и уснула, не додумав до конца.

Следующим утром девушка проснулась поздно и пошла в таверну перекусить и узнать, встал ли Счастливчик. Хозяин радостно приветствовал ее. Он немедленно поставил перед ней блюдо с жареной рыбой и кувшин с белым вином.

— Молодой господин, я очень рад, что мне выпала честь принимать дорогих гостей из Лагоша.— Тавернщик присел к ней за стол.— Я надеюсь, что с вашей помощью лагошские купцы найдут дорогу к нашему берегу.

Соня кивнула.

— А о тайном соглядатае не беспокойтесь.— Хозяин подмигнул.— Через пять-шесть дней он придет в себя где-нибудь в Астгалунском порту.

Девушка смогла только жестами выразить свое восхищение и согласие.

Когда в таверну вошел Счастливчик, явно страдающий от головной боли, тавернщик уже заканчивал подробный рассказ о дальнейшей дороге вдоль побережья.

— А главное, будьте осторожны, когда доберетесь до Нергаловой Пасти,— продолжал наставлять постояльцев хозяин.

— Что это, где это? — вяло пробормотал Файрад.

— Я уже рассказал об этом молодому господину, дорогой гость,— охотно пояснил владелец таверны.— Это в дне пути отсюда. Так называют морской залив. Он глубоко вдается в сушу, а его скалистые берега круто обрываются в воду. Даже в тихую погоду там грохочет прибой.

— Это там, где пещеры с чудовищами? — Счастливчик подавил отрыжку.

Тавернщик недовольно хмыкнул.

— Кто верит в это, а кто нет. Я вам скажу только, что от Нергаловой Пасти можно ждать чего угодно. Так что с дороги не сворачивайте, к морю близко не подходите и, главное, не вздумайте ночевать там.

Пока Файрад завтракал, Соня отправилась на конюшню. Осмотрев и погладив Ману, девушка заметила выюки, лежащие рядом с муловом Исхара.

«Ну, раз он шел с нами, а теперь идти не может, то вряд ли будет против, если мы воспользуемся его вещами»,— подумала Соня и развязала переметную суму Исхара. Первое, что попалось

ей в руки, были мотки тонкой прочной веревки, факелы и кирка. Покопавшись в мешке, девушка вытащила маленький закупоренный плотно притертой пробкой серебряный кувшинчик. Соня потрясла его — внутри была жидкость. Когда она вытащила пробку, Ману недовольно фыркнула.

— Тебе не нравится, как это пахнет? — девушка поднесла кувшинчик к носу. Запах был незнакомый. — На ком бы испытать?

Рядом крутилась хозяйская собака. Соня отломила кусок лепешки и бросила на землю. Пес моментально проглотил подачку. Перед тем, как дать ему второй кусок, девушка капнула на него жидкости из кувшинчика. Собака радостно кинулась к угощению, но, обнюхав, заскулила и, поджав хвост, выбежала на улицу.

«Похоже, что Арудж со своим пиратом все расчитали. Мы находим пещеру, Исхар пользуется своей отравой, я и старый друг асгалунца мертвы, а он спокойно забирает сокровища и мчится к своему хозяину. Или не мчится... — девушка вздрогнула. — Как хорошо, что на свете есть контрабандисты, которые не любят стражников!»

Погрузив веревки, факелы и кирку на мула Файрада, она вывела животных во двор.

Вскоре, пополнив запас воды и продовольствия, Счастливчик и Соня выехали из деревни.

Дорога опять пошла вверх, оставляя море внизу. Глядя с кручи на водный простор, девушка, выросшая в далеком краю, удивлялась его изменчивости. Вчера дул свежий ветер, и вода была густо-синего цвета. Бесконечные мелкие волны, пе-

няясь белыми гребешками, с шумом накатывались на берег и таяли пеной на камнях. Сегодня же тихая и солнечная погода совершенно изменила море. Оно стало светло-голубым. На его спокойной поверхности мерцали яркие солнечные блики и скользили тени от облаков. Соня заметила крупную птицу, кружившую над водной гладью. Вот она камнем падает вниз и, схватив клювом рыбу, резко взмывает в небо, а затем опять кружит в воздухе, высматривая очередную жертву. Накануне девушка подстрелила такую птицу, но она оказалась жесткой и невкусной.

С момента выезда из деревни Файрад не проронил ни слова. После вчерашнего застолья с контрабандистами он явно страдал.

Его терзала головная боль. Каждый шаг коня доставлял ему неслыханные мучения. Его раздражало все: и тихая погода — сейчас бы был так кстати свежий морской ветерок, — и эта девчонка, которую ничем не проймешь. Вот и теперь едет и с любопытством озирается, как будто не она всю ночь орала песни в таверне. Наконец он не выдержал и спешился. Идти оказалось легче, но гнедой, бредущий следом на поводу, дышал теплом прямо в затылок, что усиливало раздражение мужчины.

— Не пора ли нам передохнуть? — Файрад отвязал бурдюк с водой и уселся на придорожный камень.

— Ты проголодался или жажда замучила? — Девушка разглядывала своего спутника с деланным сочувствием.

— Уйди, и без тебя тошно,— вяло огрызнулся тот.

— Понятно, есть ты не хочешь.— Соня открыла корзину, где лежала всевозможная снедь.— А я, пожалуй, перекушу. Не пропадать же такой вкуснотище. У меня здесь такой аппетит разыгрался. От морского воздуха, наверное.

Она достала лепешки и жареную рыбу, которыми ее снабдил хозяин таверны.

— Здорово здесь рыбу жарят,— не унималась девушка.— Посмотри, какая замечательная золотистая корочка. Нисколько не пригорела. А мясо нежное, сочное и прожарено хорошо. Вообще, вкусно готовить — большое искусство. Этого я совсем не умею. Так, что-нибудь на скорую руку, по-походному, на костре.

— Ну, слава Митре, хоть чего-то ты не умеешь,— уныло усмехнулся мужчина.

От запаха пищи его стало мутить. Чтобы не показать свою слабость, он отошел подальше от разговорчивой companionки и, ничего не подстелив, лег на жесткую траву в тени чахлого придорожного куста.

— Ты куда отправился? — Соня огляделась, ища глазами Счастливчика.— Говорят, есть всякие чудо-эликсиры, помогающие избавиться от похмельных мук. Надо было запастись. Или ты думал, что мы будем путешествовать по богатым домам от одной изысканной трапезы до другой? — девушка широко ухмыльнулась.— Простой люд, конечно, пьет что попроще, и закуска у них не-мудрящая, но зато все чисто и честно. Ты еще не

знаешь, чем твой дружок Арудж снабдил своего доверенного прислужника.

Файрад поднял голову и с удивлением посмотрел на Соню:

— Что ты узнала? Когда?

— Да пока ты там страдал, я заглянула в мешки Исхара. Вот, позаимствовала веревки, кирку, факелы, а еще нашла интересный кувшинчик с эликсиром, который избавляет от недомоганий раз и навсегда.

— Не может быть! — Счастливчик подскочил на месте.— Арудж — скряга, жулик, вор, но он купец, а не убийца.

— Наверное, когда купеческий нос чует сокровища, о которых рассказывают легенды,— девушка неторопливо облизала пальцы,— хозяин этого носа легко поступается своими правилами.

Соня сложила остатки еды в корзину и пошла побродить по склону, оставив спутника размышлять над услышанным. Неожиданно она увидела под ногами знакомую пряную травку с мелкими листиками. Сорвав ее, девушка вернулась к Счастливчику.

— На, пожуй эти листики,— она протянула ему свою находку,— легче станет.

Резкий вкус травы сначала не понравился Файраду, и он хотел выплюнуть ее, но ему было тяжело даже повернуть голову. Однако через некоторое время мужчина с удивлением обнаружил, что ему действительно становится легче.

Полежав еще немного, Счастливчик почувствовал, что может продолжить путь. Соня больше не

приставала к нему с насмешками, а сидела на краю обрыва, с интересом глядя на морские волны.

— Наверное, поменяется погода,— сделала она неожиданный вывод.

— С чего ты взяла?

— Море меняет цвет,— она указала рукой вдаль.— Я еще вчера заметила, что вода меняет цвет перед тем, как поменяется погода.

— Ну и что нас ждет, уважаемая прорицательница? — Файрад решил хоть немного поквитаться с ней.

Соня почувствовала издевку и ничего не ответила, продолжая разглядывать морскую даль.

— А что это за трава, которую ты дала мне? — нарушил молчание Счастливчик.— Откуда ты ее знаешь?

— Я много всяких трав знаю,— неохотно отозвалась девушка.— Одно время я жила у аптекаря и помогала ему собирать растения. Я много всяких трав знаю,— повторила она.— И целебных, и ядовитых, так что отравить меня довольно трудно.— И помолчала немного.— Мне кажется, ты уже в состоянии ехать дальше. Мы здесь и так слишком долго задержались.

— Покажи мне эту травку.— Мужчина с трудом поднялся с земли.— Кажется, сегодня я буду есть только ее.

Девушка показала ему неприметное растение с мелкими серебристыми листьями, росшее на склоне.

— Найти их проще всего по запаху.— Соня сорвала листок и размяла его пальцами. Файрад

ощутил пряный освежающий аромат.— Жаль только, что встречается редко.

После отдыха животные бодро шли по каменистой дороге. Под действием травы и свежего воздуха к Счастливчику вернулась способность мыслить. Он подумал о предстоящем ночлеге, о трудностях, которые могут возникнуть во время стоянки в пустынном месте, вблизи загадочного проклятого залива. Он припомнил все неприятности, свалившиеся на него за время пути, и вдруг ясно осознал, что он до сих пор жив и здоров только благодаря Соне. Это открытие поразило его.

Чтобы хоть немного унять досаду, Счастливчик мысленно сравнил свою жизнь и жизнь девушки. Он попытался представить Соню на празднике во дворце властителя и с удивлением понял, что и там несносная девка вполне могла оказаться на месте. В конце концов, решил он, жизнь крупного купца, вельможи, придворного не менее сложна, чем жизнь бродяги, искателя приключений, но гораздо более удобна.

Файрад довольно усмехнулся. Живой ум, красота и умение быстро приспосабливаться к обстоятельствам — ничто по сравнению с его удачливостью. Счастливчик вспомнил об орехах иркала и о том везении, которое они ему подарили. Соня — это лишь звено в бесконечной цепочке его удач. Он добудет чудесный талисман и навсегда рассчитается с колдуньей, а заодно и избавится от общества нищей девки.

Мысли Файрада летели вперед, рисуя картины блестящего будущего. Ему вдруг пригрезился пу-

стой тронный зал во дворце правителя Лагоша, и он на миг даже испугался смелости своей мечты... А почему бы и нет? Файрад выпрямился в седле, словно уже сидел в праздничной ложе у дороги процессий.

Из задумчивости его вывел голос Сони.

— Ты уснул, господин мой? — она уже не первый раз окликала его.— Похоже, что мы сегодня не доберемся до залива Нергальей Пасти. Днем потеряли много времени.

— Значит, доберемся завтра.— К Счастливчику вернулся его обычный тон.— Залив никуда не денется.

— Мой господин! Ты оставил свой ум в таверне вместе с недопитой кружкой так понравившегося тебе вина! — Девушка не скрывала раздражения.— Если мы не успеем до полнолуния, то будем сидеть на берегу и жрать ракушки еще две седьмицы!

— Почему? — искренне удивился ее спутник, забыв рассердиться на насмешку.

— Да потому, что вход в пещеру открывается только во время большого отлива, а он бывает только в полнолуние и новолуние.

Файрад был поражен и напуган. Ведь пещеру еще надо найти. Ничего не ответив, он пришпорил коня. Дорога вела путников на запад. Заходящее солнце светило прямо в лицо. Счастливчик пытался смотреть в стороны, вниз, закрывать глаза, доверяясь коню,— ничто не помогало. Перед взором мужчины мелькали темно-зеленые, почти черные пятна, мрачные как вход в логово колдунья. Их окружала красная пелена, яркая словно

пламя в ее очаге. «И не вздумай меня обмануть»,— ясно прозвучали в голове Файрада слова Горной ведьмы. Он попытался стяхнуть с себя наваждение, но хриплый голос настойчиво звучал в голове снова и снова. Чтобы отделаться от морока, Счастливчик заговорил с Соней.

— Скоро начнет темнеть. Нам надо выбрать место для ночлега.

— Именно этим я и занимаюсь, но пока ничего подходящего мне не попалось.— Всадница осмотрелась.

Лошади по-прежнему шли неторопливой рысцой по каменистой тропе. Впереди открылось скалистое плато, круто обрывающееся в море. Внизу волны разбивались об отвесные скалы.

— Здесь животным нечего есть, да и нам не укрыться ни от ветра, ни от чужих глаз. Надеюсь, что мой господин согласен со мной.

Счастливчик молча кивнул, и они поехали дальше. После длинного пологого спуска дорога опять круто пошла вверх. Лошади перешли на шаг. Соня, жалея Ману, спешилась и повела ее в поводу за собой. Животные звонко цокали подковами о камни.

— Хорошо, что мы перековали лошадей в Асгалуне. Иначе им бы здесь пришлось туго. Я слышала, что есть порода коней с такими твердыми копытами, что их подковывать не нужно, бегают по любым склонам как горные козлы.— Девушка вопросительно посмотрела на Файрада.

— Да, есть,— подтвердил Счастливчик.— Вернее были. Стояли в конюшне властителя Лагоша. Говорят, что еще его предки вывезли лошадей отку-

да-то с востока. Да только на благодатной лагошской земле они выродились.

— Ну, не они единственные,— заметила спутница.

— А кого ты знаешь еще? — Файрад не понял злой насмешки.

Соня не ответила. Она уже достигла вершины скалы и внимательно смотрела вниз. Там открывалась небольшая, спускающаяся к морю ложбина. Неподалеку на склоне виднелся островок высокой травы и несколько кустов. «Наверное, там источник,— обрадовалась путница.— Это то, что нам сейчас нужно».

Не дожидаясь, пока ее догонит Файрад, девушка направилась к зарослям. Облюбованное место оказалось удивительно удачным. Вода была чистой и приятной на вкус, травы вдоволь для всех животных, а несколько крупных валунов помогут укрыться и от ветра, и от взглядов случайных путников. Вскоре к ней подъехал Счастливчик.

— Я думаю, здесь нам и стоит остановиться.— Файрад спешился и с удовольствием напился свежей воды из источника,

— Вы правы, мой господин, как всегда. Тут мы и заночуем. Надеюсь, что все чудовища, о которых нам толковали, гнездятся не здесь.

Соня стреножила Ману и пустила ее пастьись. Этот день не показался девушке тяжелым. Они прошли не так уж много, а дневной отдых сберег силы. Ей захотелось пройтись, чтобы осмотреть противоположный склон ложбины, пока солнце еще не село.

Девушка бодро шла вверх в тени склона. Поднявшись повыше, она оглянулась. Как она и ожидала, ни Файрада, ни животных видно не было. Валуны надежно скрывали их. Выйдя из ложбины, Соня замерла, пораженная представшей перед ее глазами картиной. Она увидела узкий, глубоко вдающийся в сушу залив. Совсем близко от берега, не дальше полета стрелы, над водой возвышались несколько небольших темных островков. За ними виднелся высокий скалистый противоположный берег.

Открытое море, голубевшее слева, казалось почти спокойным. В заливе же вода бешено бурлила. То здесь, то там над поверхностью взметались остроконечные крутые волны. Вместо привычного мерного рокота прибоя море издавало тихое змеиное шипение.

Уняв внезапно охвативший ее страх, Соня села на камень. «Отлив»,— подумала девушка. Она сидела и смотрела на беспорядочную толчею волн, пока море не успокоилось. «Действительно, Нергалова Пасть. Лучше не скажешь». Изъеденные морской водой и ветром островки, выстроившиеся в неровную цепь, напоминали гнилые зубы гигантской мерзкой твари.

Солнце село. Не оглядываясь, Соня отправилась в обратный путь. Счастливчик устраивался на ночлег. Он развел костер, достал из вьюков толстые шерстяные одеяла и теперь занимался приготовлением ужина. Услышав шаги, он схватился за саблю и отступил в тень, но когда увидел девушку, спрятал оружие и вышел к огню.

— Куда ты пропала? — он явно был встревожен. — Нам наговорили об этом месте столько всяких ужасов, а ты бродишь где-то...

— Нет, мой господин, нам говорили о другом месте. — Соня улыбнулась, глядя на обеспокоенного Счастливчика. — С ужасами мы встретимся завтра, вон за тем холмом.

— О чём ты говоришь? — Файрад пытливо посмотрел на девушку.

— Всех чудовищ я, конечно, не видела. Но после того, как ты поглядишь на море, бурлящее при безветрии и шипящее как змея, любая ведьма покажется тебе красавицей из твоего гарема.

Соня подсела к костру и принялась за еду, не дожидаясь спутника.

— Может быть, ты все-таки расскажешь о том, что видела? — в голосе мужчины прозвучали раздражение и обида.

— Волны там действительно жуткие. Боюсь, что и остальное окажется не лучше. Но ты же не веришь в мои предсказания. — Соня припомнила компаньону его насмешку. — Завтра сам все увидишь. Мы почти у цели.

Она подбросила хвороста в костёр и стала укладываться спать. Файраду было не по себе. Он хотел побольше узнать о заливе, поговорить о том, что им предстоит, но гордость удерживала его. «Да и вообще надо быть поосторожнее с этой шальной девкой, особенно теперь», — решил купец.

Он пошевелил угли, и затухающий огонь вспыхнул с новой силой. Счастливчик подумал, что поддерживать его всю ночь не стоит — погода теплая,

а кто знает, каких людей может привлечь свет костра. Он повернулся к Соне, чтобы обсудить с ней это, но девушка уже спала. Файрад растянулся на кошме, решив подождать, пока погаснет костёр. В голову лезли мрачные мысли.

Арудж учゅял запах золота и, не колеблясь, приворил их к смерти. Лагошец, конечно, знал, что путь к богатству часто лежит через предательство и преступления. Но, привыкнув к дарованной ему Горной ведьмой удаче, стал вести себя неосмотрительно с давно знакомыми людьми. Коварство асгалунца поколебало уверенность Файрада в себе. А то, что он никак не мог разгадать мотивы поведения своюенравной девчонки и найти верный тон в общении с ней, заставило его усомниться в умении разбираться в людях.

Огонь медленно угасал. Несколько красных как рубины углей светились на фоне остывающего седого пепла. В траве звенели цикады, пискнул какой-то мелкий зверек. Звездная ночь казалась полной жизни. Файрад повернулся на бок и закрыл глаза.

К полуночи неожиданно подул свежий ветер с моря. Луна то выглядывала из-за рваных, быстро бегущих по небу облаков, то скрывалась за ними. В ложбине за валунами путники были защищены от ветра, но чутко спавшая девушка проснулась от смутного ощущения тревоги. Приподняв голову, она спросонья не могла понять, что изменилось вокруг. Соня вскочила на ноги и при свете луны огляделась. От тишины и покоя летней ночи не осталось и следа. Особенно поразило девушку поведение животных — они сбились в кучу, Ману и

конь Файрада тихо испуганно ржали. Путы не давали им убежать из ложбины, в которой они чувствовали себя в опасности.

Соня стала расталкивать крепко спящего Счастливчика.

— Проснись, господин мой,— она трясла Файрада за плечо, но утомленный предыдущей бессонной ночью и дневными мучениями он крепко спал.— Вставай, толстокожий боров! — Девушка пнула его носком сапога.

Наконец, напуганный Сониными воплями, мужчина вскочил на ноги. Ветер усиливался. Его порывы стали проникать в укрытие, пригибая к земле траву и кустарники. В воздухе летал пепел, поднятый надвигающейся бурей из потухшего костра. И земля, и воздух были наполнены непонятно откуда исходившим гулом. Файрад прислушался.

— Землетрясение. Скоро начнется землетрясение! — Счастливчик бросился к вещам и начал собирать одеяла, сумки, выюки. Порывистый ветер мешал ему.— Надо уходить отсюда. Скорее, скорее бежать...— как заклинание повторял купец.— Предупреждали же, что это проклятое место.— Ветер срывал слова с его губ и уносил вдали.— Что ты стоишь и глазеешь по сторонам, как на базаре? — закричал он на Соню и стал подталкивать ее к лошадям.

— Куда ты собрался? — девушка ловко оттолкнула его ногой.— Если это землетрясение, то нам лучше остаться здесь.

— Ты сумасшедшая! Мы погибнем на этих скалах.— Мужчина затравленно огляделся.

— Успокойся, ты же опытный путешественник. Вспомни: во время землетрясения на открытом месте безопаснее всего! — Соня кричала, стараясь перекрыть нарастающий гул.

Ее слова немного успокоили Файрада. Он перестал метаться и судорожно хватать вещи. А девушка, пригнувшись почти до земли и осторожно ступая, пошла к животным. И лошади, и мул были напуганы не меньше людей. Ману, почувствовав хозяйку, жалобно заржала. Соня обняла ее за шею и почувствовала, что кобыла дрожит.

— Девочка моя дорогая.— Соня быстро обернула морду лошади своим плащом.— Что же ты так испугалась? Мы же с тобой не чета изнеженным вельможам, нам всякое приходилось переживать. Ну, успокойся!

Соня продолжала тихонько успокаивать Ману, да и себя тоже. Кинувшийся к своему гнедому Файрад удивленно покосился в их сторону: оказывается, эта ехидная девица может быть нежной и ласковой. Слушая негромкие слова спутницы, хотя и обращенные не к нему, Счастливчик тоже стал успокаиваться.

Перемена произошла и в природе. Словно вняв Сониним уговорам, буря начала стихать. Животные первыми почувствовали это. Они перестали жаться друг к другу, а разбрелись в стороны и стали пощипывать траву.

Сильные порывы ветра еще бушевали где-то в вышине, в посветлевших небесах. Как испуганные овцы быстро бежали облака, меж которыми виднелось звездное ночное небо и проглядывала луна.

Файрад пошел собирать разбросанные бурей и им самим вещи. Стряхнув песок и пепел с одеял, Соня и Счастливчик улеглись у потухшего костра. Говорить не хотелось, а сон никак не приходил. Лежа с открытыми глазами, девушка чутко прислушивалась к доносившимся до нее звукам. Ее тело ощущало подрагивание земли в такт шуму прибоя.

— Эй, господин мой,— Соня знала, что ее спутник тоже не спит,— ты ничего не чувствуешь?

— Чувствую,— отозвался он немного погодя.

— А что? — девушке хотелось проверить свои ощущения.

— Мне кажется, что земля подо мной вздрагивает.— Файрад говорил шепотом, словно боялся кого-то потревожить.— Как будто там, в глубине, кто-то бьется и не может выйти наружу.

Соня приподнялась на локте, внимательно слушая Счастливчика.

— Мне тоже так кажется, но это не землетрясение, да и, наверное, не обещанные нам чудовища.

— Но что же это?

Соня не ответила. От смутной догадки ей стало не по себе. «Неужели скалы дрожат от волн, бьющихся в стены подводной пещеры? — Она поежилась, представив сырой мрак подземелья и бушующую в нем стихию.— Сколько же тут этих пещер? Как среди них отыскать нужную?» Вопросы возникали один за другим. Размышляя над ними, девушка и не заметила, как уснула.

Утром путников разбудило яркое солнце. Ничто не напоминало о ночной буре. Животные спокойно паслись невдалеке, в высокой траве. Перекусив

холодным мясом и напившись вкусной ключевой воды, Соня и Счастливчик стали собираться в путь. Поднявшись по склону ложбины, они увидели залив — цель их путешествия. Словно принарядившись к приходу гостей, он выглядел мирным и привлекательным. Освещенные ярким солнцем острова и скалы противоположного берега походили то на причудливые здания, то на фигуры невиданных животных. Голубая вода казалась спокойной, и только как память о ночном шквале у подножия отвесного берега разбивались тяжелые волны.

— Что же здесь так обеспокоило тебя вчера вечером? — Файрад удивленно взглянул на Соню.

— Море, господин мой.— Девушка смотрела вдаль.— Сейчас оно только прикидывается добрым и ласковым. Ты еще увидишь, что начнется во время отлива.

— Все пытаешься запугать меня своими мрачными предсказаниями, прорицательница? — усмехнулся Счастливчик.

— А ты забыл, как кто-то метался ночью, квохча словно испуганная наседка? — она внезапно разозлилась.— Вот тебе залив, вот тебе острова, ищи свою пещеру сам!

Файрад испугался, что взбалмошная девка действительно может бросить его одного, не посмотрев, что цель близка, но быстро овладел собой.

— Да, ты оказалась права — ночь была страшная. Я помню, как ты говорила днем, что погода изменится.

Соня удовлетворенно хмыкнула. Она продолжала пристально смотреть на залив.

— Ты знаешь, что меня удивляет? — Девушка повернулась к Счастливчику и сама ответила на свой вопрос: — То, что здесь много островов.

— Но почему?

— Не знаю — почему. А ты что-то знаешь, да помалкиваешь. Теперь выкладывай все: о талисмане, о пещере, о сокровищах! Хватит скрытничать, иначе толку от нашего путешествия не будет никакого. — Она не скрывала своего раздражения.

Файрад помрачнел, вспомнив жилище Горной ведьмы. Неожиданно глухим голосом он произнес:

— Талисман лежит в пещере на пустынном западном побережье. Тот, кто принесет тебе орехи, найдет пещеру и талисман.

— А кто это направил тебя так точно?

— Ведьма, живущая в горной пещере. Разве ты не была у нее?

— Я?! Нет. Я наткнулась на старуху в зеленом лесу в двух днях пути от вашего города. Она вела отнести орехи в Лагош, продать их и бежать оттуда без оглядки.

Файрад был поражен.

— Как же так?

— А вот так. Пожалела она меня. Видно, знала, что меня ждет после встречи с тобой. А твоя Горная ведьма — просто злобная гадюка.

— Белая кобра, — прошептал Файрад, вздрогнув. Он вспомнил шипение огромной змеи, стегнувшей вход в пещеру. Опомнившись, он спросил: — Как же ты узнала про талисман, про залив и острова?

— Встретился мне один человек, наделенный удивительным даром. Он и открыл мне то, что смог, да, видно, не все, что нужно. Между прочим, он тоже советовал мне бежать подальше от тебя. Этот человек сказал, что пещера находится на берегу залива напротив острова. Вход в нее под водой, и открывается он только во время большого отлива.

— Так как же узнать, на каком берегу находится пещера и какой остров укажет нам вход в нее? — Мужчина растерянно уставился на морские волны.

Полдень прошел. Не чувствовалось даже слабого дуновения ветерка, но спокойная вода в заливе пришла в легкое движение.

* * *

Водовороты, бурлящие в заливе, громкое земное шипение, исходившее от них, снова напомнили Счастливчику логово Горной ведьмы.

— Вот теперь смотри, — Соня указала на поднявшиеся волны. — Это идет прилив. До вечера будет стоять высокая вода. Вечером — отлив. Его-то я вчера и видела. — Девушка помолчала. — За время, оставшееся до полнолуния, мы должны отыскать пещеру.

Файрад слушал ее вполуха. Вид вздымающегося пенистыми гребнями моря угнетал его.

— Как же нам отыскать нужную пещеру? — безнадежно повторил он свой вопрос.

— Если будем стоять тут, рассуждать да прикидывать, то никогда и ничего не найдем. — Соня хлопнула Ману по боку, посыпая вперед: — Поехали.

Они повернули вдоль берега залива, и море легло по левую руку от всадников. Далеко впереди высились скалистые горы. Над одной из вершин висело большое белое облако. Ветер, подувший с моря, никак не мог унести его. Через некоторое время путники достигли широкой каменной террасы, тянувшейся вдоль побережья. Справа над ними нависали крутые скалы.

— Здесь действительно совершенно безлюдные места, — заметила девушка. — Ни до рыбачьей деревни, ни после нам не встретилось ни одного человека.

— Мы столько вымыслов наслушались об этом заливе от разных людей, — отозвался Файрад, — но в одном все были единодушны — эти скалы наводят ужас.

Словно в подтверждение его слов тяжелая волна с рассерженным гулом разбилась об отвесный склон берега и оросила путников солеными брызгами.

Девушка неотрывно смотрела на цепочку вставших среди бешеных волн островов. Пока они ехали вдоль берега, форма и расположение этих каменных громадин уже несколько раз поменялись.

Дорога вела под уклон, и вскоре край каменной террасы оказался всего в нескольких локтях над поверхностью моря.

— Интересно, что здесь творится, когда налетает буря? — Всадница внимательно разглядывала коричневые влажные комья какой-то растительности, валявшиеся на камнях и смягчавшие стук ко-

пыта. Чтобы получше рассмотреть эти непонятные комки, Соня спешлась. Наклонившись, она почувствовала резкий запах моря — оказалось, это обрывки водорослей, выброшенные морскими валами, докатившимися сюда прошлой ночью. — Если мы здесь застрянем, то нас смоет первой же волной во время шторма. — Девушка показала пучок водорослей Счастливчику. Файрад невольно пришпорил коня. Компаньонка последовала за ним.

Дорога пошла вверх, и темные комья исчезли из-под копыт лошадей. Путешественники немногого успокоились.

— Место для лагеря надо найти на этой стороне залива. — Соня обогнала спутника и остановила кобылу. — И прежде всего такое, чтобы было недалеко до родника.

Файрад покачал головой:

— Я думаю, нам стоит проехать дальше. Здесь местность уж очень унылая. Наверное, тут действительно обитают злые демоны.

Девушка насмешливо хмыкнула, но не стала спорить.

Путники не спеша двигались дальше, отпустив поводья. Лошади и мул, предоставленные самим себе, держались подальше от обрывистого края террасы. Здесь, у подножия скал, на узкой полоске почвы, принесенной ветром и потоками воды с гор, зеленела чахлая трава. Постепенно скалы отодвинулись от берега, уступая место кустарнику. Дорога опять пошла вниз, и вновь появились комья бурых водорослей, указывая места, опасные в шторм.

Проехав так некоторое время, путешественники решили сделать привал. Травы было слишком мало, и Файрад принялся доставать из выюков торбы и овес. Соня разожгла костер и занялась приготовлением еды. Усевшись напротив, Счастливчик что-то недовольно пробормотал по поводу припасов.

— Чем ты недоволен, господин мой? — девушка недоуменно посмотрела на разложенную на камнях пищу: лепешки, фасоль, вяленое мясо, сушечные дыни и абрикосы. — Мне кажется, что все это не так уж плохо.

— Наших запасов съестного надолго не хватит. — Мужчина озабоченно потянулся к переметной суме со снедью.

— А оружие у нас на что? — удивилась Соня. — Конечно, морские птицы — это не горные куропатки, но с голоду мы не помрем. Одно мне непонятно: ты что, поселился здесь собрался? — Она насмешливо взглянула на спутника. — Если мы не найдем пещеру до ближайшего большого отлива, нам так или иначе придется уходить.

— Как это — уходить? Ты соображаешь, что говоришь? Мы не можем уйти, не найдя талисман! Нельзя... — Лагошец был взволнован, растерян, испуган.

— Нельзя, ну и оставайся! — девушка разозлилась. — Распритчился. Захочу и уйду.

Тут ее внимание привлекла Ману. Освобожденная от седла и выюков кобыла тыкалась мордой в скалу и что-то старательно слизывала. Соня резко вскочила и подбежала поближе. По камню

текла тонкая струйка. Девушка подставила руку, а затем лизнула мокрую ладонь. Пресная вода! Надо только сбрызнуть ее. Соня обернулась к костру. Счастливчик сидел на прежнем месте и отрешенно жевал узкие полоски вяленой дыни.

— Ночевать мы будем здесь! — крикнула девушка. — Ману нашла пресную воду.

Соня неторопливо вернулась к костру. Она взяла длинную ленту вяленой дыни и, устроившись на подстилке, с удовольствием принялась за еду. Прямо над девушкой, чуть шевеля крыльями, почти неподвижно висели морские птицы. «Словно воздушные змеи на празднике весны в Шеме. Только нитей нет». Соня блаженно сощурилась, глядя в яркое голубое небо и подставляя лицо теплым солнечным лучам.

Файрад уже давно перестал удивляться резким переменам в настроении своей спутницы. Вот только что она злилась и кричала, что не останется здесь, а теперь улеглась и мечтательно смотрит в небо, как будто уже достигла желанной цели.

— Кем ты так довольна? С собой или своей кобылой? Нам надо заняться поисками, а не понапрасну валяться и терять время.

— Ты, как всегда, прав, господин мой. И как ты предлагаешь искать?

— Мы должны ехать дальше.

— Ты знаешь куда? Мы можем объехать весь залив, полюбоваться на острова и морских птиц... А потом окажемся у открытого моря с пустыми руками.

— Что же ты предлагаешь?

— Ничего. Давай подождем. Скоро начнется прилив, и, возможно, море само подскажет нам, где пещера.

Файрад кивнул. Постояв, он взял пустой бурдюк и пошел к родничку, найденному лошадью. Поймать в кожаный мешок текущую по скале тонкую струйку ему не удалось. Подумав, он подобрал палочку и укрепил ее в трещине в камне, опустив другой конец в узкое горло бурдюка. Затем купец подпер сооружение голышами и отошел, любуясь делом своих рук. Вода послушно текла по палочке, наполняя кожаный сосуд. Соня, издалека наблюдавшая за действиями Счастливчика, довольно улыбнулась. Впервые за время путешествия вельможа проявил смекалку. Когда Файрад вернулся к костру, девушка не удержалась от похвалы:

— Молодец. Еще немного — и не такое придумаешь.

Счастливчик стал молча распаковывать выюки, готовясь к ночлегу. Посмотрев на клоняющееся к западу солнце, Соня решила пройти дальше вдоль берега. Она взяла Ману за повод и медленно пошла с ней к обрывистой кромке суши. Неширокая полоса воды отделяла берег от островов. Девушка уже который раз пересчитывала каменные громадины, не переставая думать о том, какая же из них указывает вход в пещеру. Соня вспомнила, что, когда они вышли к заливу, она насчитала семь островов. Сейчас было видно пять из них. Путница пошла дальше, глядя на толчью волн у отвесных скал. Оглянувшись, она увидела только три силуэта на фоне закатного неба. Пройдя еще с сотню

шагов и взглянув на залив, она смогла различить лишь одинокую темную гору, поднимающуюся из воды. Размышая о событиях последних дней, Соня пошла дальше. Лучи заходящего солнца били ей прямо в глаза. За спиной цокали копыта Ману. Девушка еще раз, уже машинально, посмотрела в сторону островов — их было два, большой и маленький. Она резко остановилась. От мелькнувшей догадки перехватило дыхание. Соня быстро сделала несколько шагов назад, не сводя глаз с островов. С каждым шагом небольшая скала, вздымавшаяся из воды, как бы приближалась к самой большой, пока не слилась с ней. Решив проверить догадку, она прошла еще. Через несколько шагов ее взгляду открылся пролив, отделяющий ближайший остров от соседнего.

«Снова два», — все еще не веря в удачу, подумала девушка. Она опять и опять проходила вдоль берега и возвращалась, останавливаясь на месте, с которого был виден только один остров. Соня легла на землю, осторожно подползла к невысокому обрыву и свесила голову, стараясь разглядеть отверстие в скалистой стене. Как тогда, страшной ночью во время бури, девушка почувствовала дрожь почвы под собой и странный гул, исходящий неизвестно откуда. Какое-то время Соня лежала неподвижно, прислушиваясь к таинственным звукам. «Пещера действительно здесь!» От неудобной позы, от вида беспрерывно накатывающих волн, от радости победы у девушки закружилась голова. Осторожно откатившись от края, она долго смотрела в высокое безоблачное небо.

Поднявшись, Соня огляделась, ища Ману. Ко-была, прижав уши и тревожно фыркая, что-то об-нююхивала на каменной осыпи рядом с небольшим клочком земли, поросшим полынью. Девушка по-дошла к лошади.

— Ты тоже что-то ищешь? — Она наклонилась к земле. Резкий, горький запах полыни напомнил Соне о детстве. — Пойдем. Нам предстоит трудный день.

Радостное возбуждение сменилось усталостью. Взяв Ману под уздцы, девушка пошла к костру, где ее ждал Счастливчик. Он был поражен, уви-дев ее измученное, осунувшееся лицо.

— Что случилось?

— Я нашла пещеру. Завтра с восходом солнца вход в нее должен открыться. Второй раз море отступит на закате. Мы можем пробыть там целый день, но я думаю, что будет лучше уйти сразу. Мы должны управиться побыстрей.

— Как тебе удалось найти ее? — Файрад был потрясен. — Против которого из островов находится вход в пещеру?

— Против всех. Я все покажу тебе завтра, а сейчас я хочу есть и спать. Нам придется встать очень рано.

Несмотря на усталость, Соня долго лежала без сна. В ее голове теснились мрачные мысли. Затем ей вспомнился Ло Юнь, и теплое чувство благо-дарности наполнило душу девушки. Он ведь чуть не умер, открывая ей тайну пещеры. Тогда оре-хи вернули ему силы. Вспомнив о плодах иркала, Соня открыла сумку и достала их. Она скажа оре-

хи в ладони и покатала их так, как это делал ста-рый кхитаец. Вскоре она почувствовала спокой-ствие и уверенность в своих силах. Девушка по-вернулась на бок и крепко уснула. Ей снились парящие в голубом небе белые чайки и разноцвет-ные воздушные змеи...

Взошла луна, и по морю протянулась серебря-ная дорожка, мерный рокот волн не тревожил людей.

* * *

Соня и Счастливчик поднялись, едва забрезжил рассвет. Путешественники не стали разводить ко-стер и решили перевезти всю свою поклажу побли-же к пещере.

Вода залива в рассветных сумерках казалась гладкой как зеркало. Стих шум разбивающихся о берег волн. Море замерло в ожидании большого отлива.

Разбирая выюки, девушка с удовлетворением отложила позаимствованные у Исхара веревки, кирку и факелы.

— Зачем ты берешь кирку? — Файрад повертел ее в руках и бросил на землю.

— На всякий случай. Кто знает, что там вни-зу. И оружие не забудь. — Соня поправила кинжал на поясе.

Вспомнив рассказы о чудовищах, спутник не стал возражать. Солнце взошло. Со стороны залива послышалось шипение.

Файрад вопросительно посмотрел на девушку.

— Начался отлив, — проговорила она.

Девушка подошла к обрыву, к выступу, под которым, по ее расчетам, должна находиться пещера. Время тянулось медленно. Глядя сверху, Соня следила, как все ниже и ниже опускается слегка колышущаяся гладь воды. Соня видела распластавшиеся по поверхности коричневые водоросли. «Все ли я взяла? — думала девушка, окидывая взглядом подготовленные к спуску вещи. — Наверное, что-нибудь все-таки забыла».

Файрад бесцельно бродил по берегу, изредка с опаской оглядывая местность.

Девушка взяла в руки короткий широкий нож с толстым клинком, позаимствованный из имущества Исхара, и по рукоятку загнала его в щель в скале, затем привязала к нему конец веревки. Она долго с силой дергала и тянула веревку, проверяя надежность крепления, и наконец бросила моток с обрыва.

Выпрямившись, Соня поисками глазами спутника и с удивлением обнаружила, что кроме сабли он привязал к поясу объемистый мешок. «А я и не догадалась взять с собой дорожную сумку, — спохватилась девушка, — а этот лавочник готов и мула с собой прихватить».

Сбегав за сумкой, Соня взялась за веревку.

— Я спускаюсь первая, и если все в порядке, то позову тебя.

Девушка села на край обрыва и обмотала веревку вокруг ноги. Спускаться оказалось легче, чем она ожидала. До поверхности воды оставалось уже совсем близко, но входа в пещеру видно не было. Соня продолжала спускаться. Вместо на-

дежного шероховатого камня под подошвами сапог заскользили водоросли. Девушка вцепилась в веревку. Теряя уверенность, она огляделась по сторонам и вдруг слева от себя у самой воды увидела черный провал в обросшей водорослями стене. Он был невелик, формой напоминал расщелину, переходящую вверху в узкую трещину. Цепляясь за водоросли, Соня подтянулась к входу в пещеру. Нашупав ногой его скользкий нижний край, девушка опасливо ступила на него и просунула голову в провал. Когда глаза привыкли к темноте, она разглядела низкий узкий проход, ведущий наверх. Девушка перевела дыхание. Она крепко ухватилась за водоросли и отпустила веревку.

— Ну, что там? — раздался голос Файрада. — Ты нашла вход в пещеру?

— Спускай факелы и кирку, а затем спускайся сам, — велела девушка.

Вскоре мешок с указанным грузом оказался у входа в пещеру.

Соня достала огниво и стала зажигать факел. Вдруг за спиной раздался громкий крик и всплеск. «Неужели веревка оборвалась?» Девушка осторожно выглянула наружу. Веревочный жгут был на месте. Рядом со входом, беспорядочно молотя руками по воде, пыхтел и отлевывался оглушенный падением купец. Развязав мешок, Соня вытащила кирку и протянула ее Счастливчику.

— С прибытием, мой господин, — Соня с усмешкой оглядела его мокрую фигуру. — Вот и кирка пригодилась.

Нахлебавшийся воды Файрад мучительно откашивался. А девушка закрепила конец веревки на стене и снова взялась за огниво. Факел, наконец, разгорелся. Его неровное пламя осветило мокрый скальный свод.

— Идем. Бери факелы и кирку.

Счастливчик подхватил мешок и, взяв из рук Сони горящий факел, полез вперед.

Свод опускался все ниже и ниже, идти пришлось согнувшись. Зацепившись одеждой за камень, девушка немного отстала от Файрада. Она видела, как Счастливчик с факелом скрылся в темном отверстии. Соня смогла разглядеть впереди лишь слабые отблески огня. «Наверное, вышел в зал» И она полезла быстрее. Внезапно подземную тишину разорвал пронзительный, наполненный ужасом вопль. За ним последовали глухой удар и грохот падающих камней. Девушка мгновенно замерла и прислушалась. «Неужели опять свалился, а может быть, там действительно чудовище?» Она попыталась расслышать хоть какие-то звуки: шорох движения или шум дыхания, но было тихо. Соня осторожно двинулась вперед, ощупывая руками дорогу. Камни стали сухими. Через некоторое время проход внезапно расширился. Девушка остановилась: видимо, именно здесь что-то случилось с Файрадом. Глубокая тишина, казалось, давила на уши. Привыкшие к темноте глаза начали различать впереди слабые мерцающие пятна. Вглядевшись, Соня увидела огромные светящиеся глаза и зубастую пасть. Она замерла. «Вот оно, чудовище». Рука привычно легла на рукоять кинжала. Сжал

пальцы, девушка не отводила взгляда от ужасающего монстра. Время остановилось. Соня боялась шелохнуться и ждала нападения. Все ее тело затекло от неудобной позы. Потеряв равновесие, девушка переставила ногу. Шорох камней гулко отозвался под сводом пещеры. Соня показалось, что чудовище вот-вот кинется в атаку, но оно не двигалось с места. Девушка топнула ногой, а затем, нащупав рядом обломок скалы, швырнула его в сторону страшных глаз. Камень ударился о камень, однако в тишине послышался слабый человеческий стон.

— Нергалово отродье, опять провалился, но теперь уже с факелом,— выругалась Соня.

Сделав шаг вперед, она наткнулась на Файрада. Он вновь тихо застонал. Девушка не сдержалась и пнула его носком сапога.

— Вставай, что разлегся, как под боком любимой жены?

— Чудовище! — простонал Счастливчик.

— Глупости. Факел, где факел? Надо зажечь огонь.— Соня наконец нащупала мешок со снаряжением.

Красноватое коптящее пламя открыло ее глазам удивительную картину: прямо перед ней возвышался огромный выступ скалы. Чьи-то искусственные руки придали ему форму изготовленного к прыжку гигантского монстра. На его голове сверкали перламутровые глаза и зубы. При колеблющемся свете факела чудовище дышало, шевелилось, готовилось к нападению. Соня долго не могла отвести глаз от диковинного сторожа пещеры.

Рядом с ее спутником темнела глубокая расщелина. Девушка посветила туда и увидела далеко внизу плавающий в воде факел. «Здорово придумано,— восхитилась она.— Незваный гость пугается каменного чудовища, шарахается и падает в колодец! Здорово!»

Файрад, охая, поднялся на ноги. Увидев испугавший его камень, он схватился за кирку.

— Мой господин, посмотри лучше сюда.— Девушка осветила колодец.— Вот что тут уготовано охотникам за сокровищами. Тебе еще повезло. Уж лучше побереги силы — неизвестно, что нас ждет впереди.

— Да, надо быть поосторожнее.— Теперь Счастливчик не стремился идти первым.

Обойдя каменного стражу, они увидели невысокий узкий проход, ведущий в глубь пещеры. Короткий коридор вывел их в просторный зал. Одного факела не хватало, чтобы осветить его целиком.

— Может быть, зажжем еще? — предложил Файрад, не признаваясь себе, что стал опасаться зияющих темных провалов в скалистых стенах.

— У нас факелов не так много, чтобы жечь сразу два,— возразила Соня.— Смотри, впереди какие-то отблески. Давай пойдем туда.

Они осторожно двигались по казавшемуся огромным залу. Девушка освещала дорогу перед собой. Файрад, держа руку на рукоятке сабли, озирался по сторонам и прислушивался. Тишину пещеры нарушали только их шаги. Вскоре они приблизились к вырубленной в скалистой породе нише. Ее стены сверкали тем же загадочным

светом, что и глаза чудовища, сторожившего вход в зал. Небольшое возвышение было покрыто, как показалось Соне, серебристым песком. А в глубине у самой стены стояла статуя женщины.

— Золото,— прошептал Файрад.

— Кто это? — девушка подняла факел выше.

— Не знаю, видимо какая-то богиня. Смотрика, не полая, тяжелая,— в голосе купца послышались восхищение и досада.

Соня наклонилась к каменному возвышению. То, что она приняла за песок, оказалось жемчугом. Весь пол перед изваянием был усыпан драгоценными перлами. Соня подняла голову — глаза литьей скульптуры бесстрастно смотрели в темноту. Счастливчик, отвязав от пояса мешок, уже ссыпал туда жемчуг. Укрепив факел между камнями, девушка дрожащими руками раскрыла свою сумку и стала быстро наполнять ее. Тут она заметила, что у самых ног статуи лежат несколько огромных жемчужин удивительной красоты. Соня вскочила на возвышение, схватила их и быстро сунула за пазуху. Рука девушки наткнулась на орехи иркала. Перед глазами мелькнуло спокойное бесстрастное лицо Ло Юня. «Пожалуй, хватит,— опомнилась Соня,— незачем сходить с ума». С презрением посмотрев на забывшего обо всем, кроме своего мешка, мужчину, она взяла факел и осветила стену около ниши. Видимо, когда-то здесь была мозаичная картина или орнамент из перламутра, жемчуга и самоцветов. Сейчас камешки, некогда составлявшие мозаику, валялись на полу у стены. Соня стала разбирать их и откладывать

особо понравившиеся. Палец ее зацепил какой-то жгут. Девушка потянула его и вытащила из груды осколков перламутра темную, неправильной формы жемчужину на шнурке из сплетенных золотых нитей.

— Смотри, какая странная, корявая.— Соня подняла находку и покачала ею.— Просто уродина.

Файрад не обратил внимания на ее слова и продолжал набивать мешок.

— Господин мой, ты застрянем в проходе со своей ношей.

Счастливчик поднял голову и отрешенно посмотрел на девушку. Она подошла к нему, по-прежнему раскачивая темную жемчужину на пальце.

— На, держи, такой у тебя нет,— и она протянула Файраду находку.

Тот снял шнурок с ее пальца и положил необычный перл на ладонь. Постепенно его взгляд стал сосредоточенным, а кисть непроизвольно скжасась.

— Ты права. Пора уходить.

Мужчина завязал свой мешок и с досадой посмотрел на то, что приходилось здесь оставить. Корявую жемчужину, найденную девушкой, он надел на шею.

Внезапно Соня и Файрад услышали знакомый грозный грохот волн, заполнивший пещеру. Не оглядываясь, они поспешили к каменному стражу. У лаза, ведущего к морю, Соня остановилась.

— Чего ты ждешь?

— Послушай, как шумит море. Это шторм.

— Может быть, мы пропустили время и это уже прилив?

— Нет.— Соня положила ладонь на камень.— Даже скала содрогается от ударов волн.

— Что же нам делать? — Файрад растерялся.— Ведь нам не выйти отсюда.

— Ты прав, мой господин, мы не сможем выйти, пока не кончится буря.

Соня укрепила факел между камней и села у стены.

— Ты понимаешь, что этот шторм может длиться несколько дней, неделю, месяц! — Перепуганный купец орал, брызгая слюной.— Мы здесь замурованы, как в склепе. У нас нет ни пищи, ни воды. Мы погибли.

— Пока нет.— Девушка брезгливо отвернулась.

— Ну так погибнем!

— А разве ты надеялся жить вечно?

Этот вопрос напомнил Файраду о талисмане. «А вдруг девчонка ошиблась и это просто никому не нужная странная жемчужина?» Файрад взял в руку Сонину находку. Чувство страха внезапно прошло, появились злоба и раздражение. Он вспомнил все насмешки, которые ему пришлось сносить от спутницы, и решил рассчитаться той же монетой.

— Ты тоже хороша. Накинулась как сорока на добро чужих богов, а теперь надеешься, что они тебя пожалеют.

— Тебя-то чудовище пожалело, иначе плавал бы в колодце вместе с факелом, а вот богиня...— Девушка задумалась.— Зверя, скорее всего, высекли из камня прямо здесь, а вот...— помолчав, она встала.— Надо взглянуть на статую еще разок.

Счастливчик, ворча и проклиная любопытных девок, последовал за ней. Не обращая на него внимания, Соня медленно двигалась вдоль стены большого зала, освещая факелом свод пещеры. Затем она поднялась на возвышение и, ступая по жемчугу, прошла мимо статуи богини.

— Что ты надеешься здесь найти? — не выдержал Файрад.

— Эта богиня не родилась здесь. Ее как-то сюда притащили. А эта статуя не пройдет ни через лаз, ни через коридор между залами. — Посмотри, какая она здоровенная. — Девушка подошла к изваянию. — Здесь должен быть выход наружу, а я не могу его найти!

Повернувшись к выложенной перламутром стене, Соня с досадой пнула ее ногой. Несколько блестящих пластинок отвалились, обнажив каменную кладку.

— Файрад, неси кирку. Кажется, я нашла то, что нам нужно. — Девушка с улыбкой посмотрела на статую.

Счастливчик схватил кирку и побежал к нише, но тут же опомнился и вернулся за своим тугом набитым мешком.

Соня была поражена тем, с какой энергией и злостью Файрад начал крошить стену. Он яростно, но точно бил железным наконечником между камней, расщатывая кладку, выворачивая каменные глыбы. Девушка, стоя рядом, светила ему факелом. Наконец, под сильным ударом один из камней провалился в темноту. Файрад бросил свое орудие и начал расщатывать камни руками. Забрав у Сони

факел, он полез в образовавшееся отверстие. Девушка последовала за ним. Они оказались в резком, полого поднимающемся тоннеле. Пройдя вперед, пленники пещеры увидели перед собой еще одну глухую стену. Соня вернулась за киркой. С прежней энергией купец стал пробивать путь к спасению. Один за другим он обрушивал сильные удары на мертвые стоящие камни. Железный наконечник высекал искры, но кладка не поддавалась.

— Дай мне факел! — Файрад стал внимательно осматривать стену, пытаясь отыскать щель или неровности, за которые можно было бы зацепиться. Наконец, под самым сводом он заметил ряд мелких камней, которые были положены последними.

— Свети сюда! — Он отдал Соне факел.

Просунув острый наконечник в едва заметную щель, Счастливчик стал раскачивать кирку, пытаясь получше зацепить камень. Ему это удалось, но стена все еще не поддавалась. Собрав все силы, Файрад дернул рукоятку с яростным ревом и полетел назад, увлекая за собой камни.

Поднявшись, Счастливчик стал раскидывать каменную преграду, расширяя отверстие. Когда оно стало достаточно большим, чтобы в него мог протиснуться человек, Соня осветила факелом пространство за стеной. С ужасом они увидели груду серых, беспорядочно наваленных глыб. Файрад оттолкнул девушку и с криком отчаяния обрушил на стену страшный удар кирки. Раздался грохот. Серая масса камней пришла в движение, проваливаясь куда-то вниз и сокрушая остатки кладки. Соня и Счастливчик в страхе прижались

к стене пещеры. Поток камней ворвался в тоннель. Девушка присела и закрыла голову руками. Грохот обвала сотрясал своды пещеры.

Неожиданно наступила тишина. Соня приоткрыла глаза.

Пучок солнечных лучей, пробивавшихся невдалеке между верхней кромкой тоннеля и грудой камней, показался ей удивительно ярким. Девушка, прямо по серым глыбам, поползла наверх к свету. Чтобы протиснуться под сводом, ей пришлось отбросить вниз несколько камней. Снаружи она увидела неровные стены колодца, наклонную каменистую осыпь и высоко вверху — голубое небо.

Соня цеплялась за неровные стенки колодца и опасливо ступала на камни, стараясь не потревожить готовую прийти в движение осыпь. Девушка замирала на мгновение, почувствовав подозрительное движение под подошвой сапога. Она понимала, что любой неосторожный шаг будет для нее последним — груда навсегда похоронит ее в колодце.

Внизу послышалось пыхтение. Не думая об опасности, Файрад карабкался по серым глыбам. Лавина камней медленно двинулась вниз.

— Замри, болван, — громко прошипела Соня, — ты погубишь нас обоих.

Мужчина распластался на камнях, стараясь удержать их руками и тяжестью своего тела. Словно из жалости, они остановились.

Выждав немного, Соня поползла дальше. Край колодца медленно приближался. Девушка уже видела качающиеся на ветру чахлые стебельки полыни. Она остановилась, чтобы перевести дыхание.

Осталось самое трудное. Не рискуя встать на ноги, Соня повернулась на бок и, зацепившись рукой и ногой за неровный край, подтянулась и вытолкнула себя из ловушки. Откатившись подальше от гибельного места, Соня напоролась спиной на острый голыш, но смертельно уставшее тело даже не почувствовало его. Девушка лежала с закрытыми глазами и улыбалась.

Послышалось знакомое ржание. Соня открыла глаза и чмокнула уткнувшуюся ей в лицо теплую влажную морду Ману.

Встать не было сил. Над головой высоко в небе почти неподвижно парили белые морские птицы. Соня вспомнила свой сон и с улыбкой поискала в небе разноцветные силуэты воздушных змеев. Солнце клонилось к западу, а разбушевавшееся море и не думало утихать. Огромные волны разбивались о крутой берег, в воздухе блестела мелкая водяная пыль.

Вновь переживая радость избавления от подземного плена, Соня вдруг быстро села и огляделась. Сумки не было. Только сейчас девушка вспомнила, что сумка с жемчугом осталась в пещере у подножия статуи. Она сунула руку за пазуху и с удовлетворением нашупала там горсть крупных жемчужин, лежащих рядом с орехами иркала. Такой богатой она давно не бывала.

— Дай мне руку! — раздался хриплый голос.

Соня повернулась на крик. Счастливчик лежал, навалившись грудью на самый край колодца и вцепившись руками в чахлую траву. Осыпь пришла в движение, лишив его опоры под ногами, а

неровная кладка края зашаталась, грозя сбросить вниз к уже засыпанному входу в пещеру.

— Скорее дай руку, я падаю!

Девушка быстро скинула путы с ног лошади и кинула один конец ремня Файраду. Он судорожно вцепился в ремень и замер, ожидая, что теперь Соня его вытащит. Но она почувствовала, что такой груз ей не удержать.

— Шевелись, вельможный господин! Закинь ногу на край, обопрись на руку и выползай! Я помогу.

Сообразив, что от него требуется, Файрад, обдирая лицо, выбрался из провала. Он лежал без сил на прогретой солнцем земле, еще не веря в счастливый исход. Соня перевернула спутника на спину и, подхватив под мышки, с трудом проволокла пару шагов, подальше от опасного места. На купца было страшно смотреть. Лицо все в синяках и ссадинах, седая от каменной пыли борода торчит клочками во все стороны, изящный дорожный костюм превратился в лохмотья, из царапин на ладонях холеных рук сочится кровь. Девушка отыскала среди дорожной клади кожаный бурдюк и пlesнула немногого воды на лицо Файрада. Он открыл глаза.

— Вставай, надо промыть ссадины.

— Мешок.— Счастливчик едва шевелил непослушными губами.— Я забыл мешок с жемчугом в пещере.

Соня ухмыльнулась и отхлебнула глоток воды, затем ополоснула лицо. Смеясь, она пошла прочь от Файрада: «Нашла кого пожалеть». Не обращая на

него никакого внимания, девушка стала устраиваться на ночлег. Она разожгла костер, достала припасы из сумы Исхара и улеглась на толстую подстилку, накрывшись одеялом. Вскоре в котелке закипела фасолевая похлебка, распространяя замечательный аромат. Пошатываясь, подошел Файрад. Не слышающимися руками он достал себе одеяла и подсел к костру. Говорить не хотелось. Искатели сокровищ молча ели пшеничные лепешки и горячее варево. И так же, не проронив ни слова, уснули, плотно завернувшись в одеяла. Штурм утихал, море рокотало уже не так грозно. Над горами появилась полная луна. Ее круглый диск и окружавшие его прозрачные облака сверкали как перламутр.

Утро следующего дня оказалось солнечным и ветреным. Притихшее ночью море опять раскачивало огромные зеленые валы. Вокруг островов кипела белая пена прибоя.

Когда Соня открыла глаза, она увидела, что ее спутника у погасшего костра уже нет. Он стоял поодаль и пристально рассматривал необычную жемчужину, найденную в пещере. «Так это же и есть тот самый талисман,— вдруг догадалась она.— А этот глупец еще посмел страдать из-за какого-то мешка».

Соня внимательно присмотрелась к Счастливчику. Что-то изменилось в нем со вчерашнего дня. Файрад уже успел привести себя в порядок — смыл запекшуюся на лице и руках кровь, расчесал бороду, смазал и присыпал каким-то порошком ссадины. Но перемена была не в этом. Спина его гордо расправилась, плечи расправились, голова слегка

откинулась. Взгляд Файрада стал жестким и высокомерным — перед девушкой вновь стоял лагошкий вельможа.

— Ты чем-то обеспокоен, господин мой? — Соня подошла ближе. Раньше Счастливчика передергивало от этого насмешливого обращения, но сейчас он воспринял его как выражение почтения.

— Меня удивляет твоя забывчивость. — Мужчина даже не повернул голову в ее сторону.

— Ты все еще горюешь о жемчуге, оставленном в пещере? — Соня подошла к колодцу, заваленному серыми камнями. — Этот ход ты закрыл надежно, но можно еще раз попытаться проникнуть в пещеру со стороны моря. Луна еще полная, вечером будет большой отлив. Жаль только, что море штормит.

— Я получил то, за чем шел. — В голосе Файрада звучала былая значительность. — То, что я потерял, для меня мелочь, а ты осталась ни с чем.

— Получается, что быть богатой не мой удел. — Девушка, притворно сокрушаясь, развела руками. — Все равно деньги у меня не задерживаются, быстро исчезают, ну просто как вода. — Улыбаясь, она протянула ладони с растопыренными пальцами.

— Ты абсолютно права. Богатство для немногих, а власть — доля избранных. — Файрад надменно смотрел на Соню.

— Хорошо ли ты спал, господин мой? — она сочувственно покачала головой. — О какой власти ты говоришь? Над кем?

— Нищая бродяжка! Тебе никогда не понять, как сладостно повелевать людьми, держать в ру-

ках нити их судеб. А сейчас в моих пальцах нити, управляющие миром. — Файрад положил ладонь на грудь, прикрыв талисман.

— Но ведь эта вещица предназначена не тебе! Ты должен отдать ее колдунье, — возразила девушка. — У старухи руки могут оказаться подлиннее, чем ты думаешь. И вообще-то неизвестно, для чего он ей нужен.

— Ты глупа. — Вельможа презрительно поморщился. — Пока талисман у меня, я защищен Горной ведьмой, потому что нужен ей. Если я попользуюсь им, ни от кого не убудет. Каждый вправе любоваться сиянием луны по ночам. Поэты воспевают ее красоту, маги изучают ее, составляя свои предсказания. Разве солнцу вредит то, что ночью светит луна?

Соню несколько обескуражили подобные сложные рассуждения. Она чувствовала фальшь в словах Счастливчика. Неизвестно, кого он хотел убедить — ее или себя.

— В конце концов мне безразлично, что ты будешь делать с моей находкой. — Девушка помолчала. — Но один мудрый человек предупреждал меня, что людям лучше не пересекать колдовских троп. Для нас, смертных, это кончается плохо. Этот талисман дарит не только могущество, но и смерть. Возможно, все действительно так, как ты сказал, но на твоем месте я не стала бы долго держать амулет у себя.

— В чем я совершенно не нуждаюсь, так это в твоих советах. — Файрад приосанился. — Нам пора отправляться. Собери поклажу и подготовь лоша-

дей. Поесть остановимся в ложбине, где источник с хорошей водой.

Соня свистнула, подзываая Ману. Кобыла послушно подошла. Девушка взяла ее под уздцы и повела к тюкам с поклажей. Подобрав седло и понону, она стала неторопливо и тщательно снаряжать Ману в путь. Она переворошила тюки, достала и упаковала отдельно одежду и провизию, заимствованные у Исхара.

— Что ты возишься? — Файрад подошел к ней.

— Я собрала свою кладь, — девушка подтянула подпругу, — и могу отправляться в путь немедленно. Собирайся. Мы поедем, как только ты будешь готов.

— Что это значит? — мужчина побагровел. — Тебе было велено...

— Свое барахло собирай сам. До сих пор ты с этим прекрасно справлялся. — Соня смело посмотрела ему в лицо. — Я тебе не слуга.

Счастливчик схватился за саблю. Сколько можно терпеть наглость этой девки! Теперь, когда все позади, можно с ней поквитаться. Он шагнул к Соне, та вытащила кинжал и покачала клинок на руке.

— Еще один шаг — и ты покойник, — предупредила она. — Обычно я не промахиваюсь.

С презрительной улыбкой Файрад бросил саблю в ножны.

— Скоро весь мир будет служить мне. И ты либо покоришься, либо...

— Не будем забегать так далеко вперед. — Девушка тоже убрала оружие. — Для начала попробуем пережить хотя бы сегодняшний день.

Она пристально посмотрела вдаль мимо Счастливчика. На фоне прибрежных скал виднелись какие-то фигуры. Файрад обернулся и взглянул в том же направлении. Неизвестные приближались. Уже можно было различить пятерых всадников. Их появление в этих пустынных местах настороживало, а целеустремленность, с которой они двигались, исключала случайность прогулки.

— К нам, кажется, гости, — девушка не сводила глаз с незнакомцев. — Что-то здесь не так...

— Какие-то шальные бродяги, — Файрад презрительно скривил губы. — Вряд ли нас это касается.

Наездники приближались. Уже был слышен стук копыт о каменистую дорогу. Они не могли не видеть Соню и Счастливчика, но по-прежнему мчались, не придерживая лошадей.

«Может, действительно бродяги», — мелькнула мысль, но в следующее мгновение девушка узнала толстого хозяина таверны контрабандистов. Файрад тоже узнал его и оглянулся, ища глазами своего коня, но тот, стреноженный, вместе с мулом спокойно щипал траву неподалеку от заваленного колодца. Убедившись, что их заметили, всадники пришпорили скакунов и издали воинственный клич, не оставляя никаких надежд на мирный исход встречи.

Вскоре пятерка нападающих рассыпалась полукругом на расстоянии сотни локтей от Сони и Файрада, перекрыв дорогу вдоль берега с обеих сторон. Разгоряченные кони гарцевали, медленно успокаиваясь. Соня оглянулась. Позади отвесные

скалы, впереди — бушующее море. Ни укрыться, ни убежать. У девушки учащенно забилось сердце. Страха не было, только досада на себя — так глупо попасться в западню.

— Мне показалось, что вы собираетесь в обратный путь. — Толстый хозяин таверны, по-видимому, был предводителем. — Неужели всех моллюсков переловили? — Он широко улыбнулся.

— К сожалению, почтенный, здесь мы ничего не нашли. — В голосе Файрада послышалась насмешка. — Так что вы напрасно так спешили. Разве не вы предупреждали нас о поджидающих здесь трудностях?

— Я думаю, — тавернщик подмигнул своим приятелям, — вы будете не против, если мы сейчас сами убедимся в вашей правдивости.

— Прочь, низкий сброд! — Счастливчик сорвал лук и колчан с седла Ману.

В ту же минуту двое разбойников подняли луки. Остальные, как заметила Соня, были вооружены короткими пиратскими саблями и кинжалами.

— Ну-ну, не надо горячиться, — толстяк наслаждался своей ролью. — Помнится, мы договаривались обходиться без кровопролития. Хотя с вашим «соглядатаем» пришлось поначалу довольно долго разговаривать, пока он не развязал язык. В общем-то он и сам немного знал, бедняга.

Все пятеро громко захохотали. Они чувствовали себя хозяевами положения. Почему бы и не поглумиться над двумя беззащитными купчишками? Разбойники не сомневались, что эта парочка искателей сокровищ у них в руках.

— Теперь, когда вы достигли своей цели, самое время поделиться с нами и впечатлениями, и добычей, — ухмыльнулся главарь.

Пираты одобрительно зашумели. Им очень нравилась изысканная речь предводителя.

— Было бы несправедливо оставить нас ни с чем. Ведь мы пираты, и все, что есть на море и рядом с ним, по праву принадлежит нам.

— Что ты знаешь о море, жирная каракатица, — подала голос Соня, — если думаешь, что в такой шторм там можно хоть что-нибудь добыть?

Это резонное замечание несколько охладило пыл разбойников. В наступившей тишине стало слышно, как волны с рокотом разбиваются о крутой берег. Скалистые острова, возвышающиеся над заливом, казалось, изо всех сил сопротивлялись натиску морских валов, но не могли оградить берег от их разрушительной силы. В том месте, где сходились восточный и западный берега залива, страшный вал, ударив в берег, вознес к небесам гигантский столб воды, рассыпавшийся под напором ветра на множество брызг.

— Может быть, вы и правы, молодой господин, — не дал сбить себя с толку предводитель, — но мы не привыкли верить на слово.

Разбойники вновь захохотали.

— Ладно, выкладывайте свои находки и убрайтесь отсюда. — Толстяк тронул коня и двинулся к разбросанной поклаже путников.

Счастливчик, перед которым еще мгновение назад простирался покоренный мир, был просто взбешен наглостью какого-то отребья. Не желая

больше терпеть недопустимые выходки черни, он сорвал со спины Ману лук и колчан и выстрелил. Стрела тонко запела в воздухе. Подхваченная порывом ветра, она неожиданно для всех отлетела в сторону и вонзилась в горло одного из лучников-грабителей.

Выстрел Файрада послужил сигналом для ответных действий. Уцелевший лучник натянул тетиву. Соня, выхватив из-за пояса кинжал, упала на землю. Шапка сбилась набок, и пряди рыжих растрепанных волос упали на лицо. Поправляя их, девушка не переставала следить за тем, что происходило рядом. Пиратская стрела просвистела над головой купца, не причинив ему вреда. «Плохо стреляет, — подумала Соня. — Как бы в Ману не попал». Счастливчик неторопливо целился. Девушка заметила, что один из пиратов собирается обойти их сбоку вдоль скал. Он мчался на крепком сером коне, подняв над головой саблю. Еще немноголибо, и он, зайдя в тыл, снесет Счастливчику голову. Соня вскочила на ноги с кинжалом в руке и замахнулась для броска. В последний момент пират заметил движение и стал разворачиваться в ее сторону, занося оружие для рубящего удара. Клинок Сони, сверкнув на солнце, вонзился пирату в правый глаз. Девушка едва успела увернуться от стремительно падающего на нее тела. Короткая сабля пирата звякнула о камни, а его серый конь промчался мимо.

Видя, что их осталось трое и что надежд на легкую победу нет, пираты решили отходить. Их крики слились с встревоженным лошадиным ржаньем.

Кони, оставшиеся без всадников, беспорядочно метались, толкая скакунов уцелевших грабителей и заставляя всадников натягивать поводья и приостанавливать своих лошадей.

Пользуясь суматохой, возникшей среди грабителей, Файрад еще раз спустил тетиву. Гнедой под вторым лучником внезапно споткнулся и упал. От неожиданности наездник перелетел через голову лошади и растянулся на земле во весь рост.

Файрад презрительно улыбнулся. Выпрямившись и гордо откинув голову, он, почти не целясь, выпустил одну за другой две стрелы в сторону отступающих пиратов. Счастливчик даже не удивился, увидев, что они обе достигли цели. Тощий высокий пират медленно повалился со стрелой, торчащей между лопаток. Конь толстого главаря вздрогнул от жалящего удара в шею, рванулся в сторону обрыва и рухнул вместе с всадником в море.

Файрад огляделся. На небольшом пространстве между скалами и морем лежали трупы пиратов, бился в агонии конь со сломанной шеей, бродили, разыскивая хозяев, оседланые лошади...

Счастливчик отбросил лук и положил правую руку на темную жемчужину. Теперь он окончательно уверовал в свое могущество. Мир будет принадлежать ему. Кто знает истинную силу талисмана? Может быть, он даст бессмертие. Да, он будет жить вечно и вечно править миром. Никто не сможет противостоять Файраду Счастливчику, пока могущественный амулет в его руках. Даже старуха-колдунья. Мужчина надменно вскинул

голову. Облака в вышине плыли на восток, туда, где ждала источник силы и молодости страшная ведьма. Купец поднял лук и выпустил стрелу в небо. «Долети до далеких гор, и пусть ядовитая тварь сдохнет от злости вместе со своей змеей», — напутствовал он стрелу. Повернувшись к морю, вельможа гордо взглянул на бушующую стихию. Как равный на равного.

Внезапно какая-то горькая мысль мелькнула в уголке его сознания. «Соня. Наглая, дерзкая девка. Свидетельница его былой слабости. Она должна исчезнуть». И Файрад положил новую стрелу на тетиву. Он повернулся спиной к морю, ища глазами девушку. Соня обтирала кровь с клинка об одежду валявшегося поблизости мертвеца. Подняв голову, она на миг замерла, встретившись с безумным взглядом Счастливчика. Нелепая смерть от руки жалкого самовлюбленного ничтожества отнюдь не устраивала ее. Острый ум мгновенно нашел выход.

— Файрад, ты потерял талисман! — пронзительно крикнула Соня и бросилась на землю.

Рука Счастливчика дрогнула, и стрела ударила о скалу за спиной девушки.

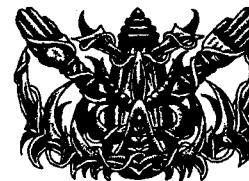
Когда она подняла голову, то увидела удивительную картину: из груди мужчины торчал наконечник стрелы, а сам он пытался дотянуться до сбившегося к плечу талисмана.

— Проклятая ведьма, — прошептал Счастливчик и рухнул на камни.

Темная корявая жемчужина на шнурке из золотых нитей упала рядом с его головой.

Глава девятая

она огляделась. «Откуда же прилетела стрела, убившая Файрада, и кто послал ее?» Прямо перед ней бушевало море, над головой раскинулось бескрайнее небо, позади выселись скалы. Но девушку вдруг охватило острое чувство опасности.

Заметив слева какое-то движение, Соня вздрогнула. Пират, слетевший со споткнувшейся лошади, оказывается, не погиб, а просто был оглушен падением. Придя в себя, он притаился и выжидал удобный момент, но теперь стоял выпрямившись во весь свой огромный рост. Он что-то высматривал на земле и, не найдя, отбросил лук. Гигант вытащил из ножен саблю и, припадая на ушибленную ноту, направился к девушке. На какое-то мгновение Соня перестала различать в движущемся на нее противнике человека: к ней приближалось неотвратимое. Она стояла не в силах пошевелиться. Страха девушка не чувствовала. Бежать было некуда. Неподалеку заржала Ману. Это и

вывело Соню из оцепенения. Теперь она четко различала лицо пирата, копну седеющих волос и кудрявую бороду. Из ссадины на лбу у него сочилась кровь, один глаз заплыл от удара о камень. Девушка незаметным быстрым движением сунула клинок в правый рукав и подняла с земли саблю одного из мертвых грабителей. Гигант, похотливо ухмыляясь, медленно приближался к ней. Оружие в его огромной руке казалось игрушечным.

— Э, рыжая потаскушка, давай позабавимся! И, может, я не сразу убью тебя, если расстараешься...

— Почему бы и нет! — старательно улыбнулась Соня, кокетливо поправляя растрепавшиеся волосы и лихорадочно размышая, как бы отвлечь пирата.— Постой и послушай.

Разбойник остановился. Ему некуда было спешить — разобраться с худенькой девчонкой, похожей на нахохлившуюся птичку, он всегда успеет. Пусть поболтает перед смертью.

— Я знаю, где находится пещера, набитая сокровищами. Но они покажутся тебе мелочью, пустяком по сравнению с тем, что я сейчас предложу тебе. Поверь, все богатства Хайбории лягут к твоим ногам...

Мужчина слушал недоверчиво, но заинтересованно.

— Обещай, что отпустишь меня, и тебе никогда не придется жалеть.— Девушка не сводила напряженного взгляда с гиганта.

Он молча кивнул головой.

— Ты убил не просто купца.— Соня указала саблей на Файрада.— Это посланник великой кол-

дуны. Он пришел за могущественным талисманом для нее. А теперь ты можешь забрать волшебный амулет себе.

— Что за талисман? Где? — Пират посмотрел на труп Счастливчика.

— Подойди к нему поближе, и я покажу тебе.— Девушка медленно приближалась к месту, где с торчащей из спины стрелой лежал Файрад.— Темная жемчужина где-то здесь. Она дает старикам силы и здоровье молодых, дарит удачу и богатство.

— А не врешь? — Грабитель угрожающе приподнял саблю, но глаза его уже загорелись алчным огнем.

— Да мы шли за талисманом через пустынные степи и горы, кишащие разбойниками, спускались с этого скалистого обрыва в море и чуть не погибли под землей в пещере,— стоя напротив вооруженного мужчины, Соня говорила убедительно — ведь она говорила правду.— Смотри, вот он!

Не обращая внимания на тошную девицу, пират наклонился к телу купца. Он радостно вскрикнул, заметив необычной формы жемчужину, и, выронив саблю, потянулся к ней.

И в это мгновение Соня сделала резкое движение рукой. Вырвавшийся из плена кинжал сверкнул на солнце и, пролетев несколько шагов, вонзился в шею гиганта. Девушка перехватила саблю в правую руку и бросилась к пирату, размахнувшись для удара. Но тот уже медленно падал на колени, хватаясь за горло. Он с недоумением посмотрел на Соню и в следующее мгновение рухнул рядом с Файрадом.

Не опуская сабли, Соня огляделась, опасаясь нового нападения, но все было спокойно. Никто больше не издавал воинственных воплей, не слышался стук копыт, не звенело оружие. Кони пиратов неторопливо бродили около тел своих седоков. Соня устало подошла к краю обрыва и подставила лицо соленым брызгам. Крепко сжимая рукоять клинка, она то и дело оглядывалась в сторону деревни, откуда прибыли пираты, ожидая новых незваных гостей.

Но время шло, а дорога оставалась пустынной. Девушка обошла лежащие в застывших позах тела, но не стала их трогать — она не хотела пугать лошадей. Оседланные скакуны, вернувшись без всадников, обязательно всполошат все поселение. Соня остановилась у тела своего спутника. Она не жалела его. За время пути сюда им многое пришлось пережить вместе, но Файрад так и не стал ей другом. В самые напряженные моменты их путешествия он ее раздражал, а она была ему ненавистна.

Девушка хотела было отойти, но на глаза ей попалась темная причудливой формы жемчужина на шнурке, сплетенном из золотых нитей. Соня попыталась отвернуться, но талисман неудержимо влек ее к себе. Она медленно протянула к нему пальцы и тут же отдернула их, словно странная вещица была раскалена. Девушка подняла голову и заметила рукоятку кинжала в густой бороде убитого ею пирата.

Соня взялась за нее и с усилием выдернула клинок. Рядом с трупом купца валялись ее полу-

пустой колчан и лук. Она неторопливо собрала свое оружие и привела его в порядок. Неподалеку она увидела колчан, потерянный гигантом при падении, и решила пополнить запас стрел. Сделав пару шагов, девушка опять остановилась у тела Счастливчика. Преодолевая внутреннее сопротивление, она потянулась к талисману и вновь быстро отвела руку, словно внезапно увидела перед собой ядовитую змею.

В эти дни Соне готовили смерть и море, и каменный обвал, и люди. Обостренные до предела чувства подсказывали девушке, что талисман может оказаться не менее опасным. «Пусть колдовство останется уделом магов, простым смертным лучше держаться от него подальше,— подумала Соня.— Ло Юнь, безусловно, прав. Да ведь и ведьма Надира хотела предостеречь меня». И она решительно отвернулась от волшебного перла.

Собрав свои вещи, девушка заглянула в сумки Файрада. Без колебаний она переложила к себе его кошельки с золотыми монетами и кое-что из одежды. Покопавшись в его седельной сумке, вытащила глубоко запрятанный посольский знак. Соня задумалась, глядя на сверкающую пластинку с изображением льва. Конечно, этот кусочек золота распахнет перед ней городские ворота и днем, и среди ночи, конечно, он заставит почтительно склониться свирепых стражников, но... он же может вызвать ненужные вопросы и подозрения. Наконец Соня решила, что этот знак сделан из драгоценного металла, в любом виде имеет цену, и сунула его в седельную сумку.

Сверху донесся гортанный птичий крик. Соня подняла голову. Над террасой кружили белокрылые чайки и неизвестно откуда прилетевший стервятник. Да, чтобы достойно защитить себя в пути, стоит обзавестись не только кинжалом и луком. С презрением оттолкнув ногой пиратский клинок, похожий на нож мясника, она подошла к телу Файрада и сняла с его перевязи новую саблю, купленную у одного из купцов каравана после избавления из плена. И вновь на глаза девушке попалась темная жемчужина. Соня остановилась в раздумье. «Возможно, все и не так страшно? Мудрый старик-хитаче открыл мне, что талисман несет людям шесть смертей и одно избавление». Она пересчитала тела. Их было пять, только пять. А через мгновение припомнила толстого хозяина таверны, что погиб в море, упав вместе с конем с обрыва. «Теперь осталось одно избавление. Но не от жизни же избавляет владельца этот талисман!»

Соня наклонилась и подобрала жемчужину. Темный таинственный блеск и причудливая форма заворожили девушку. «Возьму. Пусть побудет у меня», — и надела на шею золотой шнурок.

Приняв окончательное решение, Соня почувствовала уверенность в своих силах и успокоилась. Еще раз внимательно посмотрела по сторонам и направилась к лошади.

— Ну, красавица моя, в путь! — Соня вскочила в седло и пришпорила кобылу.

Ману спокойно трусila вдоль берега, изредка вздрагивая от грохота волн. Вдруг сзади послышался приближающийся стук копыт. Всадница в

тревоге обернулась и облегченно вздохнула — бодро перебирая ногами, их догонял выночный мул Исхара. Опасливо глядя на бурлящее море, он старался держаться поближе к скалистой стене. Дорога пошла вниз, и вскоре небольшой караван достиг места, где морские валы, захлестывая тропу, бились об отвесную скалу. Ману задрожала и остановилась, мул тревожно прядал ушами.

— Ну что ты, милая! — Девушка похлопала кобылу по шее. — Смотри, вода только сверху, а внизу твердые камни. Ты уже проходила здесь.

Лошадь пяткалась перед набегающими волнами и фыркала. Никакие уговоры не помогали. «Нет, ни оставаться тут, ни возвращаться нельзя. Надо попробовать пройти. В конце концов прибой здесь не так уж силен, а дорога относительно ровная». Соня спешлась и вошла в воду. Бурлящие валы, теряя свою силу на крутом уступе берега, обдавали путницу множеством брызг и шипящей пеной. Откатываясь, волны с силой тащили девушку и животных в море. Ноги Сони, копыта лошади и мула скользили на мокрых камнях, путались в длинных плетях выброшенных водорослей. Ману жалобно ржала, мул пронзительно вторил ей.

Вскоре Соня почувствовала, что грозные с виду волны не так уж и страшны. К их ритму можно было приспособиться, главное — не дать сбить себя с ног. Девушка упорно тянула повод и заставляла Ману идти за собой. То прибавляя шаг, то останавливаясь, пережидая особенно сильные накаты волн, маленькая группа упорно продвигалась вперед.

Наконец опасный участок берега остался позади. К удивлению девушки, мул не отстал от них. Стряхивая с себя соленые брызги и возмущенно фыркая, он вплотную подошел к ним. Было ясно, что он собирается тащиться за всадницей и дальше. Девушка усмехнулась и достала из выюка вяленую дыню, накормила животных, а затем долго сушила одежду и волосы под теплым ветром.

К вечеру Соня добралась до холма над заливом и оглянулась на затихающее море. Ей вспомнились события прошедшего дня — угроза смерти, борьба, отчаяние, вспышки надежды...

Девушка решила остановиться на ночлег в знакомой ложбине. Бросив последний взгляд на залив, она повела свой маленький караван вниз по склону, туда, где тихо журчал источник и росла высокая сочная трава. Там она нашла следы костра, у которого они ночевали со Счастливчиком, и разожгла огонь. Теперь, когда она осталась одна, можно было раздеться, основательно просушить и починить верхнюю одежду. Тонкую нательную рубаху девушка решила прополоскать в ручье и там же вымыться. Соня долго плескала на себя холодную воду, смывая вместе с кристалликами соли мучительную усталость и пережитые недавно волнения. Затем она постелила у костра пару шерстяных одеял, надела одну из тонких шелковых рубашек, найденных в вещах Файрада, и принялась готовить себе ужин.

Закрутив длинное полотенце на голове в замысловатый тюрбан, девушка, поджав ноги, уселилась на одеяла, изображая властелина далекой

Венеции. После рассказов старого караван-бashi Соня вновь и вновь возвращалась мыслями к этой чудесной стране. Осмотрев своих подданных — маленькую кобылу и упрямого мула, — она хлопнула в ладоши, повелевая подавать ужин. Это было исполнено верным слугой, слугой, которого она сама и изобразила. Неспокойное, пляшущее пламя костра то освещало тоненькую фигурку девушки, то погружало ее в темноту.

Тень, отбрасываемая ее тюрбаном на большой валун, походила на грандиозную причудливую башню.

Насытившись, Соня растянулась на одеялах. Ночь была теплая и звездная. На небе сияла начинаящая убывать луна. Девушке было легко и удобно в просторной рубашке Счастливчика. Позабыв все заботы, Соня уснула.

Проснулась девушка от того, что кто-то толкал ее в бок. Открыв глаза, она увидела Ману, которая осторожно тыкалась в нее мордой. Солнце стояло уже совсем высоко. Соня ласково отпихнула лошадь и перевернулась на живот. Прямо перед ее глазами появился высокий густой лес. Страшный зверь взбирался по толстому зеленому стволу. Девушка легко поднялась. Лес исчез, превратившись в траву, а зверь оказался букашкой.

Собираясь в дорогу, Соня подумала, что находится в затруднительном положении — пути назад нет, а впереди — деревня контрабандистов и пиратов, где ее могут узнать. Но выбора не было, и девушка, полагаясь на собственную смекалку и счастливый случай, отправилась к рыбачьей деревне.

К деревне Соня подъехала на закате. Еще с дороги она увидела, что в море стоит на якоре парусник с огромной косой реей на одинокой мачте, а между ним и берегом снуют рыбачьи лодки, перевозя объемистые тюки.

Не долго думая, Соня сняла свою накидку и кольчугу, а вместо них надела богато вышитую рубашку Файрада, подпоясав ее широким кушаком. Голову она повязала ярким шелковым платком, сделав большой узел за правым ухом и позволив рыжим локонам свободно падать на спину. Пона-деявшись на то, что все, с кем она имела дело в этой деревне, видели юношу-купца, а в обличье девушки ее не узнают, она неторопливо пошла вниз по дороге, ведя Ману на поводу. Мул, как привязанный, трусил следом.

Все улицы деревни сходились у маленькой гавани. Соня со стороны наблюдала, как бородатый человек с яркой перевязью поперек жирного живота, судя по всему хозяин товара, распоряжался выгрузкой тюков.

Рядом с ним стояли трое вооруженных людей, по виду отчаянных головорезов. Лица их не были знакомы Соне. Рассеянно озираясь по сторонам, девушка медленно пошла мимо них. Ее заметили сразу.

— Эй, госпожа, что ты тут делаешь? — хрипким голосом прокричал толстый. Охранники насторожились.

— Да никакая я не госпожа, меня хозяин таверны в Барросе отправил сюда за вендинскими плодами, — Соня глуповато улыбалась. — Ему они

срочно нужны, да велено взять лучшего качества и не очень дорого. — Девушка достала тощий потертый кошелек.

— А что за плоды понадобились твоему хозяину?

— Ой, прости, название-то я и позабыла. Ну такие большие, с мою голову, с зеленою чешуйчатой шкуркой. А мякоть такая нежная, желтая и пахнет приятно... Ой, господин, помоги мне, а то тавернщик прибьет меня. Рука-то у него тяжелая...

Девушка просительно заглядывала в лица всем четверым.

— А чего ж хозяин тебя одну отпустил?

— О, мой добрый господин, да сынок у него молодой. Моего возраста. — Девушка потупилась и изо всех сил старалась покраснеть. Последнее, правда, не удалось, но мужчины понимающие переглянулись, оценив дорогую рубашку на прислужнице, и захмыкали. — Вот он и посыпает меня то туда то сюда... Ох, да как же называются эти плоды? Говорят, они растут на деревьях...

— Да в траве они растут. Ананасы называются. А тавернщик твой спятил. Такой товар глубокой осенью привозят, и то для знати и богатых купцов, а не для голытьбы в рыбакской таверне. За твой кошелек и пары не купишь.

— Что же мне делать? Прибьет ведь, — заскулила девушка.

— Ждать следующего корабля, — пряча усмешку, ответил торговец.

— Не могу я, меня вечером ждут... И с пустыми руками не явишься...

— Ну что ж, я тебе помогу.—Хозяин груза протянул Соне несколько небольших коричневых плодов.—Бери, не бойся!

— Что это?—Соня осторожно взяла сморщеный фрукт.

— Сушеные *унаби* лучшего качества, сладкие как мед, душистые как шемская роза, а силы в них...—Купец зажмурился,

— Ты что, не слыхала об *унаби*?—удивился один из охранников.—В Вендии их дают воинам перед сражением.

Плод действительно был сладким и душистым, хотя и с каким-то странным привкусом. Пока девушка пробовала заморскую редкость, купец скользнул взглядом по Ману, мулу, кошелью.

— И всего-то золотой за мешок. Дешевле только там, где они растут.

— Дорого.—Соня искоса поглядела на ухмыляющихся контрабандистов.—Тавернщик...

— Как это дорого?—возмущенно перебил торговец.—Да этому товару цены нет. В твоем Барросе таких фруктов и не видывали.

— Да, таких к нам еще не привозили,—согласилась девушка,—но все равно, дороговато.

Купец не скрывал своего удивления: глуповатая, плаксивая девчонка мгновенно превратилась в прижимистую лавочницу. Но потом решил: девчонка явно стремится прикарманить монету-другую, потому так яростно и торгуется. После долгого торга на Ману и мула всего за два золотых навьючили по паре мешков. Затем показали тропу через горы и пожелали счастливого пути. Отъ-

езжая, Соня услышала за спиной громкий смех и приглашение приезжать еще, да хозяйского сыночка прихватить.

Кобыла шла, недовольно прядая ушами. Она не привыкла таскать такую поклажу и теперь явно обиделась, видя, что ее приравняли к вьючному животному.

После недолгих колебаний девушка решила переночевать на постоялом дворе. Она проехала по пустынной в это вечернее время улочке и свернула в знакомые открытые ворота. Привязав животных, Соня вошла в таверну. Там было почти пусто. К ней подошел молодой парень, видимо сын погибшего хозяина.

— Мне ужин, комнату на ночь и два места в конюшне,—кратко сказала девушка, садясь за стол.

Парень принес тарелку с рыбой, зажаренной не хуже, чем при папаше, кувшин белого вина, лепешки и целую миску душистой зелени.

— Если госпожа захочет, я могу приготовить для нее замечательное блюдо.—Соня насторожилась.—Это запеченные моллюски.—Парень вопросительно смотрел на гостью.—В Асгалуне такое блюдо обойдется вам не меньше, чем в золотой, а у нас, конечно, гораздо дешевле, да и товар по-свежее — приезжие купцы разгружают товар у нас, а потом туда везут.

Соня чуть не поперхнулась от такого наглого вранья.

— Ну, парень, тебе в этой дыре делать нечего. Ты в любом большом городе всех купцов за пояс заткнешь,—польстила она молодому хозяи-

ну.— Но моллюсков я не хочу. Рыба твоя уж больно хороша.

Поев, девушка положила на стол серебряную монету и попросила показать комнату. Тавернщик ловким движением отправил деньги в карман и, взял светильник, прошел вперед.

Соня спала тревожно и проснулась очень рано. На предрассветном небе ярко сияла Утренняя звезда. «Пойду погляжу на своих животных.— Она быстро оделась.— В этой деревне никому доверять нельзя».

Девушка на цыпочках прошла через узкую дверь во двор. Утренний свежий воздух был насыщен запахами моря. Соня уловила какой-то скрежет и быстро прошла на конюшню. Там все оказалось в порядке. Добавив корма Ману и мулу, она вышла. Опять раздался тот же неприятный, скрипучий звук. Оглядевшись, девушка приоткрыла калитку и увидела оседланного серого коня без всадника. Он переминался с ноги на ногу и толкал мордой скрипучие ворота. Девушка поняла, что, как только море утихло, кони пиратов вернулись к своим домам. Жеребец был не хозяйствский, а, видимо, постояльца-пирата. Не раздумывая, Соня вернулась на конюшню и стала снаряжать животных в дорогу. Она была уверена, что теперь каждый незнакомый человек в деревне может вызвать подозрение. Выведя свой маленький караван через калитку, девушка направилась по дороге, указанной контрабандистами.

Каменистая тропа, извиваясь, круто шла в гору. Соня настороженно оглядывалась: не гонятся ли

за ней. Низкие прозрачные кусты, росшие кое-где по склонам, не могли служить надежным укрытием. Но время шло, а преследователей не было видно. Наверное, наивная девица, которой так легко всучили подпорченный товар, не вызвала подозрений. Скорее всего, озабоченная родня сейчас спешила в сторону залива Нергалей Пасти. Соня спешилась и повела лошадь в поводу по извилистой тропке.

Солнце еще стояло невысоко, когда маленький караван достиг перевала. Все устали карабкаться в гору, путница да и животные мечтали об отдыхе. Девушка обернулась: вдали, словно в чаше, образованной склонами гор, за голубоватой дымкой виднелось море. Отсюда оно казалось ласковым и безмятежным.

Без сожаления Соня отвернулась от этой дышащей покоем картины и посмотрела вперед. Они вышли на небольшое каменистое плато. Тропа пересекала его и уходила вниз.

— Я думаю, что мы не будем отдыхать на этих камнях,— обратилась Соня к своим спутникам.— Мне они уже достаточно намяли бока.

Тут девушка почувствовала, что сыта по горло тайнами, сокровищами, приключениями и смертями. Ей захотелось тепла, уюта, безопасности, ей захотелось дома. Но дом это не только высокие каменные стены — это ласковые объятия матери, ободряющий взгляд отца, смех и возня сестры и братьев...

Девушка до боли сжала пальцы. Ее грандиозные планы мести рухнули. Конечно, с жемчужинами,

что лежали у нее за пазухой, можно было начать безбедную жизнь тавернщицы или лавочницы, но подобное существование не для нее. Оставалось одно — дорога. Ведущая из города в город, из страны в страну. Широкая или узкая, проходящая по степи, лесам, горам, дорога, по которой идут купцы, переселенцы, воины, бродяги, дорога, на которой порой встречаются стражники и разбойники, дорога, на которой все знакомо и привычно.

Взяв Ману за повод, Соня начала спускаться. Внизу их ждала благодатная долина, но раннее пробуждение и утомительный путь в гору уже давали себя знать. И девушке, и животным требовался отдых. Наконец она увидела удобную полянку и решительно свернула с тропы.

Когда Соня освободила своих верных спутников от поклажи, Ману и мул, несмотря на обилие травы, уткнулись мордами в мешки с заморским товаром. Они фыркали, хватали губами завязки и явно пытались добраться до содержимого. Девушке стало любопытно, и она развязала один из тюков.

Унаби слиплись в коричневатые комки, местами тронутые беловатым налетом. Выбрав плод получше, Соня осторожно надкусила его. Вкус приторно-сладкой мякоти странно противоречил плотной горьковато-соленой кожуре, отдававшей знакомым привкусом моря. «Подмочили в пути, подсушили и продали заезжей дурочке». Соня задумчиво рассматривала надкусенный плод. В этот момент нежные губы Ману осторожно взяли с ладони девушки унаби, а мул уже успел засунуть морду в мешок и хрустел заморским лакомством, шеве-

ля длинными ушами. Отпихнув нахала, девушка вытряхнула часть груза на траву. Толкая друг друга мордами, животные приступили к еде.

— Почти четверть золотого за обед для этих друзей, — прикинула Соня, — так и разориться не долго.

Передохнув и пожевав остатки вяленого мяса, она натянула кольчугу, длиннополую рубаху, накепила вытащенную из поклажи саблю и спрятала волосы под тюрбаном, опять превратившись в юношу торговца. Мешки с товаром только помогали ей играть эту роль.

Сладкие плоды пришли по вкусу четвероногим и явно пошли им на пользу — у них прибавилось сил. После отдыха животные шли быстрее, а на ровных участках дороги сами переходили на рысь.

Временами Соня оглядывалась, все еще опасаясь погони. Ей хотелось поскорее добраться до большого караванного пути, где она могла легко затеряться среди странствующего люда.

К вечеру девушка спустилась в долину, до которой так мечтала добраться, и, не останавливаясь, свернула на дорогу, по которой совсем недавно она ехала с караваном в Астгалун.

Соня узнала это место. Она вспомнила, что неподалеку расположено селение, в котором можно будет остановиться. Девушке не хотелось ночевать одной, поблизости от стоянок путешествующих купцов. Где тюки с товарами — там и любители легкой наживы.

Вскоре показались невысокие белые домишки, окруженные садами. На въезде в деревню находил-

ся небольшой постоянный двор. Ворота были распахнуты, и за ними на утоптанной площадке перед таверной вокруг костров расположилось множество людей. Яркая одежда и горянская речь выдавали кочевников. Неподалеку от них стояли лошади и повозки. Девушке пришлось буквально проталкиваться к конюшне, чтобы отыскать место для Ману и мула. Затем она пустилась на поиски хозяина. Невысокий, очень подвижный, несмотря на полноту, человек радостно улыбнулся Соне как старой знакомой.

— Конечно, для молодого господина найдется и маленькая комната, и ужин. Свободные стояла на конюшне тоже есть,— доброжелательно ответил он на все ее вопросы.

— Это хорошо, а то я испугался, увидев столько народа во дворе,— девушка кивнула в сторону кочевников.

— Это руми. Они не платят за комнаты, ночуют в своих кибитках,— охотно пояснил тавернщик.— Готовят они себе сами, на кострах. Продукты, конечно, покупают у меня, а бывает, что-нибудь и стащат. Только смотри за ними.— Толстяк вздохнул.— Скорее бы уехали. Прибыль от них — десяток серебряных монет, а хлопот не оберешься.

— А давно они тут? — Соня забеспокоилась о своих животных и поклаже.

— Да уже четыре дня как поселились,— хозяин посчитал на пальцах,— а сказали, что будут жить пять или шесть дней.

— Ты не знаешь, куда они идут,— поинтересовалась девушка,— в Асталун или из него?

— Из Асталуна куда-то на юг или на восток,— тавернщик неопределенно махнул рукой.— Да кто их знает. Люди вольные.

Вскоре хозяин поставил перед Соней миску с дымящейся похлебкой, в которой плавали большие куски мяса. Девушка почувствовала, как надоело ей вяленое да соленое и с наслаждением принялась за свежеприготовленную баранину.

К ней за стол, бросив на время свою шумную родню, подсела молодая девушка руми.

— Далеко путь держишь? — она не смущаясь говорила с незнакомым молодым парнем.— Я тебя сразу заметила, как только ты въехал во двор.

— Тебя не будут ругать за то, что ты ушла от своих? — Соня доела похлебку и отодвинула миску.

— Меня ругать?! — незнакомка рассмеялась.— Нет, мне отец все разрешает.

На мгновение глаза девушки стали печальными, но она тут же вновь широко улыбнулась.

— Тебя как зовут? Меня — Дэли. И куда путь держишь?

— Темир,— называлась, как обычно, Соня.— Вы куда направляетесь?

— Какой ты скрытный! — Дэли шутливо погрозила пальцем.— Я первая спросила.

— Возвращаюсь в Лагош.

Соне было легко и спокойно с этой веселой кочевницей, и решение идти в богатый торговый город пришло внезапно. Там она сможет выгодно продать жемчуг и с полным правом зайти в знаменитые лавки оружейников. Девушка вспомнила

даматскую саблю Файрада, ее сердце взволнованно забилось — теперь и она может себе позволить подобное драгоценное оружие. Да и Ло Юня и Йоке неплохо бы повидать. Оторвавшись от размышлений, Соня открыто взглянула на смуглолицую собеседницу:

— Ну что, по пути нам?

— Не знаю, может и да, — пожала плечами Дэли, — надо у отца спросить. Вроде бы он упоминал такой город. Пойдем, спросим у него.

Она тут же вскочила и потянула новую знакомую за руку.

На дворе уже не было прежнего шума и суеты. Молодые женщины ушли укладывать детей спать. Старшие сидели возле костра и тихо беседовали. При появлении Дэли и Темира все замолчали, глядя на них.

— У тебя новый приятель, дочка? — обратилась к ней рослый, крепко скроенный человек. — Надеюсь, он не из соглядатаев Испархангея, охочих до чужих разговоров.

— Ну что ты, отец. Это Темир, он едет в Лагош, — Дэли говорила с отцом так же открыто и доброжелательно. — Нам не по пути?

— Мы едем в ту же сторону, но в Лагош заходить не будем, — он испытующе посмотрел прямо в глаза Сони.

— Значит, он может ехать с нами почти до конца, — решила за всех Дэли.

— Как ты можешь так, — укоризненно покачал головой кочевник. — У Темира могут быть свои планы.

Юная кочевница смутилась. Она с улыбкой посмотрела на Соню, как бы прося извинить ее горячность. Но все, что говорила и делала девушка, было так естественно и открыто, что обижаться на нее не приходило в голову.

— Если вы позволите присоединиться к вам, то я буду только рад и благодарен. — Соня улыбнулась в ответ Дэли. — Так случилось, что я осталася без спутников, а длинная дорога в одиночестве и скучна, и опасна.

— Что ж, хорошему человеку мы всегда рады, — пожилой кочевник повел рукой в сторону костра, вокруг которого расположились люди его рода, — присаживайся. Меня зовут Шаваш.

Кто-то подвинулся, уступая Соне место, кто-то протянул ей лепешку и кружку молока. Девушка почувствовала себя гостьей большой дружной семьи. Прерванная беседа полилась вновь. И где только не бывали эти люди!

Когда она добралась до своей каморки, небо было усеяно бледнеющими звездами. Соня с наслаждением вытянулась на топчане.

Постель оказалась лучше, чем она ожидала. Тюфяк, набитый свежей сухой травой, издавал тонкий приятный аромат. Такая же душистая подушка обещала приятные сны. На дворе заплакал во сне ребенок, мать успокоила его тихим ласковым голосом.

Утром девушку разбудили крики и скрип повозок. Выйдя во двор, она увидела, что кочевники собираются в дорогу. Тут же крутился хозяин постоялого двора, зорко следя за тем, чтобы часть

его имущества не уехала странствовать по свету. Соня приветливо махнула ему рукой и прошла в дверь, ведущую в таверну. Проводив гостей, толстяк вернулся к своим обычным делам, и гостья подозвала его к себе.

— Любезнейший, у меня осталось всего три с небольшим мешка прекрасных унаби.— Она посмотрела на хозяина и поняла, что тот едва ли что знает об этих плодах.— Это дорогой контрабандный товар, и я не рискую везти его в такой сомнительной компании.

Тавернщик сочувственно покивал головой, не проявляя заинтересованности.

— Поверь, в ближайшее время, пока не привезут другие вендиjsкие плоды, это будет самое ходовое заморское угощение для богатых путешественников,— понизив голос, Соня долго расхваливала свой товар.— Я могу уступить тебе все по очень недорогой цене. Всего три золотых за целый мешок и полтора за начатый.

Хозяин всплеснул руками, услышав предложение, и стал рассказывать, как один человек, по словам соседа, сильно погорел на покупке этих самых унаби. Их отказалась есть даже скотина.

— Пойдем, я покажу тебе на собственных животных, что для них это не меньшее лакомство, чем для людей.— Девушка решительно поднялась из-за стола.

В конюшне животные не подвели свою хозяйку. Почуяв знакомый аромат, Ману и мул радостно устремились к кучке высыпанных на землю коричневых сморщеных плодов.

— Попробуй и ты.— Соня широко раскрыла горловину мешка.

Толстяк недоверчиво покачал головой, но любопытство пересилило, и он зачерпнул горсть плодов. Почувствовав на языке соленую горечь морской воды, он сморщился и захотел выплюнуть угощение, но сдержался и вскоре был приятно удивлен.

— Вот видишь, именно этот резкий привкус принес унаби славу изысканного яства.— Соня потянула за веревочные завязки.

Тавернщик горестно вздохнул и стал жаловаться на дороговизну, на убыточность своего заведения и на лишающую его последнего здоровья сварливость жены.

О цене торговались долго и, наконец, сошлись на двух золотых за целый мешок и одном за начатый. Теперь вздыхала девушка, жалуясь, что не заработала ни гроша на таком замечательном товаре.

Получив деньги, она быстро вывела животных за ворота постоянного двора и отправилась догонять кочевников, караван которых уже поднимал пыль на дороге за селением.

Обгоняя повозки, вьючных лошадей, всадников, Соня проехала вперед, где на вороном коне гордо восседал Шаваш, отец Дэли. Дорога полого шла вверх.

Далеко впереди, окутанные дымкой, темнели покрытые лесом горы. Заметив попутчицу, глава рода кивком подозвал ее к себе. Колючим настороженным взглядом окинул он фигуру девушки

и положил руку на рукоять кинжала... Соня внутренне сжалась, натолкнувшись на стол явное ненасыщаемое дружелюбие.

— За долгую кочевую жизнь я повстречал на дорогах много разного люда.— Шаваш замолчал, все так же пристально глядя на всадницу.— Меня трудно обмануть. Ты не та, за кого себя выдаешь, мне жаль, что моя дочь так ошиблась, мир в ее душе мне дороже всего, поэтому ты незаметно исчезнешь, а я уж как-нибудь объясню ей твой спешный отъезд, девушка.

Теперь Соня поняла перемену в настроении кочевника. Его, так же как и старого кхитайца, не обманули ни мужской костюм, ни умелое притворство.

— Ты прав, мой наряд может обмануть только невнимательный взгляд, но не ищи в этом злого умысла. Просто в тавернах и на постоянных дворах удобнее быть молодым проходимцем, чем бродячей девчонкой.— Соня посмотрела на Шаваша, пытаясь понять — верит он ей или нет.— Если ты настаиваешь, я, конечно, уйду. Мне не привыкать к одиночеству. Я и с кобылой могу поговорить. Поверь, за время странствий мы научились прекрасно понимать друг друга,— она грустно улыбнулась.

Шаваш не сводил взгляда с бегущей под копытами коня дороги.

Рассказ Сони развеял его подозрения — в сущности, рядом с ним оказалась бесприютная, совсем молоденькая девушка, и судьба ее так же неопределенна, как судьба его родной дочери.

— Чья же злая воля выбросила тебя одну на проезжую дорогу? — Голос кочевника потепел.— Где твои родные?

— У меня никого нет.— Теперь нахмурилась девушка, она не любила говорить о своей семье.— Никого нет среди живых.

Шаваш сочувственно покачал головой. Сам он жил в постоянном страхе за свою дочь, над которой висел рок, но обстоятельства жизни его спутницы оказались еще хуже — за нее даже некому было бояться.

— Ну что ж, у нас говорят — хороший попутчик сокращает дорогу,— кочевник протянул Соне руку.

Ощущив крепкое рукопожатие, девушка почувствовала, как внутри исчезло мучительное напряжение. Теперь впереди несколько дней спокойного пути — не надо притворяться, следить за собой и всеми, бояться разоблачения, которое могло закончиться серьезными неприятностями.

Некоторое время они ехали молча. Каждый думал о своем, и молчание не было тягостным. На своей невысокой крепкой лошадке всадников догнала Дэли.

— Вы что, поссорились? — Она перевела взгляд с Сони на отца.— Что-то вы тут так бурно обсуждали, а теперь молчите.

— Ну, мы же серьезные люди,— Шаваш погладил ладонью окладистую бороду,— мы не можем без остановки болтать, как легкомысленные девочки.

— Значит, вы не ссорились,— сделала вывод кочевница,— а то я приехала защищать Темира.

— Твоя новая подружка совершенно не нуждается в защите,— мужчина снисходительно улыбнулся дочери.— Она и сама за себя может постоять.

— Подружка? — Глаза Дэли стали круглыми от удивления.

— Ну да,— подтвердила Соня.— Просто я оказалась одна и решила, что так в пути будет проще. Ты простишь мне этот обман?

Дэли, поняв, как ошиблась, стала медленно краснеть. Румянец, пропустив сквозь смуглую кожу, постепенно окрашивал щеки, лоб, шею и даже уши. Закусив губу, девушка медлила в нерешительности, но через мгновение уже весело рассмеялась и обняла Соню за шею.

— Мы никому ничего не скажем,— Дэли уже простила и забыла обман.— Пусть это будет наша тайна.

— Хорошо, хорошо, хохотушка, а теперь оставь нас.— Шаваш внимательно поглядел на дорогу.— Я хочу поговорить с твоей подругой. Для всех остальных ты по-прежнему будешь Темиром. Поверь, у нас не принято задавать лишних вопросов.

На сей раз девушка не стала возражать отцу. Съехав на обочину, она остановилась, поджиная повозку, в которой ехали ее приятельницы.

— Темир, ты говорил, что недавно уже ехал по этой дороге. Расскажи, что тебе запомнилось,— обратился предводитель кочевников к своей попутчице.

— Я ехал с купеческим караваном, Шаваш. Караван-бashi Ормуз был старый и опытный. Он выбирал удобные стоянки, где было много травы

для лошадей и хорошая вода. Мы ехали с сильной охраной, но разбойники все-таки напали на нас в горах.— Соня задумалась.— Жители большого селения Бахруз, что лежит за горными перевалами, думаю, заодно с разбойниками.

— Все по-прежнему,— усмехнулся Шаваш.— Горцы не меняют своих привычек.

— А недалеко отсюда нам встретились самозванцы, выдававшие себя за сборщиков налога. У них оружие и одежда, как у настоящих стражников. Они попытались взять с нас деньги, и немалые, на борьбу с разбойниками.

— Да, раньше такого не было. А как вы узнали, что это самозванцы?

Соня замялась. Кочевник сделал ей знак, прося помолчать, и стал пристально вглядываться вдаль. Вдруг он привстал на стременах и, обернувшись, что-то громко крикнул. Караван остановился.

— Впереди отряд воинов. Если мы им нужны, пусть подъедут сами.

Стражники не заставили себя ждать. Всадники в латах, вооруженные копьями и саблями, перегородили дорогу. Начальник отряда подъехал к Шавашу.

— Эй, руми, далеко собрались?

— Далеко, мой господин,— миролюбиво ответил Шаваш.— Сейчас через горы, а дальше в сторону Лагоша.

Соня осмотрела латников, но так и не увидела ни одного знакомого лица.

— В горах орудует шайка разбойников, но я думаю, что с вами они не станут связываться. Они

поджидают богатые караваны.— Начальник стражи пытливо смотрел на Шаваша близко посаженными глазами, видимо решая, сколько можно потребовать с этого кочевника.

— Спасибо за предупреждение, благородный воин. Мы постараемся избежать встречи с горцами,— усмехнулся собеседник, пряча насмешку за церемонной вежливостью.— К тому же разве ты не замечал, что чаще попадают в беду путники, идущие в Астгалун, а не обратно?

— Ну, с теми, кто идет с гор, мы уже не можем поговорить,— резонно заметил стражник.— Но по эту сторону перевала мы постоянно слышим о безобразиях горцев. Здешнее начальство решило построить на дороге укрепление, и поэтому введен специальный сбор со всех проезжающих.

— Любезный, когда я с караваном ехал в Астгалун, стражники пытались взять с нас подобный сбор, но оказалось, что это были самозванцы.— Соня подъехала вплотную к нему и достала посольский знак Счастливчика.— У нас есть разрешение беспрепятственно проезжать по всем дорогам и право не платить никаких сборов.— Она показала золотую пластинку с изображением льва.

— Да, это знак государственного чиновника,— подтвердил стражник,— но я его здесь не вижу. Откуда у тебя это?

— Я и есть государственный чиновник и выполняю особое поручение,— не смущаясь, заявила девушка,— а отчитываться перед сельской стражей, как ты, надеюсь, знаешь, не обязан. Я постараюсь, милейший, чтобы правитель Испархангей,

да продлятся его годы, узнал о произволе, царящем на дорогах в подвластных ему землях. Из-за таких, как вы и ваше начальство, великий Астгалун скоро превратится в бедную, всеми забытую деревню. Скажи-ка мне свое имя!

Услышав подобную речь, начальник стражи опешил. Он очень сомневался в правах этого молодого горластого парня на знак посла, но кто знает... Старый служака решил подчиниться.

— Извините, мой господин. Тут какая-то ошибка. Конечно, и вы, и ваши люди могут ехать.— Он дал знак отряду освободить дорогу, благородумно решив, что отыграется на следующем караване.

Соня и Шаваш отъехали в сторону, пропуская растянувшихся цепью кочевников.

С улыбкой девушка глядела на едущих шагом всадников руми, на повозки с детьми и женщинами, на идущих рядом с вьючными животными погонщиков-мальчишек. На нее смотрели удивленные глаза, встревоженные глаза и только одна пара сияющих восторгом глаз — это были глаза Ээли.

Заняв место во главе каравана, Соня и Шаваш долго ехали молча. Предводитель кочевников чуть придержал коня, чтобы девушка не видела его лица.

— Спасибо тебе, Темир,— тихо произнес он,— если бы не ты, они бы еще долго выжимали из нас сок по капле.

— Не стоит благодарности,— отмахнулась попутчица.— Я этих ненасытных шакалов терпеть не могу. От их наглых рож у меня зубы начинают болеть. И нечего с ними церемониться. Если мож-

но их как-то обмануть, то это и нужно делать. Да что я тебя учу, вы, руми, в этом деле сами большие мастера.

Кочевник улыбнулся. Чтобы уйти от ненужных расспросов, Соня перевела разговор на другую тему, которая с недавних пор крепко засела у нее в голове.

— Скажи, Шаваш, правда ли, что руми — выходцы из Вендии?

— Правда, — неохотно ответил он, искоса поглядывая на Соню. Интересная все-таки она девчонка. По виду — обычная бродяжка, а имеет при себе золотой знак. Если бы украла, то побоялась бы показывать его. А она, наоборот, так насидала на стражу, будто всю жизнь повелевала людьми.

* * *

— О, пожалуйста, расскажи мне о Вендии, — не отставала Соня, несмотря на скромный ответ. — Я слышала о ней много, но хочу узнать еще. Все рассказывают по-разному.

— Мой народ вышел из Вендии в незапамятные времена. Никто из нас не видел ее, — Шаваш недолго задумался, — да и праотцы наших праотцев уже забыли эту землю.

Он умолк, показывая, что не расположен продолжать беседу, но от настырной спутницы было не так-то просто отвязаться.

— А почему твой народ ушел оттуда? — не унималась девушка.

— Старики говорят разное, — вздохнул Шаваш, — одни рассказывает, что наш народ бежал от

вражеского нашествия. Другие — что мы ушли от голодной смерти, когда на страну обрушилась засуха и ураганы с моря.

— А почему бы вам не вернуться обратно? Я слышала, что это благодатный и плодородный край.

— Подожди. От третьих я слышал, что в Вендии на наш народ пало страшное проклятье неведомых богов. Из-за него мы не можем вернуться и вынуждены скитаться. Да и здесь, вдали от нашей прекрасной родины, оно порой настигает нас...

— Ну, с проклятьем высших сил, висевшим над одним селением, я однажды имела дело.

И Соня рассказала кочевнику, как освободила девочку от работорговцев и успокоила всех жителей деревни, поведав им правду, услышанную в лесу.

Шаваш усмехнулся и покачал головой.

— За тех людей можно только порадоваться, но наша история гораздо более давняя и страшная. Мне не хочется говорить о ней, потому что это слишком близко касается меня и ранит. Прости. — Он замолчал, погрузившись в свои невеселые раздумья.

Девушка не решилась расспрашивать дальше и молча ехала рядом.

— Пожалуй, я поведаю тебе одно сказание нашего народа, — нарушил тягостное молчание кочевник. — Эта легенда кажется мне наиболее правдивой. Давно я ее никому не рассказывал, а сам узнал от стариков. История эта передается из поколение в поколение, но никто никогда ее не за-

писывает. Поэтому знают ее только руми. Послушай, и ты лучше поймешь нашу жизнь.

Как ты знаешь, руми — выходцы из Вендии. Там жили наши очень далекие предки. Легко там жилось: лето долгое, земля обильна плодами и злаками, леса полны дичи. Радостью полнились сердца людей, и от этого лица их тоже были прекрасны.

Но однажды солнце вдруг погасло среди бела дня, поднялся такой сильный ветер, что толстые стволы деревья склонились как трава, а налетевшие тучи опустились на землю. Когда же порыв утих и тучи исчезли, все увидели, что на площади, где обычно руми собирались на праздники, вырос большой прекрасный цветок. Его алые лепестки были плотно сжаты в бутон, от которого волнами исходило сияние. Неожиданно бутон раскрылся, и из него вышла женщина. Ее одежда, ее красота — все говорило о принадлежности незнакомки к сонму богов.

Поселившись среди людей, она выбрала себе мужа. Однако быть супругом богини оказалось непросто, и вскоре она отвергла его и выбрала другого, а затем эта история стала повторяться вновь и вновь. Она умела внушать к себе любовь.

Отвергнутые мужья богини отчаянно страдали и жили недолго. Они либо уходили от людей и погибали в джунглях, либо тихо угасали от тоски. Один из них создал прекрасную статую этой женщины-божества. Сделанная из камня, она сверкала как золотая. Когда богиня узнала об этом, она велела поставить изваяние на площади, где все эти годы сиял принесший ее цветок.

Шли годы. Люди старились, умирали, а она оставалась молодой и прекрасной. Однажды она увидела юношу и пожелала его себе в мужья. Совершенно неожиданно и впервые за многие годы красавица получила отказ:

— Нет. Я люблю другую девушку. Она юна и красива, мы вместе проживем жизнь, вырастим детей, состаримся и умрем. Жизнь наша будет согрета человеческой любовью.

— Но со мной тебе откроется чудесный мир. Никто из моих мужей не сожалел о годах, проведенных со мной!

— Зато последние годы их жизни достойны сожаления. Отвергнутые тобой, они не могут найти себе места ни среди людей, ни вдали от смертных. Ни один не создал семью, не вырастил сына или дочь, которые согрели бы его старость. Сама жизнь не хочет знать этих людей.

— Одумайся! — Злость исказила прекрасное лицо богини. — Если ты не откажешься от своей избранницы и не придешь ко мне, я прокляну все ваше племя, большинство ваших девушек будут умирать, не родив таких желанных для вас детей. Ваш народ станет жалким и ничтожным скитальцем. Постепенно все ваше племя погибнет. Это будет длиться долго, мучительно долго. Только призрак надежды даст вам силы жить. Но в конце концов от вас останется только жалкая кучка стариков, забывших свои корни. — Гнев оставил богиню, уступив место холодной уверенности. — Я жду тебя завтра утром на площади возле статуи.

Юноша пошел к своей возлюбленной, ничего не сказав девушке о предложении богини. Они мечтали о близкой свадьбе и о долгой прекрасной жизни.

Утром богиня пришла на площадь. Она подошла к цветку, в центре которого возвышалась статуя. Вокруг начал собираться народ. Все перешептывались и чего-то ждали, словно чувствуя близость какого-то важного события...

Вдруг сквозь толпу уверенно стал пробираться какой-то молодой человек. Он подошел к стоящей в центре женщине и что-то сказал ей, отрицательно покачав головой. Она гордо оглядела всех и подняла руки, привлекая внимание собравшихся.

— Слушайте! — Голос ее был холoden и бесстрастен. — Много лет я жила среди вас, и ваша жизнь протекала как праздник без особых усилий с вашей стороны. А сегодня впервые я не получила желанного. Я покидаю ваше племя, на котором отныне лежит проклятье. — И она повторила все, что накануне сказала юноше. — Снять с вас заклятие сможет только мой талисман. — Она сняла с шеи украшение и вложила в руку своему каменному двойнику. — А вы отныне будете бродить по свету в поисках этого талисмана-избавителя. Проклятье вам!

Сказав это, женщина-богиня вошла внутрь цветка и стала рядом со своим изваянием. Лепестки вздрогнули и закрылись. Небо скрылось за темными тучами, налетел ураган, и в наступившей темноте никто не увидел, как исчез цветок.

С тех пор жизнь и судьба всех руми изменились. Долгие века мы бродим по свету и надеемся найти наше избавление.

Соня слушала руми затаив дыхание. Когда она услышала о золотом изваянии прекрасной богини, смутная догадка шевельнулась в ее голове. «Нет, очень уж далеко залетела эта жестокая женщина-божество, — отмахнулась девушка от неожиданной мысли. — И кто мог спрятать в подводной пещере ее статую? Нет, здесь, наверное, какая-то другая тайна».

— А больше никто из руми не встречал эту богиню?

— Что? — очнулся от своих мыслей Шаваш. — По-моему, больше никто ее не встречал. Во всяком случае, я об этом никогда не слышал.

— Какой же талисман вы ищете? Как он выглядит? — Соня внимательно поглядела на кочевника. — Легенда что-нибудь говорит об этом?

— Нет, о нем ничего не говорится, — вздохнул Шаваш. — Да и кто мог упомянуть, какие украшения носила богиня. Разве что ее мужья, но они все погибли.

— Как же вы тогда надеетесь найти его?!

— Да мы уже ни на что и не надеемся, — печально усмехнулся собеседник, — просто бродим по свету, как бродили многие поколения руми до нас. Да и кто сказал, что эта легенда правдива? Может быть, это просто красивое и грустное предание.

— А как же проклятье? Умирают ваши девушки или нет?

— Случается. Бывает, что красивая девушка собирается замуж и в самый канун свадьбы с ней происходит несчастье. Или молодая женщина оказывается бесплодной. Возможно, это просто совпадение.

Шаваш опять задумался, глядя вперед, а Соня решила на время прекратить расспросы. Она придержала лошадь и подождала, пока с ней не поклонялась Дэли, глаза которой блестели от любопытства. Ей очень хотелось узнать, о чем так долго беседовали ее отец и удивительная подруга, носящая мужскую одежду и отзывающаяся на мужское имя, но поговорить им не удалось. В тот же миг раздался зычный голос Шаваша.

— Эй, Темир,— предводитель руми поджидал путницу, съехав на обочину дороги,— ты говорил, что знаешь удобные места для ночевки. Мы очень давно бывали в этих краях, здесь многое изменилось.

Соня огляделась, припоминая свой путь с караваном в Асгалун.

— Здесь неподалеку должен быть родник. Мы остановились около него днем. Я думаю, что мы без труда найдем его.

Найти место лагеря караванщиков оказалось легко по темным пятнам кострищ на зеленой траве. Не мешкая стали устраиваться на ночь. Девушка тут же заметила разницу между купеческим караваном и кочевниками. Там каждый человек был сам по себе, здесь же все решалось сообща. Вместе обсудили, как расставить повозки, куда выпустить пастись животных, сколько разложить костров и

что готовить на ужин. Это не заняло много времени, и вскоре освобожденные от поклажи и повозок животные паслись у ручья, а насижившиеся за день детишки шумно играли на поляне. Присмотревшись внимательно к маленьким руми, девушка рассмеялась. Почти каждый малыш сжимал в перепачканном кулаке сущеные унаби. Когда и как они успели стащить заморские плоды у хозяина постоянного двора, для Сони оставалось загадкой.

Шаваш пригласил девушку присесть у костра рядом с ним.

— Мы, руми, не любим брать в попутчики посторонних людей. Наш народ всегда живет обособленно,— кочевник протянул Соне миску с ароматной похлебкой,— но за тебя попросила Дэли, а ей я не могу отказать ни в чем. Да теперь я и не жалею об этом.

Соня очень хотела есть и поэтому смогла съмешать еду с беседой только после того, как утолила первый голод.

— Дэли — прекрасная девушка,— возобновила Соня давно оборвавшийся разговор,— у нее замечательный характер, с ней просто и легко. Она умеет принимать человека таким, какой он есть, и не надо лезть из кожи вон, чтобы понравиться ей.

— Ну, это потому, что ты ей приглянулся, а с теми, кто ей неприятен, Дэли бывает очень колючей.

Глаза Шаваша теплели, когда он говорил о дочери. К ним подошла Дэли, и разговор прервался.

— Темир, ты, наверное, заметил, чем лакомятся наши дети? — девушка лукаво смотрела на Соню.

— Конечно, заметил,— засмеялась в ответ она,— только не пойму, когда вы успели их стащить. Ведь я продал их хозяину и последним уехал с постоянного двора.

— Больше никогда не показывайся там. Тавернщик теперь уверен, что ты прожженный мошенник. Ведь мы отсыпали из начатого мешка половину твоих фруктов, а взамен положили вниз сущеных яблок из его же кладовой.

Они весело рассмеялись, представив удивление и гнев хозяина таверны. Вскоре все стали расходиться на ночлег к своим повозкам. Опустившаяся с гор ночь погрузила все во тьму. Казалось, на свете нет больше ни лесов, ни гор, ни далекого моря — нет ничего, кроме неровного пламени костра.

Девушки вдвоем сидели у огня. Соне было жаль, что она вскоре расстанется с этой удивительной руми. Ей всегда хотелось иметь такую подругу — добрую, веселую, откровенную, но жизнь не позволяла ей ни к кому привязываться надолго.

— Смотри,— воскликнула Дэли,— звезда упала. Ты видел?

— Нет, засмотрелся на огонь,— девушка запоздало подняла лицо к небу.— Мне очень хочется увидеть. Говорят, если успеешь задумать желание, пока летит звезда, то оно обязательно исполнится. А тебе удалось?

— Я даже не знала об этом.— Дэли смотрела на Соню широко распахнутыми, черными как ночь глазами.— У меня есть только одно желание. Мне бы теперь опять увидеть падающую звезду.

— Одно? Так не бывает. Ты немного подумай, и у тебя не хватит пальцев на руках, чтобы сосчитать все желания.

— Нет,— кочевница печально вздохнула.— Тебе разве не сказал отец о проклятии, которое тяготеет над нашим народом?

— Говорил.— Соня была поражена. Неужели у этой девочки единственная мечта — спасти свой народ?

— Мне предсказала одна старуха, что в нашем роду судьба выбрала меня и век мой недолог. Есть, правда, какой-то волшебный амулет, что может меня спасти, но где он? — Руми помешала палкой угли в костре.— Вот я и радуюсь каждому дню, каждому мгновению, ведь оно может стать последним для меня.

Только теперь Соня поняла все недомолвки Шаваша и неизменную грусть в его глазах. Однако Дэли по обыкновению уже смеялась и, рассказав пару забавных историй о своем племени, умчалась к отцу, пожелав собеседнице спокойной ночи.

Утро началось многоголосым шумом и всеобщей суетой. Собирались тщательно — предстоял тяжелый переход через горы.

Возможная встреча с разбойниками настроила всех на серьезный лад. Мужчины в который раз проверяли оружие, женщины поплотнее увязывали тюки, чтобы ничего не потерять при быстрой езде. Молодых матерей и детей Шаваш отправил в середину каравана. Их сопровождали наиболее опытные, проверенные в многочисленных стычках на дорогах, воины.

Наконец тронулись в путь. Соня слегка удивилась: мальчишки-погонщики смело и уверенно вели животных по узкой горной тропе, как будто рождены были не в повозках кочевников, а в хижине горцев. Когда путники приблизились к опасному ущелью у перевала, девушка опять взяла в руки лук и поехала, настороженно оглядывая нависающие с двух сторон скалы.

Солнце еще только начинало клониться к закату, когда кочевники добрались до широкого карауленного пути и начали спускаться в долину. Настроение у всех заметно изменилось — послышались разговоры, смех, кто-то запел. Остановиться решили после того, как проедут подозрительное селение.

— Там неподалеку большие сады, — вспомнила Соня, — со спелыми ароматными плодами, сладкими, как... унаби.

Услышав про заморский плод, все рассмеялись. А Шаваш одобрительно кивнул.

Во время стоянки девушка вместе с молодыми руми отправилась в сад. Незаметно подобравшись к майолиновым деревьям, они быстро набрали несколько мешков сочных плодов, чтобы хватило всем. После удачного набега девушка устроилась отдохнуть чуть в стороне от лагеря кочевников, где всегда шумели дети. Неторопливо поглощая сладкую мякоть и отдавая корки стоявшим рядом лошади и мулу, она бездумно смотрела на небо, любуясь проплывавшими мимо причудливыми облаками. Высоко в небе, прямо над ее головой кружила темная точка. «Наверное, орел», — подумалось

Соне. Почувствовав усталость, она легла на бок и задремала.

Проснулась она от резкой боли у ключицы. Вскрикнув, девушка подняла голову. Рядом с собой она увидела отвратительную голую шею стервятника. Испуганный криком, он отскочил и теперь внимательно оглядывал Соню то одним, то другим глазом, словно выискивая что-то. Девушка испуганно замерла, зная, что эти птицы отваживаются приближаться только к мертвым или умирающим людям.

Неужели смерть рядом? Соня вскочила на ноги. Пернатый падальщик отбежал на несколько шагов и остановился, уставившись на девушку злыми глазками. Тревога холодной волной захлестнула сознание Сони. Неужели Ло Юнь ошибся... Или, может быть, толстый пират, упавший в море, чудом уцелел и теперь одна из шести смертей приближается к ней? Девушка машинально поднесла руку к груди, туда, где под одежду на плетеном золотом шнурке висела темная причудливая жемчужина. Увидев это движение, стервятник подскочил к ней, издал громкий противный крик и замер, изготавливаясь к нападению.

— Ах ты, тварь! Так вот что тебе понадобилось, ведьмин прихвостень. Получи!

Соня выхватила кинжал, метнуть его было делом одного мгновения — и мерзкая птица забилась в агонии.

Обтерев клинок о жесткие перья и перевязав свою рану, девушка долго не могла успокоиться. Взглянув на небо, она вновь увидела в синеве кру-

жающуюся над ее головой темную точку. Соня без сил опустилась на землю. Неужели у ведьмы такие длинные руки? В какой-то момент девушка была готова выбросить опасное сокровище, но сдержалась.

Пока она вместе с дружными, смелыми, хитрыми руами, ей особенно нечего бояться. Свистнув своим четвероногим спутникам, девушка отправилась в лагерь. Там царила обычная шумная суeta.

— Эй! Красавчик! — окликнула Соню рябоватая женщина. — Что это у тебя горло обвязано? Какая-нибудь поселянка майолины пробовала, да спутала их с твоей шеей?

Все, кто слышал, засмеялись беззлобной шутке.

— Твоя правда. Может, ты там среди деревьев пряталась? — подхватила Соня.

Теперь все остроты посыпались на голову неказистой руами, так опрометчиво начавшей задевать девушку. А та пошла дальше, отыскивая Дэли и Шаваша. Она нашла их чуть поодаль от всех, села рядом и положила прямо на землю прихваченное из сада угощение.

— Дэли, ты почему не пошла со всеми? — Соня вонзила кинжал в ароматную мякоть, и плод с хрустом раскололся. — Ты не любишь сладости?

— Люблю. Меня отец не пустил. Побоялся, что там может начаться драка. И, видимо, он прав — тебя поранили, — она кивнула на перевязанную шею подруги.

— Пустяки. — Соня покрутила головой. — Меня стервятник клюнул, когда я спала.

Шаваш поднял голову от работы и с удивлением посмотрел на девушку.

— Что-то я никогда не слышал, чтобы эти падальщики на живых людей нападали.

— Я этой ночью здесь около вас устроюсь, — не отвечая, продолжила Соня, — а то вдруг и правда поселяне пожалуют.

Дэли радостно поддержала ее просьбу, а кочевник только неопределенно хмыкнул в ответ.

Ночью девушка просыпалась от малейшего шороха. Она внимательно прислушивалась — не крается ли кто-нибудь к ней, — но ее окружали звуки обычной ночной жизни: звон цикад, вздохи лошадей во сне, хруст ветки под ногами зверька. Однако чутье подсказывало Соне, что где-то притаилась опасность. Незаметно она засыпала и опять просыпалась, вздрагивая. Наконец небо стало светлеть, приближался рассвет, и усталая девушка наконец крепко уснула. Разбудил ее громкий крик Дэли.

— Отец! Смотри!

На плечо Сони легла тяжелая рука:

— Спокойно, девушка, не шевелись.

Она приоткрыла тяжелые веки. Огромная белая кобра приподняла толстое, как ствол старого дерева, тело, капюшон ее раздулся, из пасти раздавалось громкое, устрашающее шипение. А между замершими у земли людьми и громадной змеей застыла Дэли. Но вот она подняла руки над головой, плотно сложила ладони и стала медленно раскачиваться, поводя бедрами, но не отрывая ног от утоптанной почвы. Из уст ее полилась тягучая, монотонная песня. Отвратительная голова кобры находилась прямо у лица кочевницы, и змея вдруг

словно стала повторять движения Дэли. Сколько это продолжалось, Соня потом так и не смогла вспомнить, она лишь почувствовала, как приподнялся Шаваш, отпустив ее плечо. Он гортанно крикнул что-то, Дэли быстро распласталась на земле, а в воздухе послышался свист бича. Удар кожаного ремня — и чешуйчатая плоская голова змеи покатилась под ноги предводителю кочевников.

Дэли подбежала к еще не пришедшей в себя подруге:

— Ой, отец, принеси-ка флягу с вином, ей нужно подкрепиться.

— Дэли, ты сделала так, что кобра стала танцевать с тобой. Как тебе это удалось?

— Пустяки, у нас это даже малолетние девчонки умеют. Это древний танец руми. Мы способны заворожить любую змею.

— А меня научишь?

Кочевница рассмеялась:

— Юношам запрещено...

День, вопреки ожиданиям Сони, прошел спокойно. Время от времени она с опаской смотрела в небо, оглядываясь по сторонам, ожидая нового нападения.

Вечером, когда лагерь руми был разбит, кони распряжены и стреножены, дети накормлены и уложены спать, а взрослые расселись вокруг костра, чтобы отдохнуть, Шаваш неожиданно предложил Соне зайти вместе с ним в расположенную неподалеку придорожную таверну.

— Таким бродягам, как ты и я, всегда полезно узнать, что делается на дорогах и в городах. А

самое интересное узнается только в заведениях, пользующихся дурной славой. Пошли.

Соня спрятала кинжал под куртку. Шаваш, по обыкновению, взял тяжелый бич с короткой рукояткой. Девушка еще утром пыталась поблагодарить кочевника, но тот только недоуменно поклонился, мол, само собой разумеется, что ты под моей защитой, пока идешь с руми.

Слабо освещенная звездами дорога была еле видна, но умные животные безошибочно выбирали верный путь. Вороной кочевника, как и Ману, безукоризненно повиновался голосу хозяина и подводьям. Разговаривали мало, да за последнее время Соня вообще стала заметно молчаливее. Руми предложил войти в таверну порознь. Она согласилась и придержала свою кобылку. Пользуясь небольшой задержкой, девушка подняла голову — почти черное звездное небо огромным куполом нависало над землей. Ей хотелось увидеть падающую звезду, но на небесах царил совершенный покой и порядок.

Когда Соня переступила порог таверны, Шаваш уже сидел за столом в углу, надвинув шапку на лоб. Помещение было битком набито посетителями, и девушка едва нашла свободное место в другом углу. Прислужник, оценивающе взглянув на нового гостя, поставил на стол еще одну кружку с вином.

Всеобщее внимание было обращено на невысокого худощавого человека в запыленной одежде. Видно, он только что закончил рассказ и теперь освежал утомленное горло терпким напитком.

— Так ты говоришь, что этого богача из Лагоша, Файрада Счастливчика, убили? — услышала Соня чей-то голос и оглядела всех, стараясь найти того, кто спрашивал.

— Ну да, — кивнул худощавый, отрываясь от кубка с вином. — Его нашли на берегу моря, на западном побережье. Это какая-то темная история. Его нашел и узнал асгалунский купец Арудж. Что этим богачам понадобилось в таком пустынном месте, непонятно. — Он сделал еще пару глотков, вытер рот ладонью и продолжил: — Говорят, этот Файрад с каким-то молоденьким пареньком отправился вдоль берега на запад. Наверное, с контрабандистами хотел связаться, да что-то не вышло. Они его, скорее всего, и убили, а поклажу взяли себе. Только вот парнишка, спутник купца, пропал. Не нашли его ни живого, ни мертвого. Может, конечно, его в море сбросили, но вряд ли. Говорят, больно уж шустрый этот мальчишка.

— А мне говорили, что лагошский торговец путешествовал с рыжей девицей. Тоже очень шустрой, — вступил в беседу опрятно одетый старик. — Я о ней много чего интересного от купцов слышал. С виду хрупкая, тоненькая, а когда на караван в горах напали разбойники, так она из лука перестреляла половину шайки. Потом, когда уцелевшие отступили с добычей, погналась в одиночку за ними, отбила Файрада и еще десять пленников, да к тому же привела дюжину мулов с грузом ковров.

— Врешь ты все!

— Я вру? Да об этом весь Асгалун говорил...

— Так с парнем или девкой шел Счастливчик? — послышались отовсюду любопытные голоса.

— Вот я и говорю — темная история, — продолжил первый рассказчик. — Интересно, а что им всем там понадобилось? — Он задумчиво потер лысину.

— Ходят слухи, что где-то там спрятаны сокровища...

— Это все вранье! Откуда им там взяться? Даже пираты туда не суются. С незапамятных времен у этого места дурная слава.

Соня с интересом слушала разговор и усмехалась.

— Ладно, хватит шуметь, — перекрыл общий шум зычный бас, принадлежащий косматому старику с опухшим лицом. — Когда я познавал истину в школе мудрости, помню, попалась мне старинная рукопись. В ней говорилось, что в незапамятные времена на западном побережье море выбросило на камни вендинский корабль. Команды на нем не оказалось, и местные рыбаки забрали себе весь груз. Кроме всяких редкостей в трюме нашли женскую статую удивительной красоты. Она была сделана из камня, но сверкала как золотая. Жители стали поклоняться ей и приносить в жертву жемчуг — тогда его еще добывали у тех берегов. Легенда гласит, что в редкие ночи статуя оживала и вознаграждала кого-нибудь из молодых рыбаков почище любой земной женщины. Правда, те, кому богиня дарила свою любовь, вскоре погибали. Женам это, конечно, не нравилось, и они, сговорившись, решили утопить изваяние. Но

мужчины прознали да и спрятали ее со всем жемчугом под землей в пещере. А потом соорудили там целый храм. А через несколько лет случилось страшное землетрясение, часть горы обрушилась, и что стало с этим храмом, никто не знает. Может быть, он и уцелел, только вход в него теперь не найти.

— Неужели никто не пробовал добраться до сокровищ?

— Охотники, конечно, порой находятся. Говорят, давным-давно один из властителей Асгалуна повелел раскопать осыпь у Нергаловой Пасти, найти пещеру и проникнуть в нее. Но, как только приступили к работам, громадная волна с моря смыла землекопов, а во дворце правителя несколько женщин погибли, словно от удушья. В том же году под страхом смерти было запрещено что-либо делать на берегах Нергаловой Пасти, а жрецы объявили это место нечистым и проклятым.

— Так, может быть, эти купцы, наплевав на запрет, отправились туда в поисках пещеры?

— Конечно. Ведь купцы — такой народ, что без выгоды для себя и задницы не поднимут, а как учуют барыши — и Нергалу в пасть заберутся.

Взволнованная услышанным, Соня молча уставилась на дно кружки, зажатой в руке. Погруженная в свои мысли и переживания, она и не заметила, как утих разговор и таверна опустела. Из забытья ее вывел грубый голос хозяина.

— Эй, парень, все разошлись, и тебе пора. Я закрываю. — Взор его уперся в золотой шнурок, блестевший на Сониной шее.

Девушка перехватила взгляд тавернника и запахнула куртку.

— Получи за вино и будь здоров. — Бросив монету, девушка резко встала.

— Погоди-ка, ты не хочешь продать свое украшение? Я могу неплохо заплатить.

— С чего ты взял, что я что-то продаю? — Девушка почувствовала угрозу в тоне хозяина и двинулась к дверям.

— Держите его, — неожиданно громко закричал тавернник, — он обокрал меня!

Двое подручных хозяина бросились к Соне. Отпихнув одного из них ногой, девушка отскочила к окну, но споткнулась о скамейку и упала. На нее навалились преследователи. Вцепившись зубами в потную руку одного из них, она попыталась достать кинжал. Вдруг раздались два громких щелчка, и хватка нападающих ослабла. Сбросив с себя корчащиеся от боли тела, Соня вскочила на ноги и увидела упавшего на колени хозяина. Рядом стоял Шаваш с бичом в руке. Подручные тавернника валялись на полу, поскрипывая от боли.

— Честное слово, уважаемый, я ничего не знаю. Незадолго до вас приехала всадница, укутанная в плащ, дала мне денег и велела забрать талисман, как только увижу у кого из проезжих, — испуганно бормотал тавернник.

— Какой талисман?

— Темная жемчужина на золотом шнурке. Вот у него на шее такой, — он кивнул в сторону Сони. — За ним потом придут. А больше я ничего не знаю.

Шаваш опустил плеть и вопросительно посмотрел на спутницу.

— Пойдем отсюда скорее.— Она потянула руки к двери.— Нам нельзя здесь оставаться.

Ночью Соня не спала. Настойчивое преследование ведьмы вынуждало ее избавиться от талисмана. Вспоминая легенду, услышанную в таверне, она чувствовала, что та связана с историей руки.

«Несомненно, это то самое украшение, которое сняла с себя богиня! — Девушка присвистнула, поразившись собственной догадке.— Впрочем, какая разница — то или нет? Лучше отдать кочевникам, чем бросить на обочине дороги. Но тогда Горная ведьма станет преследовать людей, которые не сделали мне ничего плохого».

Соня подошла к костру в центре лагеря и уставилась на пламя. Почему-то ей вспомнилось бесстрастное лицо кхитайца Ло Юня, а его спокойный голос как будто произнес над ее ухом несколько слов то ли песни, то ли заклинания.

Девушка решительно опустилась у огня, подвернув ноги так, как это делал старик. Раскрытые ладони она положила на колени и тихо запела подсказанную мелодию.

Пламя, как потревоженный зверь, загудело, взметнулось. Языки его меняли свои оттенки, становясь то темно-бордовыми, то алыми, то желтыми, то почти синими. Но вот сквозь мерцающие цвета постепенно проступило зеленоглазое лицо Надиры — Лесной ведьмы. В голове у девушки прозвучали слова:

— Потри ядра орехов и посыпь порошком талисман. Горная колдунья больше никогда не сможет его увидеть сквозь расстояние...

Соня продолжала сидеть не меняя позы, с губ лились слова напева, на лбу выступили капли пота, а по спине пробежал озноб. Ей безумно хотелось спросить, почему старуха помогает ей, и та словно услышала незаданный вопрос:

— Твои ноги пойдут по следу волчицы, твои глаза посмотрят на мир взглядом рыси, а ум станет изворотливым и быстрым, как у дочери Сета. Ты — Посвященная, дочь звериных богов. Помочь тебе — большая честь для меня. Возможно, мы еще встретимся на пути Змея...

Вспомнив белую кобру, девушка вздрогнула и очнулась от наваждения. Руки занемели, голова кружилась от слабости, но Соня, с усилием поднявшись, пошла к своей поклаже, вернее к седельной сумке, где лежали орехи иркала...

* * *

Утром караван руки тронулся в путь. Впереди лежала дорога в Лагош. Последующие дни прошли без каких-либо происшествий, но Соня напряженно думала о том, удалось ли ей отвести глаза Горной ведьме. Только Дэли отвлекала девушку от мрачных мыслей. Она умела подметить интересное в самых обыденных вещах.

Но вот их совместное путешествие подошло к концу.

— Прощай, Темир,— кочевница прижалась к плечу отца,— мне очень жаль расставаться с тобой.

— Прощай,— Шаваш протянул девушке широкую крепкую руку.

В жизни Сони постоянно происходили встречи и расставания. С кем-то ее связывали дела, с кем-то дороги, но в семью, как эти кочевники, ее не принимал никто. Соня сняла с шеи темную жемчужину на золотом шнурке.

— Возьми,— она протянула талисман Дэли.— Это тот талисман, о котором ты мне говорила. Он избавит тебя и твой род от злой судьбы. Он несет жизнь, которая так нужна тебе.

Отец и дочь молча замерли, глядя то на девушку, то на подвеску — жемчужину, качавшуюся на плетеном шнуре. Соня рассмеялась и сама надела ее на подругу. Дэли не верила нежданному счастью.

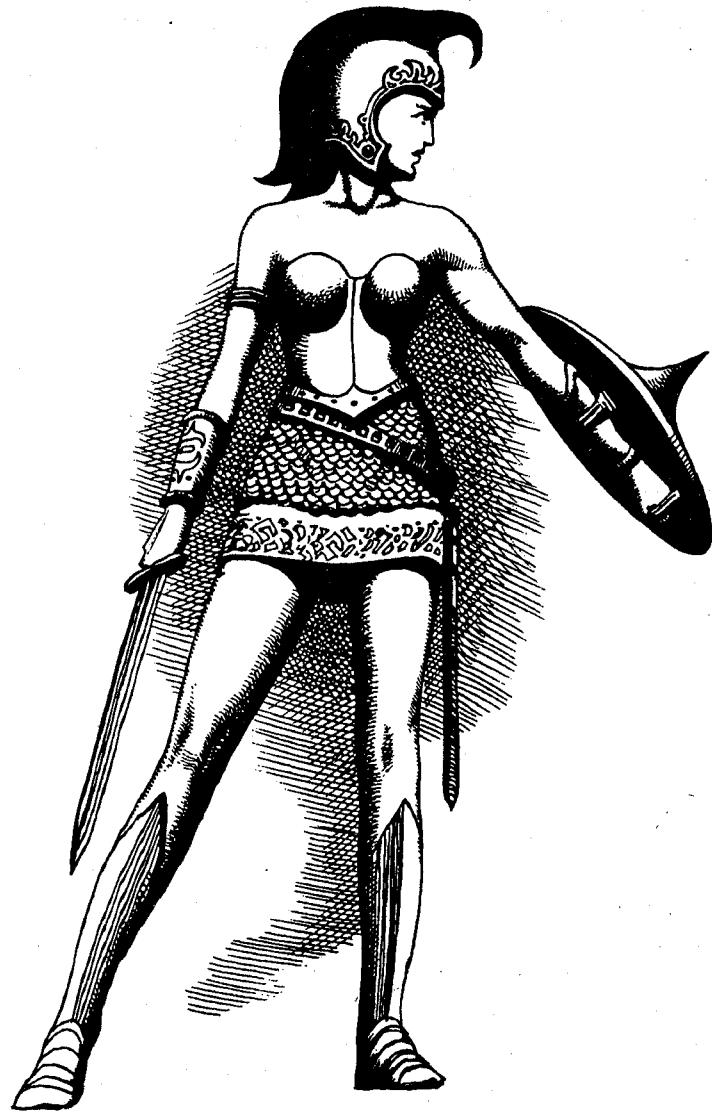
— А как же ты?

— А зачем мне эта побрякушка с ее одной жизнью? — Она вскочила в седло и хлопнула Ману по боку, посыпая вперед.— У меня их как у кошки — девять!

Высокое голубое небо было чистым. Впереди из-за линии горизонта поднимались могучие башни Лагоша.

ТЕНЬ
СТИГИИ

утру буря утихла. От корабля, разбившегося ночью о подводные рифы, не осталось ничего. Море, еще недавно ревевшее, подобно растревоженному чудовищу, наконец насытило свою утробу и улеглось, лениво скребя по песчаному берегу когтями прибоя. Влажными лапами оно еще пыталось дотянуться до своей последней жертвы — единственной, кому удалось ускользнуть от гнева стихии, но вскоре это наскучило ему.

...Соню разбудил звук шагов: кто-то медленно, приволакивая ноги, двигался вдоль берега. Девушка мгновенно открыла глаза и резко села. Стояло позднее утро, от костра остались лишь холодные угли, покрытые слоем белого легкого пепла.

Увидев незнакомца, вернее незнакомку, Соня вздохнула с облегчением. По прибрежному песку брела древняя старуха с кривой, сучковатой палкой в руках, одетая в какое-то темное мешковатое тряпье. Клюквой она раздвигала обломки до-

сок, будто разыскивала что-то, затем перевернула одного из утопленников на спину, постояла, глядя ему в лицо, и пошла дальше. «Ищет, чем бы поживиться на месте кораблекрушения», — решила Соня. Многие жители побережья промышляли этим.

Старуха вдруг остановилась, будто прислушиваясь к чему-то, затем развернулась и уверенно пошла в сторону распадка. Это было странно: ни матерчатого навеса, ни Соню она видеть не могла, но, вне всякого сомнения, чувствовала, что в распадке кто-то есть. Может, у старухи необычайно острое обоняние, и она учуяла запах дыма? Хотя костер уже погас... Соня поднялась, выставив вперед нож. Старуха даже бровью не повела. Она лишь остановилась, опершись обеими руками о клюку, и в глазах ее заиграли какие-то странные огоньки.

— Молоденькая рыжая девушка с запада. Как ты ухитрилась не утонуть вместе с остальными?

Говорила старуха на гирканском наречии, которое Соня знала еще от отца и на котором могла прекрасно изъясняться.

— А тебе, старая, разве хотелось, чтобы я утонула? — хмуро спросила девушка.

Старуха тоненько захихикала, и плечи ее как-то странно задергались.

— А я-то думаю, кто это обобрал покойников... — снова заскрипела она. — Снял с них все железо... И серебро... И...

— Если ты скажешь, где я нахожусь, так и быть, дам тебе немного серебра, — сказала Соня.

— Нет!!! — Старуха так закричала, что девушка даже вздрогнула.

— Ты не хочешь сказать?

— Почему же... Почему же... Я скажу. Я расскажу тебе все. Только серебра мне не надо. И железа. Да и золото оставь себе. Но вот у этого толстого мертвеца, — старуха указала клюкой на тело хозяина корабля, — должна быть коробочка. Ма-аленькая такая коробочка. Она ведь у тебя, верно? Ты ее взяла?

Глаза старухи вдруг зажглись желтым огнем. Или это солнце отразилось в них? «Эге, — подумала Соня, — а старуха-то не простая собирательница прибрежного хлама. Выходит, она знала и корабль, и кто на нем плывет, и, судя по всему, многое другое».

Так случален ли был тот шторм? Кажется, Соня начала догадываться, с кем ее свела судьба. Не сводя со старухи глаз, она отступила назад и подняла с земли пояс корабельщика. Он был кожаный, широкий, очень тяжелый и весь прошит карманами, которые застегивались наглухо. Почему, оказавшись в воде, хозяин так и не скинул его? Может, просто не успел? Соня принялась расстегивать карман за карманом и вытряхивать их содержимое на землю. Там были золотые монеты самой разнообразной чеканки: аквилонские, туранные, королевства Шем... Краем глаза заметив, что старуха подалась вперед, девушка положила клинок так, что сталь отгораживала ее от этого существа. Старуха сразу остановилась. Соня заметила это и снова занялась поясом. В пятом или шестом

по счету кармане она нашла то, что и ожидала увидеть: горсть серебряных монет.

— А ну-ка, возьми себе монетку, — сказала Соня и сделала вид, что кидает ее старухе.

Ни один воин не смог бы так быстро нагнуться и отскочить в сторону, как это проделала старая карга. Ее лицо и тело как бы потекли, как смола: одно мгновение казалось, что это мужчина, сухощавый и широкоплечий, другое — что это статная женщина, наделенная странной холодной красотой.

В следующий миг это был уже безобразный, похожий на ящерицу горбун с костяным гребнем на голове. А затем на морском берегу снова стояла всего лишь древняя старуха, опирающаяся на суковатую клюку. Сонина догадка оказалась верна: это существо вовсе не было человеком. Оно, скорее всего, не было даже тенью умершего человека, что бродит по земле, не зная покоя. Соня слышала о таких созданиях, но не предполагала, что ей доведется встретить хоть одного из них. Оно было древнее, должно быть, многие тысячелетия назад такие жили повсюду на земле. Но потом пришли новые сильные боги, появились люди, добывающие металлы, и эти существа вынуждены были отступить. Но оказывается, в глухих местах вроде этого побережья они еще могли найти себе приют.

— Хитрая рыжая девчонка! — снова заскрипела старуха. — Хитрющая!

— Стой на месте, а то и правда кину серебро, — хмуро предупредила Соня.

Она была очень встревожена: такая встреча не сулила добра. Нежить лишь зашипела в ответ.

Девушка снова взяла пояс и уже в следующем кармане обнаружила плоскую шкатулку в ладонь размером и два пальца толщиной, изготовленную из какого-то черного, будто ночь, металла.

На ощупь шкатулка была совершенно гладкой, но когда на ее поверхность падал свет, виднелись тонкие, будто нацарапанные острием кинжала руны. Крышка шкатулки была запечатана печатью из неизвестного смолистого вещества. Соня приглядилась: так и есть, пентаграмма, замкнутая фигура-пятиугольник, в вершинах углов которой расположены таинственные значки.

— Что там внутри? — спросила Соня.

— А ты загляни сама, — предложила Нежить.

— Ну да, будто я не знаю, что бывает с тем, кто сорвет такую печать, — усмехнулась девушка. — И ради этого ты потопила корабль?

— Корабль потопила буря. А я просто оказалась в нужном месте и в нужное время. Мне очень долго пришлось этого дожидаться. Так долго, что ты и представить этого не можешь.

— А в соседнем кармашке с тем, в чем ты так нуждаешься, оказалось серебро, — продолжила Соня. — Не повезло тебе.

— Что ты знаешь о везении и невезении, рыжая дерзкая девчонка?

— А почему бы нам не звать друг друга по имени? Я Соня. А ты?

— Это у вас, людей, имена, — проворчала старуха. — А у нас их нет, вернее — множество...

В следующий миг Соня вдруг увидела своего брата. Затем на его месте оказался папаша Шаки, приветливо помахивающий рукой, потом задумчивым и печальным взором на нее глянул красавец Калидор...

Тишину разорвал скрежещущий, истошный, нечеловеческий визг. Тварь, подобравшаяся уже совсем близко, снова отскочила на почтительное расстояние. Когда лезвие клинка оцарапало ее, в воздух взметнулся столб бурого дыма.

— Еще железа хочешь? — со злостью спросила Соня.

Нежить едва не застала ее врасплох. Хуже того, мерзкая тварь успела заглянуть в ее сознание и покопаться там.

Соня быстро сунула шкатулку обратно в кармашек, сверху насыпала горсть серебра и застегнула клапан.

— Вот так, — удовлетворенно сказала она. — Теперь тебе до нее не добраться.

— Зря ты это сделала, — ответила Нежить.

Голос ее прозвучал совершенно равнодушно: таким существам, как это, были недоступны обычные человеческие чувства, хотя при желании они могли неплохо изображать их. Если бы старуха надеялась испугать Соню, она изобразила бы гнев. Но она уже успела понять, что на испуг собеседнику не возьмешь.

— Эта шкатулка тебе совершенно не нужна, — продолжила карга. — Более того, она не может пригодиться ни одному человеку на земле. Она нужна лишь мне. Или таким, как я...

— Хочешь ее получить? — спросила Соня. — Тогда придется отработать. Мне тоже кое-что нужно.

— Что же именно?

— Мне нужен проводник, который знает дорогу в долину Вечно Живущих. Отведешь меня туда и получишь свое добро. Но не раньше.

— Долина Вечно Живущих? Такой здесь нет.

— Небольшая долина среди гор, где-то к северу отсюда. Там обитает племя, которое пасет коз, возделывает поля, ловит рыбу... На первый взгляд, эти люди ничем не отличаются от других. Но, говорят, они никогда не стареют.

— Кто говорит? — поинтересовалась Нежить.

— Не важно, — ответила Соня. — Один путник, который случайно и ненадолго попал туда.

— Кажется, я понимаю, какую долину ты хочешь найти. Тому путнику очень повезло, что он смог до нее добраться. И высадиться на берег он должен был гораздо севернее. Тебя ждет трудный путь. И опасный.

— Нас, — криво усмехнулась Соня. Она обмоталась поясом, застегнула его и повторила: — Нас.

* * *

Подойдя к дому, Клуф скинул с плеч большую корзину, наполненную кусками черной вязкой смолы, которую он собрал в горах. Этой смолой рыбари промазывали швы своих лодок. Завтра Клуф разведет на берегу костер, растопит в его пламени смолу, она станет совсем жидкой, и на ее поверхности начнут лопаться зловонные пузыри, взымет жгут, свернутый из сухих водорослей, и

обрабатает свою лодку, чтобы она больше не впитывала воду.

С довольно улыбкой Клуф посмотрел вниз. У берега, лежала его лодка, перевернутая вверх дном и потому похожая на морского зверя, уснувшего возле прибоя. Хорошая у Клуфа лодка: почти в три человеческих роста длиной и самая быстрая во всей деревне рыбарей. Делал ее старый колченогий Хо. Колченогий-то он колченогий, но вот лодки у него получаются замечательные. Может, потому, что работая, он все время бормочет что-то под нос, ворожит, заклинает? Люди говорят, что он молится буревестнику и благодаря этому его лодки под парусом легко крылы, точно птицы. Правда, и цены за свою работу Хо запрашивает почти непомерные: связки сущеной рыбы, шкуры морских коров, их клыки, железо на инструмент... А попробуй не заплати, нарочно сделает такую лодку, которая утопит тебя. Бывает, старый Хо требует, чтобы ему разрешили пощупать чужую жену, но это как раз плата невысокая: от жены не убудет, ведь кроме как пощупать Хо ни на что другое уже не годится. Клуф захихикал. Посмеявшись над стариком, он повернулся и пошел к дому.

Дом у него тоже был хороший. Три стены Клуф скатал из валунов, таких больших, какие только мог поднять, а четвертой стеной служил крутой горный откос. Все щели были хорошенко промазаны глиной, и зимние ветры никогда не проникали внутрь. В очаге всегда горели поленья и сухие водоросли. Придя домой, Клуф отдыхал, ел,

затем устраивался на шкурах и вязал сети или плел лесы, готовясь выйти в море. За работой он всегда пел песни, веселящие душу и наделяющие счастьем прочностью. Тоже колдовство, хоть и слабенькое.

Любил он возвращаться домой с лова: промокший и голодный, но с большими связками рыбы, которую потом чистили, потрошили и развесивали под потолком коптиться. Дым из очага, прежде чем выйти через волоковое оконце, пластами ходил под потолком и прекрасно сохранял рыбу от гнили. Еще любил Клуф возвращаться домой с зимней охоты на морских зверей: усталый, озябший, иссеченный ледяным ветром. Тогда теплое, сумрачное и дымное нутро дома казалось ему самым лучшим местом на свете.

Клуф мог бы считать себя очень счастливым человеком, если бы не жена. Полгода назад она не доносила ребенка, выкинула и с тех пор все время болела. Работать она стала совсем плохо, а ведь работы у жены рыбаря очень много: чистить и заготавливать рыбу, выделывать шкуры, шить из них одежду... Вот и сейчас Клуф увидел, что мачта с намотанным на нее кожаным парусом лежит на земле возле дома. Ночью обязательно набегут мыши и понаделят в парусе дыр. Покачав головой, Клуф поднял мачту и прислонил к скале. Надо бы завести вторую жену. Он вполне мог прокормить двух, но женщин в крошечной деревушке мало, выбирать в общем-то не из кого. Можно, конечно, пойти поискать невесту в соседних деревнях, но до ближайшей — целых шесть дней пути.

Прежде чем войти в дом, Клуф еще раз посмотрел на лодку, потом окинул взглядом берег и удивленно замер: с юга приближались два путника. Сначала Клуфу показалось, что это мужчина и женщина, но, приглядевшись повнимательнее, он понял: это старуха, а рядом с ней — молодая женщина, только почему-то вырядившаяся по-мужски. На ней были брюки, куртка и сапоги, а на плечах — длинный плащ. Неужто Белый Волк внял его мольбам и послал добычу, о которой Клуф так просил? Старуха-то была ему совсем ни к чему, а вот эту девчонку, красивую, высокую, с рыжими волосами, он мог бы поселить в своем доме и сделать второй женой. А там, кто знает... Ведь старая жена может и помереть. Зачем она Клуфу, если почти не работает? Только вот надо действовать побыстрее: ведь в деревне есть несколько холостяков, которые тоже ищут жен. Если они увидят эту красавицу, то наверняка отбьют ее.

Клуф глянул на хибары, тянувшиеся вдоль побережья. К счастью, его дом стоял с краю, и другие жители деревни пока еще не успели заметить путников. В одном из тех домов живет Лаун, холостяк. Он здоровенный, толстый, с большим отвислым брюхом, длиннющими руками, а кулаки у него тяжелые и твердые, как булыжники. Да, надо торопиться.

Клуф подобрал с земли длинную и довольно увесистую палку (обломок весла) и большими прыжками помчался вниз, к берегу. Увидев такую внушительную дубину, незнакомка вряд ли осмелится перечить и обязательно зайдет в гости.

* * *

Когда Соня взглянула на заросшего волосами дикаря, одетого в шкуры, она едва смогла удержаться от смеха. Дикарь бежал с горы, размахивая нелепой деревяшкой. Видимо, он казался себе очень грозным.

— Стойте! — скомандовал дикарь на искаженном гирканском наречии. — Немедленно стойте! Вы пойдете в мой дом!

— Гостеприимные тут люди, — вполголоса заметила Соня, берясь за рукоять метательного ножа.

Прищурясь, она внимательно рассматривала возможного противника, старалась изучить его, понять, насколько тот опасен. Дикарь был рослый, но сутулый. Одежда из грубых шкур, сшитая мехом наружу, вероятно, могла неплохо защитить от ножа. Ступни ног были обмотаны кусками толстой кожи и поверх нее обвязаны ремнями. В такой обуви ходят горцы, в ней нога почти никогда не скользит. Грязно-серые, нечесаные космы и борода свисали на грудь. Соня пристально взглянула в его глаза. Нет, это не боец.

— Ты, — сказал дикарь, указывая на Соню грязным пальцем. — Ты пойдешь туда, в мой дом. А ты, старуха, мне не нужна, иди прочь! Не спорить!

Видимо, чтобы его слова показались более убедительными, он изо всех сил ударил старуху уродливой дубинкой. Вернее, попытался ударить. Дерево попросту прошло сквозь Нежить и с треском врезалось в прибрежную гальку. На лице дикаря отразилось изумление: похоже, он решил, что промазал. Помедлив немного, дикарь снова замахнул

ся, но уже в следующий миг метательный нож вонзился в его руку. Дубинка вывалилась из ослабевших пальцев, а уткнувшееся в горло длинное блестящее лезвие заставило прижаться спиной к скале и стоять не шевелясь.

Не отнимая клинок от его горла, Соня окинула дикаря долгим взглядом. Всю его отвагу как ветром сдуло. Он мелко трясясь и даже тихонечко подывал от страха. От него нещадно воняло смесью запахов прогорклого жира, дыма, рыбных потрохов...

— Хорошо, мы войдем в твой дом,— сказала Соня.— Готовь угощение, хозяин!

Резким движением левой руки она ухватила рукоять своего метательного ножа, все еще торчавшего из предплечья дикаря, и выдернула его из раны. Клуф взвизгнул и зажал кровоточащую руку ладонью.

— Да не трясишь ты так,— поморщилась девушка, отводя лезвие от горла незнакомца.— Иди, промой рану морской водой. Тогда она быстро заживет.

Дикарь послушно шагнул к воде, но в это мгновение с горы донесся громкий визг. Судя по голосу, кричала женщина. Отдельные слова разобрать было трудно, крик напоминал вой смертельно напуганного шакала. Соня чуть повернула голову, чтобы увидеть кричавшую, но этого оказалось достаточно, чтобы ее пленник метнулся вдоль берега и исчез среди изъеденных прибоем валунов. А в следующий миг на истощенный женский вопль отозвались голоса, множество голосов.

— Они убивают Клуфа! — визжала женщина.— О, они убивают моего мужа! Их всего двое, убейте их! Их всего двое!

Соня оглянулась на Нежить. Та подмигнула и пошла к морю. Несколько шагов — и она исчезла в волнах, оставив Соню совершенно одну на этом диком берегу. Одну против разъяренных жителей рыбакской деревни. Выругавшись, девушка помчалась вверх по склону: укрыться в горах было для нее единственным спасением. Если бежать вдоль берега, толпа рано или поздно догонит ее. Кроме того, бежать пришлось бы на юг, удаляясь тем самым от цели.

— Наверх! Он побежал наверх! — не унималась невидимая крикунья.

Кажется, она приняла Соню за мужчину. Ни миг не останавливаясь, девушка оглянулась. За ней шагах в пятидесяти, не больше, резво взбиралась на гору толпа дикарей. Их было никак не меньше нескольких десятков. Соня заметила склоненные лбы и подбородки, выпирающие вперед зубы — те же самые черты, что и у первого дикаря. Это племя носило печать вырождения.

Продолжая взбираться на скалу, Соня неожиданно оказалась перед тропой, на которой, явно поджидая ее, стояли трое. Ступни всех, обмотанные бесформенными кусками шкур и обвязанные ремнями, были как раз на уровне Сониных глаз. Ближайший противник шагнул вперед и ударил девушку ногой. То есть попытался это сделать. Соня не теряла времени: она резко отклонилась в сторону, и дикарь закачался на одной ноге. Одно

неуловимое движение — и он с испуганным воплем покатился вниз, прямо на головы своим со-племенникам. Резким рывком Соня удалось запрыгнуть на тропу. Она перекатилась через спину и мгновенно вскочила на ноги. Еще миг — и в руках у нее оказались два длинных ножа. А ее противники уже переходили в наступление. Один из них был вооружен лишь палкой, но второй держал в руках багор. Легкими и короткими ножами отражать удары такого оружия было слишком трудно, а схватку нужно провести очень быстро, иначе снизу подоспеет вся орава. К счастью, на узкой тропинке ее противники скорее мешали друг другу, чем помогали.

Хрясь! Багор, высекая искры, врезался в скалу. Вместо того чтобы колоть, как копьем, дикарь не придумал ничего лучше, чем использовать багор в качестве дубины. Замахнувшись, он нанес очень сильный удар, но увернуться, видя, откуда пошел замах, было проще простого. Да что тут, деревня полудурков, что ли?

Проворно наступив на наконечник багра и придавив его к земле, Соня резанула ножом по рукам, державшим древко. Заорав дурным голосом, дикарь бросил оружие и отскочил — прямо под дубину своего товарища. Удар пришелся по плечу и вскользь, но его хватило, чтобы бедолага потерял равновесие и тоже скатился вниз с тропы. Так, осталось разобраться с третьим! Девушка почувствовала, как ее охватывает свирепая радость боя. Но последний противник, увидев, что остался один на один с этой кровожадной и быстрой, как

молния, девицей, выронил свое нелепое оружие и умчался прочь. На бегу он невнятно кричал что-то о пещерных духах и демонах, выходящих из моря. Дорога свободна. Куда дальше? Соня раздумывала не больше мгновения. Скинув с тропы несколько крупных камней, чтобы испугать и задержать тех, внизу — как восхитительно они завизжали, сколько ужаса слышалось в их воплях! — она помчалась к деревне, в сторону, противоположную той, где скрылся насмерть перепуганный дикарь.

Во-первых, ей надо было на север, во-вторых, преследователи, когда поднимутся наверх, скорее всего, решат, что она хочет скрыться среди скал, и будут искать ее там. Они ни за что не догадаются, что Соня отважится пробежать сквозь их селение! Ну а деревня, наверное, стоит полупустая, ведь почти все ее жители приняли участие в погоне. А уж с дюжиной-другой детишек, женщин и старух управиться несложно. Распугать их, и все дела! Соня со всех ног мчалась вперед по спускающейся полого к морю тропинке. Несколько поворотов — и скалы скрыли девушку от посторонних глаз. Вскоре по удаляющимся воплям Соня поняла, что враги потеряли ее след.

Еще несколько шагов — и впереди показалась деревня: длинный ряд прижимающихся к скале каменных хижин, нелепых и убогих. Увидев воина в развевающемся плаще с кинжалами в обеих руках, женщины спешно разбежались и попрятались кто где. Соня мчалась по пустынной улице мимо низких, воняющих дымом жилищ, мимо

сетей, развешанных для просушки, мимо, мимо... Вдруг что-то подсекло ее ноги, и она покатилась по земле, выронив при этом оба кинжала. Раздался хор ликующих волей. Веревка! Жители деревни успели положить ее поперек дороги, а потом по просту дернули вверх за оба конца. Соня хотела было вскочить, но на нее уже накинули сеть, воняющую тиной и рыбой, и теперь усердно затягивали петли. Женщины этого селения оказались куда храбрее и хитрее, чем можно было подумать.

Выхватив метательный нож, Соня принялась вслепую кромсать опутавшие ее сети, иногда попадая по веревкам, а иногда по чьим-то рукам. Прежде чем она высвободилась, ее успели несколько раз ударить, но, к счастью, по голове ни разу не попали, да и удары были довольно слабые. Наконец Соня вскочила на ноги. Снова раздались вопли, на этот раз испуганные, и местных жительниц тут же как ветром сдуло. Впрочем, оба кинжала они успели прихватить с собой. Проклятие! Будь у Сони сейчас факел, она не раздумывая запалила бы всю эту ненавистную деревеньку, но останавливалась, чтобы высечь и разжечь огонь, было бы, мягко говоря, неразумно. Девушка помчалась дальше, отведя душу тем, что на бегу раскромсала ножом несколько сетей, сушившихся на кольях. Пробежав мимо длинного ряда лежавших на берегу черных пузатых лодок — топором бы пройтись по их днищам, да так, чтобы доски повылетали! — она вновь углубилась в горы.

Она карабкалась по осыпям, путала следы. Собак в деревне Соня не заметила, но, когда на

пути встретился небольшой ручеек, она на всякий случай вошла в воду и довольно долго брела против течения, чтобы псы не могли ее учить. Из воды она выбралась лишь шагов через пятьсот, цепляясь за ветки наклонившегося над ручьем дерева. Таким образом, ее следов на берегу не смогли бы обнаружить ни люди, ни даже чуткие собаки-ищейки.

К ночи Соня уже почти не сомневалась, что погоня не настигнет ее. Костер, однако, разводить на стала, а отыскав уютную расселину среди скал, набросала туда сухой травы и, завернувшись в плащ, устроилась на ночь. Когда совсем уже стемнело, вернулась Нежить.

— Похоже, боги хранят тебя, рыжая девчонка, — сказала она так, будто ничего особенного и не произошло. — Ты снова спаслась.

— А тебе так уж хочется, чтобы меня убили? — спросила Соня.

— Мне хочется получить то, что принадлежит мне по праву, — ответила Нежить. — Тебя, скорее всего, не убили бы. У них не хватает женщин. Пришлось бы тебе стать чьей-нибудь женой.

— Так этот, с дубиной, который пытался тебя ударить, он что же, выходит, сватался?

— Да. А разве ты поняла это только сейчас? В здешних диких местах женщин часто захватывают силой.

Соня расхохоталась.

Надо же, какой завидный жених: полоумный, косорукий, воняющий рыбой дикарь из забытой богами прибрежной деревеньки.

— Что же ты меня бросила одну? — спросила она, отсмеявшись.— Могла бы хоть напугать их, что ли.

— А зачем? — равнодушно поинтересовалась Нежить.

— Мы ведь заключили с тобой один небольшой договор, помнишь? — спросила Соня.

— Верно. Я обещала привести тебя в долину Вечно Живущих. Но вовсе не обещала защищать в пути от каждого встречного.

— А какой бы тебе был прок, если бы меня схватили эти полоумные рыбаки?

— Они заглянули бы в карманы твоего пояса и расхватали монеты: золотые и серебряные. А шкатулка, зачем она им? Ее просто отбросили бы в сторону. Или уж, во всяком случае, не догадались хранить ее вместе с серебром.

— И ты бы взяла ее?

— Конечно. Повторяю, она моя по праву.

— А вдруг эти дикари просто из любопытства сорвали бы печать?

— Что ж, тогда то, что заключено в шкатулке, обрело бы свободу, и я достигла бы своей цели.

— Не вздумай пускаться на какие-нибудь хитрости, пока я сплю, — предупредила Соня.— У меня очень чуткий сон.

— Мне нет смысла убивать тебя, — ответила Нежить.— Ведь достать шкатулку я не смогу из-за серебра, которое лежит рядом с ней. А ждать, пока кожаный пояс сгниет и монеты раскидает ветром... Это долго, слишком долго. Быстрее будет отвести тебя в ту долину, куда ты так стремишься.

— И еще одно, — нахмурилась Соня, — не смей показывать этим дикарям место, где я заночевала. Я всегда успею кинуть пояс в море. Вместе с твоей шкатулкой и серебром. Жди тогда, пока он сгниет.

— Деревенские сюда не пойдут даже под угрозой смерти. Они слишком боятся этого места.

— Почему же? — спросила Соня.

— Завтра сама увидишь, — ответила Нежить безразличным голосом.

Так. Над последними словами собеседницы, пожалуй, стоило призадуматься. Что это было? Угроза? Или, наоборот, предупреждение? В здешних местах действительно небезопасно? Впрочем, если бы Нежить хотела навести на нее эту опасность, то вряд ли стала бы предупреждать о ней. Рассудив так, Соня решила больше не ломать голову. Положив ладонь на рукоять метательного ножа, чтобы его можно было мгновенно выхватить, она устроилась поудобнее, закрыла глаза и почти сразу уснула.

* * *

Утро выдалось по-северному хмурым, но все же прекрасным. Южный ветер гнал по небу обрывки туч, однако солнце то и дело пробивалось сквозь них, посыпая на землю золотистые животворные лучи. По скалам, постоянно сменяя друг друга, пробегали то теплые солнечные блики, то холодные синие тени туч. В теплом воздухе пахло солью и водорослями. Море монотонно и неутомимо разбивало волны о берег, о гряду скал, пра-

вильным полукружием выступающих из воды. Соня приглядилась: полукружие это было слишком уж правильным.

— Люди называют эти скалы Драконьей Челюстью,— сказала Нежить.

Действительно, остроконечные утесы торчали на одинаковом расстоянии друг от друга, будто на дне моря лежала окаменевшая челюсть гигантского змея, а над водой выступали лишь его зубы. Каждый такой «зуб» был немногим меньше хорошего корабля!

— Странные скалы,— заметила Соня.— Они походили бы на зубцы крепостной стены, не будь они так огромны.

— Да, это так,— после недолгого молчания отозвалась Нежить.— Оказывается, ты умеешь видеть суть вещей. Так знай же: многие тысячелетия назад, когда на месте моря Вилайет еще была суша, здесь действительно стояла могучая крепость. Сейчас над поверхностью моря вздымаются лишь верхушки стен, но и они настолько источены временем, водой и ветрами, что люди принимают их за обычные скалы.

— Если эта крепость так велика, то каковы же были ее строители? — воскликнула пораженная до глубины души Соня.

— Ты когда-нибудь слышала о гулях? Тех, что живут на севере, зовут еще хейворками.

— Слышала,— ответила Соня.— Но считала все эти рассказы детскими сказками. Кроме того, хейворки ведь совершенно дикие. Они живут в пещерах и едят мясо любых живых существ, которые

попадаются им в лапы. Говорят, они едят даже человечину.

— Ты права. Как гули, так и хейворки одичали много тысяч лет назад и с тех пор не способны построить ничего серьезного, разве что простой шалаш. Но когда-то это была могучая раса. Современных гулей, кутрубов и хейворков даже нельзя считать чистокровными потомками той великой расы. Давным-давно они смешали свою кровь с кровью низкорослого и хилого племени людей. Да их уже почти и не осталось на земле... Идем. Нам еще предстоит пройти через город, построенный древними хейворками. Его-то и защищала эта крепость.

— Но я не вижу тут никакого города,— сказала Соня.

Вокруг виднелись лишь море да дикие скалы. Севернее поднимались высокие, покрытые снегом горы. Рукотворным можно было назвать лишь не-правдоподобно правильное полукружие утесов, которые без устали лизало море. «А может, она рассказывает мне сказки? — подумала Соня.— Но зачем?»

— Вовсе неудивительно, что ты не смогла ничего разглядеть,— ответила Нежить,— ведь древние хейворки очень сильно отличались от людей. Они предпочитали жить в пещерах и подземельях, которые искусно высекали в скалах. Дело в том, что, имея от природы огромные глаза, они не выносили солнечного света и предпочитали выходить на поверхность земли ночью.

— Возможно, ты не врешь,— отозвалась Соня.— Я слышала, что гулей называют лупоглазыми.

— Древних хейворков люди называли демонами подземелий,— продолжала рассказ Нежить,— хотя на самом деле демонами они вовсе не были. Впрочем, эта раса накопила огромные познания в магии. Говорят, даже одичавшие хейворки умеют колдовать, причем весьма неплохо... Но мы уже пришли.

Соня увидела перед собой вход в пещеру, но не бесформенную дыру, как следовало бы ожидать, а правильную и даже изящную стрельчатую арку высотой в три человеческих роста. Это была дверь для великанов. Впрочем, следов самой двери не осталось и в помине: вероятно, она была деревянной и давным-давно истлела.

Приглядевшись, Соня заметила углубления в кромках арки, там, где когда-то должны были крепиться дверные петли и замок. За аркой тянулся в темноту коридор с полукруглым сводом и ровным полом.

— Ты что, хочешь, чтобы я лезла в эту темную дыру? — спросила Соня.

— Другого пути попросту нет,— ответила Нежить.— Поверху здешние скалы преодолеть нельзя. Но зато можно пройти под ними.

— В темноте? Ты что, смеешься надо мной?

— Кто мешает тебе сделать факелы? — приподняла бровь Нежить.— По склонам растет немало сосенок. А кроме того, вон там, немного выше расселины, в которой ты заночевала, есть горный вар — черная твердая смола. Достаточно раздробить ее в порошок, пересыпать им водоросли и примотать пучок таких водорослей к деревянной

рукоятки. Получится отличный факел. Наделай их побольше. Путь неблизкий.

— Долго идти? — нетерпеливо спросила Соня.

— Около суток, даже в том случае, если ты поторопишься и ничто не задержит нас,— пояснила Нежить.

— Кто же нас может задержать? — удивилась Соня.— Не хейворки, случайно? Учи, у меня из всего оружия осталась лишь пара метательных ножей.

— Может быть, мы и встретим хейворков. Но у тебя ведь будут факелы, а это лучшее оружие против таких тварей. Возможно, тебе представится случай убедиться в этом.

— Обошлась бы и без этого,— проворчала Соня.— Но раз ты говоришь, что другого пути нет... Постой-ка, а может, ты снова решила заманить меня в ловушку?

— Это было бы бессмысленно,— ничуть не смущилась Нежить.— Хейворков деньги не интересуют, для них важна только пища. Твой пояс не пахнет ничем съестным. Поэтому, схватив тебя, они, скорее всего, просто отбросят его в сторону. Если такое случится, то пояс останется лежать в углу темной пещеры многие годы. Сотни лет! Я не могу ждать так долго.

«Что же это за талисман, почему эта нечисть так жаждет получить его?» — в который уже раз подумала Соня. Кроме того, ее поражала странная смесь бессовестности и откровенности, с которой действовала спутница. Нежить была вероломна, но она, по крайней мере, не скрывала этого.

— Ладно,— решила наконец Соня,— в пещеры так в пещеры. Хейворки так хейворки. Но сначала надо поесть как следует. И взять немного пищи с собой тоже не помешало бы. Пойду поищу на берегу. Должны же здесь быть ракушки...

Соне повезло: вскоре она набрела на крупную рыбу, которую выкинуло на берег прибоем. Израненная о скалы, та еще вяло шевелила хвостом, когда лезвие ножа пронзило ее череп. Мясо рыбы девушка нарезала полосками и развесила над костром, чтобы оно прокоптилось. Затем она занялась факелами. Найти горный вар и измельчить его оказалось нетрудно, но почти весь остаток дня ушел на то, чтобы короткими метательными ножами вырезать необходимое количество рукоятей. Из плаща Соня сумела изготовить — без иголки и ниток! — неплохой заплечный мешок, куда уложила копченую рыбу и связку факелов. К сожалению, воду налить было не во что, и девушка долго пила из небольшого горного ручейка, будто пытаясь напиться впрок.

Предыдущей ночью Соня неплохо выспалась и потому решила идти в пещеры хейворков немедленно. Если путь под землей продлится столько, сколько обещала старуха, то они выберутся на поверхность к следующей ночи. Подойдя ко входу в подземелье, Соня принюхалась, но никакого запаха не ощутила: сквозняк тянул куда-то в глубь темного ровного прохода. Что ж, сквозняк — это хорошо. Значит, где-то там, пусть даже очень далеко, действительно есть выход. Прежде чем углубиться в мрачные подземные лабиринты, девуш-

ка оглянулась на темнеющее небо: в синей, быстро чернеющей бездне уже загорались первые звезды.

— Что тебя держит? — спросила Нежить.

— Звезды,— ответила Соня.— Хотелось бы снова увидеть их завтрашней ночью.

Она вынула факел из мешка, висевшего за спиной, и высекла огонь. Факел разгорелся желтым коптящим пламенем, и черную ленту дыма потянуло в пещеру. Соня решительно прошла под аркой и двинулась вперед по просторному тоннелю. Факел потрескивал, пламя то затухало, то снова ярко вспыхивало, и от этого по неровным каменным стенам метались тени. Горящая смола огненными каплями падала вниз, и потому руку с факелом приходилось отводить в сторону.

Пройдя шагов пятьдесят и обернувшись назад, Соня увидела едва заметно синеющее пятно входа и тянущийся от него ряд огненных точек, капель жидкой смолы, горящей на каменном полу. Девушка прибавила шагу. Тоннель постепенно начал изгибаться вправо, потом повернул влево, затем повел вправо и куда-то вверх...

Вскоре Соня уже не понимала, куда идет, и ей пришлось всецело положиться на свою необычную спутницу. Нельзя было сказать, что ей это нравилось, но выбирать не приходилось. Время от времени то слева, то справа открывались какие-то темные проходы, ниже и уже основного тоннеля. Иногда они вели в боковые коридоры, иногда за ними просматривалось большое пространство: то ли комнаты, то ли целые пещеры, высеченные в сплошной скале. «Интересно было бы побродить

там», — подумала Соня, но, представив, какая мерзость может ей встретиться, зябко передернула плечами. Нет уж, пусть тут демоны бродят. Местечко как раз для них: дорога в царство Нергала, да и только. Будто услышав Сонины мысли, Нежить вдруг остановилась возле одного из проходов.

— Загляни-ка туда, — предложила она.

— Это зачем еще? — подозрительно спросила Соня: кто знает, что задумала ее проводница?

— Сама увидишь, — не стала объяснять Нежить. — То, что там лежит, должно тебе понравиться. Кроме того, тебе это понадобится, чтобы продолжать путь.

Без особой охоты и очень осторожно Соня шагнула в проход и, подняв повыше факел, оглядела помещение, скрывающееся за каменной аркой. В следующий миг она негромко вскрикнула от удивления. Перед ней была огромная пещера. Свет факела едва достигал ее стен, а там... Множество металлических граней и поверхностей заиграли разноцветными отблесками, повторяя пляску огня. Это оказался склад оружия, но какого! Мечи — в полтора человеческих роста высотой, луки, которые способны удержать лишь великаны, щиты, прислоненные к стенам, размерами не уступали двери и, вероятно, были неподъемно тяжелыми.

Соня вдруг почувствовала себя пятилетней девочкой, тайком забравшейся в оружейную комнату отца.

— Это оружие древних хейворков, — прервала молчание Нежить. — Посмотри, может, отыщется что-нибудь подходящее и для тебя.

— Да ты вздумала смеяться надо мной? — спросила Соня. — Это же не человеческое оружие. Я даже не смогу поднять его, не то что сражаться.

Она прошла вдоль ряда копий, прислоненных к стене, не отрывая от них изумленного взгляда. Чтобы разглядеть наконечники, больше походившие на лопасть весла, ей пришлось задрать голову: копья вздымались на высоту в три человеческих роста. Время пощадило их. Соня понюхала воздух: он был мертвый, пыльный и сухой, точно в склепе. Неудивительно, что металл, хранившийся в этой пещере, выглядел новехоньким, таким, будто только вчера вышел из кузницы. А дерево? Соня потрогала древко копья толщиной, пожалуй, с ногу человека. На ощупь оно, скорее, напоминало кость, гладкую и твердую.

Соня вновь пошла вдоль стены, оглядывая сложенное там воинское снаряжение, и вскоре сообразила, что оружие изготовлено не из стали: даже в неверном свете факела было заметно, что этот металл намного темнее, а отблески дают почти красные. Приглядевшись внимательнее, девушка поняла, что перед нею — изделия из черной бронзы. В отличие от обычной, которую получают, сплавив в одном тигле медь и олово, черная бронза содержит в себе по крайней мере еще пять различных металлов, смешанных в строгих пропорциях. Такой сплав обладает редкими прочностью и упругостью и нисколько не уступает лучшим сортам стали, но секрет изготовления черной бронзы утерян давным-давно, и кузнецов, владеющих им, уже не осталось на свете.

— Для человека все это оружие совершенно бесполезно,— снова повторила она.

— Попробуй поискать вон в том углу,— предложила Нежить.

Проследив глазами за ее жестом, Соня повернула голову и увидела то, что хозяева этой оружейной считали кинжалами и стилетами, пригодными для ношения под одеждой, для ближнего боя или неожиданного предательского удара. Однако большинство этих клинков обычный человек мог использовать разве что в качестве двуручного меча. С двуручником Соне было не справиться, и она прекрасно понимала это. Таким оружием мог драться только очень сильный человек. Девушка не раз видела, насколько опасен и страшен для противника меч длиной в четыре локтя, когда боец со свистом вращает его над головой. И этих бойцов она тоже видела — высоченные громилы с могучими мышцами, которые запросто могли одним ударом кулака размозжить череп врага.

Кроме того, такой меч — оружие для атаки, слишком громоздкое для того, чтобы отражать и парировать удары, особенно быстрые, колющие. Поэтому воину с двуручным мечом просто необходимы хорошие латы, а уж в этой-то пещере ничего подходящего точно не найти. Да и вообще бегать по подземельям и лазать по горам, таская на себе целую груду металла... Она еще не сошла с ума. Главным козырем Сони во всех схватках был не тяжелый удар, а ловкость, быстрота реакции и кошачья гибкость.

Однако девушка не оставляла надежды и после долгих поисков все же нашла нечто более-менее подходящее для нее. Это был стилет с четырехгранным лезвием, которое заканчивалось очень тонким острием, и витой рукоятью, достаточно узкой, чтобы она могла лечь в Сонину ладонь. Правда, рукоять была непомерно длинной, но зато во всем остальном оружие пришлось девушке по душе. Впрочем, благодаря этому стилет напоминал кхитайские сабли, которыми орудуют, быстро перехватывая их из руки в руку, а Соня была немногого знакома с таким стилем фехтования, очень опасным для противника. Кроме того, оружие было превосходно сбалансировано: при взмахе оно не стремилось вывернуться из пальцев, как неуклюжие дешевые мечи, которые купцы похитрее норовят всучить юнцам, не знающим, что такая настоящая битва.

Чтобы освободить руки, Соня воткнула факел в расщелину стены, затем взяла стилет, который был для нее самым настоящим мечом, и проделала десятка два пробных взмахов, выпадов и ударов, проводя их все быстрее и быстрее.

— Пожалуй, это подойдет,— сказала она наконец.

Клинок был в два локтя длиной, да рукоять — еще почти в локоть. Немного повозившись, Соня сумела приладить деревянные, обтянутые черной кожей ножны к своему поясу. Поразмыслив немного, девушка прихватила еще и стрелу: в длину побольше человеческого роста, она с успехом могла заменить копье.

— Ну, пошли, — сказала Соня, снова взяв факел, и направилась к выходу из пещеры. — Слушай, а ты, пожалуй, не случайно вооружила меня бронзой. Ведь она тебе не опасна, верно? Только смотри, не наделай глупостей, у меня есть еще пара стальных ножей.

Они снова вышли в тоннель и двинулись дальше. Хруст мелких камешков под ногами многократно отражался от стен, рождая тревожное ощущение, будто со всех сторон крадутся десятки невидимых людей. Тоннель начал ощутимо опускаться. Вдруг Соня остановилась и внимательно прислушалась. Да, слух не обманул ее: где-то впереди журчала вода.

— Что это? — спросила Соня у Нежити.

— Речка. Подземная речка, только и всего, — ответила та. — Не беспокойся, мы пройдем по ее берегу.

Тоннель закончился аркой — точно такой же, как при входе в подземелье.

Подойдя к ней, Соня принюхалась. Пахло прелой соломой, испражнениями, мокрой шерстью, как будто рядом располагался зверинец. На эту же мысль наводили и звуки, доносившиеся из зловонной тьмы: повизгивания, подывание, загадочные гулкие шлепки.

— Я туда не пойду, — нахмурилась Соня.

— Не беспокойся. Там находится селение хейворков, но оно на другой стороне реки, а брод один. Тебе надо всего-навсего быстро пробежать вдоль берега.

— Может, лучше подыскать другую дорогу?

— Поздно! Они уже увидели свет твоего факела. Торопись!

Из-под арки доносились все более громкие зывания. Оставив сомнения, Соня бросилась вперед и очутилась в огромной, прямо-таки исполинской пещере. Вряд ли даже древние строители сумели бы высечь такую. Скорее, пещера была естественного происхождения. Свод ее вздымался на немыслимую высоту, а размеры невозможно было определить на глаз: не хватало света факела, и дальние стены терялись в кромешной, не-проглядной тьме. С неровного свода свисали толстые каменные сосульки в три-четыре человеческих роста, которые местами так плотно прилегали друг к другу, что выглядели занавесом. По каменному дну текла подземная речка, делившая пещеру на две неравные части.

Соня и ее спутница оказались на левом берегу речки, в меньшей части пещеры. А в большей части... Казалось, какие-то птицы ростом никак не меньше коня свили там себе гнезда: бесформенные и безобразные кучи сучьев, веток и соломы заполняли почти все подземелье. Это и был пещерный город хейворков. Выскочив с факелом из-под арки, Соня увидела там, в полутиме, сотни, если не тысячи пар красных точек: хейворки пристально глядели на непрошеных гостей. Кошмарные твари, похожие на огромных обезьян, обросших косматой шерстью, завывали все громче и громче, не на шутку разгневанные вторжением. Это зрелице настолько заворожило Соню, что она промедлила мгновение и чуть не поплатилась за это жизнью.

Из гнезда, сложенного возле арки, выскоцил хейворк и бросился на нее. Вспомнив советы Нежити, девушка выставила перед собой факел. Гигантское существо испуганно шарахнулось от него.

— Ага, огня не любишь!

Соня ткнула факелом в гнездо. Солома, которая лежала тут, наверное, не один десяток лет, мгновенно вспыхнула, а девушка во весь дух пропустила вдоль берега. «А если факел погаснет?» — вдруг подумала она, на бегу выхватила из-за спины еще один факел, зажгла его от первого и сразу почувствовала себя уверенней. Подняв факелы над головой, Соня увидела, что вниз по течению, там, куда она бежала, темнеет еще одна арка. Но возле нее тоже было гнездо, и его охраняли!

— Торопись! — прошипела Нежить. — Хейворки переходят реку!

Соня помчалась к спасительной арке. Хейворк, что сидел в гнезде, начал кидать в нее обломки сучьев, потом соскочил вниз и ринулся в атаку. Увернувшись от огромной лапы, пытающейся схватить ее, Соня ткнула в бок страшилища факелом — на свалявшейся шерсти осталось горящее смоляное пятно, тошнотворно запахло паленым. Мерзкая образина, охваченная огнем, завыла и бросилась в реку. Соня быстро обернулась: первый хейворк, видимо, напуганный тем, что увидел, не спешил догонять ее, но остальные уже почти перебрались через реку и подходили к берегу!

Брод представлял собой обломки каменного моста, некогда обрушившегося в воду. Когда Соня снова подбежала к арке, она уже знала, что делать.

Ухватив длинный сук и использовав его в качестве рычага, девушка повалила гнездо, стоявшее возле выхода, так, что густо переплетенные сучья и ветки перекрыли большую часть прохода. Ловко, точно змея, юркнув в оставшуюся щель, Соня подожгла их.

— Молодец, — кивнула Нежить, — неплохо соображаешь. Теперь они долго в проход не сунутся.

— Не так уж это оказалось сложно, — отзвалась Соня.

— Просто они опомнились не успели, — ответила Нежить. — Промедли ты еще несколько мгновений, и эти твари разорвали бы тебя в клочья. Но идем! Огонь не будет гореть вечно.

Они снова двинулись в путь по каменным коридорам, снова открывались боковые проходы: то по правую руку, то по левую, снова гулкое эхо порождало ощущение, что где-то рядом идет целая толпа людей. Факелов оставалось все меньше и меньше. Коридоры казались Соне бесконечными, они так походили один на другой, что это однообразие усыпило бдительность девушки, а может, дерзкий прорыв через подземный город придал ей излишнюю самоуверенность, и это едва не стоило ей жизни.

Совершенно неожиданно из бокового хода выскоцил еще один хейворк. Мерзкая тварь схватила девушку. Сила «объятий» была столь чудовищна, что перед глазами Сони завращались огненные круги. Затем ноги ее оторвались от пола, и она почувствовала, что ее поднимают в воздух. Она попыталась освободиться, но в этих лапицах была

столь же беспомощна, как щенок в руках человека. Страшная лупоглазая морда гrimасничала, шлепая тонкими серыми губами, за которыми виднелись клыки, способные запросто откусить человеку голову.

Ослабевшие пальцы девушки разжались, и факел выпал из них. Звука его падения Соня не услышала: стояла мертвая тишина, как в тягучем ночном кошмаре. Соня пыталась сделать вдох, но в сдавленную грудь не проникал ни один глоток воздуха, а в ушах вдруг зазвонили гулкие колокола. Мучаясь от удушья, она раскрыла рот, но воздуха не осталось даже на то, чтобы крикнуть... И вдруг ослепительная синяя вспышка взорвала темноту. Хейворк взвизгнул и, выпустив Соню, прикрыл ладонями глаза. Полуослепшая от боли, еще не успевшая сообразить, что происходит, Соня не сумела смягчить удар и рухнула на колени, а потом завалилась на бок, больно стукнувшись о камень головой.

— Убей! Убей его! — визжала Нежить.

Неловко вскочив на ноги, девушка выхватила меч: у нее не было времени поднимать копье или факел, все еще горевший на каменном полу. Когда хейворк снова ринулся вперед, Соня выкинула перед собой меч и, почувствовав, как он вонзился в упруго-мягкое брюхо твари, повисла на рукояти. Хейворк взревел так, что у нее заложило уши, но тут же умолк, зашатался и повалился прямо на Соню.

В этот же миг и факел погас. Залитая целями потоками горячей крови, чувствуя прикосно-

вения скользких, еще содрогающихся внутренностей, девушка отчаянно пыталась выкарабкаться из-под огромной туши. Наконец ей это удалось, и Соня дрожащими руками принялась высекать огонь. Факел запыпал, осветив картину жуткого побоища. Мертвый хейворк занимал всю середину прохода, а кровавая лужа растеклась от стены до стены.

— Послушай, — сказала Нежить, — я сумела помочь тебе, ослепив хейворка вспышкой, но наше счастье, что он был всего один. Неплохо бы тебе быть осторожнее.

Ох, как взбесил Соню этот безразличный, поучащий тон! Ничего не ответив, она поднялась с пола, выдернула из-под туши меч — замечательное оказалось оружие! — вытерла его о косматую шкуру чудовища и сунула в ножны. Что еще? Копье, которое так и не пригодилось, погасший факел. Подобрав все это, девушка зашагала дальше. Она чувствовала себя так, как будто ее скинули с лестницы: болел каждый мускул, каждый сустав. Теперь, приближаясь к очередному боковому проходу, она двигалась мимо него очень осторожно, выставив вперед факел и держа меч наготове. Быстрее бы закончился этот путь! Она чувствовала себя измученной и нестерпимо грязной. Хотелось смыть с себя кровь, но единственный водоем, который она видела в этих подземельях, остался далеко позади, в большой пещере, и возвращаться туда Соня не собиралась.

Дальнейший путь она помнила смутно. Воздух пещеры был насыщен запахом хейворков, а мо-

жет, сама Соня пропиталась им насквозь. Пламя факела то затухало, то ярко вспыхивало, металось и приплясывало, по неровным каменным стенам скакали тени, рисуя на них необычные картины. На мгновение вдруг показывалось каменное лицо, которое тут же превращалось в бесформенную мешанину темных и светлых пятен, в следующий миг вырисовывался силуэт какого-то зверя, а странные мелкие трещины напоминали какие-то письмена. Что это было: игра воображения или работа древних каменотесов, почти до неузнаваемости искаженная и изуродованная временем? Кто знает... Земля под ногами была усыпана осколками камней, которые мешали идти. Порою среди них попадались кости.

Стояла глубокая ночь, когда ход наконец вывел их наружу. Очередная арка открывалась в узкое ущелье, по дну которого текла небольшая речушка. Соня прямо как была, в одежде, вошла в нее, и, хоть ледяная вода обжигала, девушка довольно долго плескалась, с наслаждением смыкая с себя грязь и кровь. Казалось, холодная чистая вода уносит и боль ушибов, и усталость, и подавленное настроение, не покидавшее Соню с тех пор, как ее едва не погубила собственная беспечность.

— Завал в пещере, наверное, уже дрогает, а может, даже дрогорел, — напомнила Нежить. — Скоро хейворки кинутся в погоню. И представь себе, как они разъярятся, наткнувшись на убитого тобой соплеменника. Так что тебе лучше поторопиться.

— Х-хорошо, — ответила Соня, выходя на берег. После купания у нее зуб на зуб не попадал. — Ну к-куда дальше? — спросила она, оглаживая одежду ладонями, чтобы хоть немного отжать воду.

— Надо подняться по стене ущелья. Сможешь?

Соня оценивающе смерила взглядом каменный откос. Стена впечатляла, что и говорить: надо было подняться по крайней мере на пятьдесят длин копья по почти отвесному склону. К счастью, в скале виднелось довольно много трещин, за которые можно было цепляться руками. Привязав копье за спиной, Соня начала карабкаться вверх. Бок о бок с ней поднималась Нежить. Девушка скосила глаза: точно огромный черный паук полз рядом с ней. Руки и ноги этого существа сгибались под самыми немыслимыми углами, и казалось, что они могут вытягиваться и снова сокращаться чуть ли не вдвое, когтистые пальцы цеплялись за малейшую неровность, точно клещи. Соне едва не стало дурно: она впервые по-настоящему поняла, с кем ее свела судьба, ощутила, насколько в ее спутнице мало человеческого. Но трудный подъем не позволял отвлекаться, и она заставила себя отогнать все посторонние мысли.

Вскоре Соня забыла о недавнем купании в ледяной реке, а потом ей и вовсе сделалось жарко. За трещины и углубления в слоистом, щершавом известняке хвататься было удобно, но кое-где встречались прослойки мокрой, жидкой глины, которая скользила, точно масло, поэтому в таких местах приходилось двигаться очень осторожно. К счастью, светила молодая луна, неплохо освещавшая ущелье.

щая путь, а иногда встречались узкие каменные полки, на которых можно было немного отдохнуться.

Когда Соня преодолела уже больше двух третьей склона, снизу вдруг донеслись жуткий много-голосый вой и злобное рычание, складывающееся в слова примитивного языка. Судя по голосам, ярости хейворков не было предела. Меньше всего на свете Соня хотела бы снова попасть в лапы этих страшилищ: память об одной такой встрече была еще слишком свежа.

— Они могут карабкаться по скалам? — спросила она.

— Могут, но очень медленно, — ответила Нежить. — Слишком уж велики и тяжелы. А с рас-светом они вынуждены будут уйти обратно в под-земелья. Солнце ослепляет их.

— Может, они еще и не заметят нас.

— Не надейся. Ночью они видят не хуже, чем днем.

Новый взрыв гортанных криков и свирепого рева подтвердил, что Нежить права: беглянок заметили. Добравшись до очередного карниза, Соня улеглась на него животом и осторожно глянула вниз. Нижнюю часть ущелья скрывала густая тень, видно было плохо, но она все же различала сплошную бесформенную массу тел, заполнившую про-странство от стены до стены. Хейворки орали, бесновались, размахивали длинными руками, топтались по мелкому дну речушки, будто не заме-чая, насколько холода вода. Вдруг о стену, не так уж далеко от того места, где притаилась Соня, с

треском ударился булыжник. Затем еще один, и еще. Хейворки с огромной силой метали камни вверх, пытаясь сбить беглянок со стены.

— Дурачье, они, кажется, не понимают, что эти камни упадут обратно, им же на головы, — пробормотала Соня вполголоса. — А ну-ка, попытаюсь им это объяснить.

Встав на ноги и прижавшись спиной к скале, Соня пошла вдоль карниза и вскоре отыскала не-сколько глыб, которые легко можно было столкнуть вниз. Одна, другая, третья, четвертая, они покатились вниз, крутясь, набирая скорость, с грохотом вышибая из стены все новые и новые камни. Хейворки завизжали. Вопли ужаса перемежались воплями боли. Слышались то звонкие удары — когда один камень сталкивался с другим, то глухие — когда камень попадал в толпу страшилищ.

— Этого, пожалуй, не выдержат даже такие твердые лбы, как у них, — улыбнулась девушка и вдруг, неожиданно даже для самой себя, заулюкала, потешаясь над паникой, охватившей ее про-тивников.

— Развлечение, конечно, неплохое, — раздался ровный голос Нежити, — однако нам пора двигаться дальше. Осталось еще около четверти склона, причем здесь подниматься гораздо труднее.

— Ох, как ты мне надоела со своими нравоучениями, — пробормотала Соня, однако послушно повернулась лицом к стене и полезла наверх.

Хейворки больше не пытались кидать камни: урок, преподанный им, они усвоили быстро.

Оставшаяся часть склона действительно оказалась самой трудной: крутизна его постепенно нарастала, а кроме того, камень вскоре кончился, и вместо него пошла слежавшаяся глина. Она была ненадежная, скользкая, то и дело крошилась под пальцами, и вскоре Соня почувствовала, что дальше не может двинуться ни на пол-ладони. Более того, стоило ей хоть слегка пошевелиться, как она начинала соскальзывать вниз, а зацепиться, как назло, было совершенно не за что. Можна было, конечно, попробовать достать метательный нож и воткнуть его в эту проклятую глину, но о том, чтобы хоть на миг оторвать руку, и думать было нечего: девушка тут же сорвалась бы в пропасть.

Соня неподвижно висела на склоне, чувствуя себя беспомощной, как младенец, и чуть не плакала от злости: до вершины оставалось никак не больше четырех длин копья. Ну почему она раньше не догадалась вытащить эти ножи? С их помощью она уже давно вскарабкалась бы на самый верх!

Нежить необычайно быстро и легко взобралась наверх, уцепилась там за корни растущего на краю пропасти дерева и обернулась к Соне. Глаза ее снова горели желтым огнем, как тогда, на берегу, и от этого бледное лицо загадочного существа было жутким.

— И это все, что ты можешь? — спросила Нежить свистящим щепотом, и ухмыльнулась.

Соня собралась было ответить, что-нибудь резкое, но почувствовала, как снова начинает спол-

зать вниз, и судорожно вцепилась в ненадежную опору. Долго это продолжаться не могло: рано или поздно силы оставят ее, мускулы не выдержат напряжения.

— А до дна ущелья далеко, очень далеко! — тоненько захихикала Нежить.

Эта тварь еще издевается над ней! Соня попробовала спуститься, но это тоже оказалось невозможно. Оставалось лишь ждать, когда одеревеневшие пальцы разожмутся, и тогда... Нет! Умирать ей совсем не хотелось, тем более так глупо.

— Держи!

Сверху протянулась неестественно длинная, нечеловечески гибкая рука. Выбирать не приходилось, и Соня судорожно схватила ее. Пальцы, сильные, точно щупальца спрута, обвили запястье девушки, и одним резким движением Нежить втащила Соню наверх. Да у этого создания силы побольше, чем у хейворка!

Соня упала на спину, раскинула руки и бездумно уставилась в звездное небо. Сил не оставалось даже на то, чтобы отвязать копье, которое давило на лопатки, причиняя весьма ощущимую боль. Вверху, прямо над головой, горели семь ярких звезд — Небесная Колесница. Она все ехала и ехала куда-то, оставаясь при этом на месте. Кажется, ее даже покачивало на невидимых небесных ухабах. Или это в глазах Сони все плыло и качалось? Сколько времени она провела на ногах? Никак не меньше полутора суток. А как давно она не ела? Превозмогая боль, девушка с трудом села, отвязала наконец копье, сняла ножны с ме-

чом, скинула заплечный мешок. Полувяленые-полукопченые кусочки рыбы, лежавшие в нем, вымокли, когда она купалась в речке, и Соне пришлось заставлять себя грызть жесткие влажные волокна. Затем она поднялась на ноги и, опираясь на копье, точно древняя старуха на клюку, пошла искать место для ночлега. Мешок и меч она несла под мышкой. «Интересно, а куда Нежить дела свою палку? — лениво подумала девушка. — Броде и не бросала, но, когда забиралась вверх по скале, никакой клюки у нее не было, ни в руках, ни за спиной». Соня оглянулась и посмотрела на спутницу: в кривых узловатых пальцах та держала прежнюю сучковатую палку. Из воздуха она ее лепит, что ли?

* * *

Когда Соня проснулась, было уже за полдень. Сейчас, при свете дня, да еще после отдыха, все вокруг казалось красивым, и особенно небольшое ущелье, достигавшее шагов пятисот в ширину. Дно его представляло собой маленькую долину, поросшую деревьями и восхитительной зеленой травой. Открытой частью ущелье было обращено на юг и заканчивалось тем самым откосом, по которому пришлось карабкаться предыдущей ночью. Услышав, как где-то журчал вода, Соня пошла на звук и вскоре обнаружила небольшое озеро, в которое впадал быстрый, веселый ручеек. Вода в озере была прозрачной, как хрусталь, дно устипал крупный желтый песок. Девушка поглядела на свое отражение. Ну и страшилище! Лохматая, грязная, лицо в копоти, одежда и руки — в глине...

Умывшись и более-менее приведя себя в порядок, она вернулась к месту ночевки и принялась разводить костер: промокшую рыбу надо было срочно подкоптить заново, иначе скудные запасы сгниют уже к вечеру, а кто знает, удастся ли в этих диких местах добыть еще что-нибудь. Вскоре на полянке весело потрескивал небольшой костерок, ароматный дым, клубясь, окутывал кусочки немудреной пищи, развесчиной на колышках, а Соня, удобно устроившись на траве, занялась чисткой меча и копья. Вновь ее поразило мастерство древних оружейников: в металлические грани можно было смотреться, точно в темное зеркало. Наконечник копья оказался не менее острым, чем меч, древко — твердым, упругим и легким. Оперение возле пяты копья не выглядело чем-то необычным: такие копья применяют темнокожие воины из Зембабве, но, безусловно, нелепой казалась канавка на пяте, предназначенная для тетивы. Еще вчера Соня лишь рассмеялась бы, начни ей кто-то рассказывать о ручных луках, для которых требуются стрелы длиной больше человеческого роста. А сейчас... Она тяжело вздохнула, вспомнив свой лук, который утонул во время купания. Он был совсем маленький, почти игрушечный, но тугой и ладный — серьезное оружие. А бедняга Гнедая... Соня пригорюнилась было, но долго печалиться она не умела: жизнь продолжается, и нечего грустить о том, что прошло.

Покончив с необходимыми делами, девушка прислонилась спиной к дереву, повернула лицо к

солнцу и расслабилась, бездумно нежась в его лучах. Могла же она позволить себе хоть немногого передохнуть после всех вчерашних злоключений. Даже Нежити, черным сычом сидевшая неподалеку, сейчас не раздражала ее и не вызывала чувства тревоги. Это существо прекрасно понимало, что без Сониной помощи ему шкатулку не заполучить. А кроме того, и метательные ножи под рукой: висят на поясе.

Пока не настанет пора снимать с костра рыбу, делать ей все равно было нечего, и Соня решила использовать это время, чтобы побездельничать всласть. Она чувствовала, как напряжение последних дней уходит, как будто впитываясь в траву и землю, а деревья, казалось, дарят ей спокойную уверенную силу. Они стояли здесь испокон веку и снисходительно взирали на смешные суетливые создания, которым все не сидится на месте, которые все мчатся к какой-то неведомой цели... Понистине благодатное место!

— Здесь так хорошо, что не хочется уходить, верно? — прошелестел голос Нежити.

Уж не умеет ли она читать мысли? Впрочем, все, о чем сейчас думает Соня, нетрудно прочесть по ее лицу. Она слегка улыбнулась. Что ж, легкий разговор ни о чем — это тоже неплохо. Последние дни ей не хватало собеседника.

— Верно, здесь хорошо. Но только сейчас, — отозвалась девушка. — А потом наступит осень, придут снеговые тучи, и всю зиму будут завывать злые горные выюги. Но я об этом думать не хочу. Мне тут нравится, и я отдыхаю.

— Думаешь, в той долине, куда ты стремишься, не бывает выюг?

— Я иду туда вовсе не за вечным летом.

— Тогда за чем же? Скажи, зачем тебе эта долина? Воистину, велика должна быть цель, которой добиваются с таким упорством.

Блаженная улыбка на Сониных губах стала жесткой — так она улыбалась, вынимая меч для схватки.

— Цель действительно великая. И я согласна отдать за нее все, чем владею, все на свете, — ответила она. — Я люблю жизнь. Я не понимаю, почему должна умереть, почему человеку отпущена от силы сотня лет жизни, а обычно — намного меньше! — Голос Сони звенел и прерывался от волнения. — Если боги развлекались, устраивая мир людей таким образом, то это была плохая шутка. Люди смирились с тем, что неизбежно старятся, что их тела потеряют силу, лица избороздят морщины, что их головы оплещиваются, а зубы выпадут, что зоркие глаза помутнеют, слух притупится, а разум изживет себя. Что, в конце концов, они превратятся в прах, тлен, добычу могильных червей. Но я не хочу с этим мириться! Я хочу жить вечно и оставаться вечно молодой! Вот для чего мне нужно попасть в долину Вечно Живущих!

Задыхаясь от волнения, Соня взглянула в лицо своей необычной собеседницы и изумилась тому, что увидела. На лице Нежити, обычно жестким и бесстрастном, играла печальная улыбка, а глаза... В них вдруг пропало что-то челове-

ческое. Доброта? Сострадание? Пожалуй, заговори камни, а деревья, выдернув из земли корни, начни расхаживать взад-вперед, девушка удивилась бы меньше.

— Бедная девочка, снедаемая жаждой несбыточного,— задумчиво проговорила Нежить.— Ты даже представить не можешь, насколько опасна твоя мечта. Ты говоришь, что согласна отдать за нее все на свете... Но цена может оказаться страшной, очень страшной. Поверь мне. Уж я-то знаю.

— Мне плевать на то, какой окажется цена! — запальчиво воскликнула Соня.

Нежить помолчала немного, а затем, совсем по-человечески вздохнув, произнесла:

— Когда-то я была так похожа на тебя... Очень давно, больше десяти тысяч лет назад. Я тоже любила жизнь и все, что с ней связано. И тоже хотела жить вечно.

— Так ты была человеком, живой женщиной? — прошептала Соня.— А я думала...

— Ты хочешь сказать, что приняла меня за сумеречного духа? Нет, мои отец и мать были людьми. Правда, сейчас человеческого во мне уже почти не осталось. Разве что тоска. Когда-то меня звали Акивашей. Вижу, тебе приходилось слышать мое имя.

Соня в ужасе прижала ладонь ко рту. Принцесса Акиваша, жестокосердная дочь стигийского владыки, которая жила так давно, что рассказы о ней стали преданием, легендой. Говорили, что прекрасная принцесса сумела обрести вечную молодость. Обычно женская красота, едва успев расцвести,

начинает увядать, и время капля по капле отбирает то, чем изначально одарила девушку природа. Про Акивашу же рассказывали, что она сумела сохранить свою красоту навсегда, смогла попасть в небесные сферы, далекое обиталище богов, и поселилась там, блестяя вечной красотой. А теперь вместо ослепительной красавицы Соня видела перед собой старуху в рушице, которая скитается по северным берегам моря Вилайет.

— Я тоже не хотела стариться и умирать,— говорила между тем Акиваша.— Я тоже не хотела увядать, покрываться морщинами и в конце концов уйти на Серые Равнинны в обличье старой ведьмы. Чтобы перехитрить старость и смерть, я погрузилась во тьму, взяла в любовники Мрак. А он взамен подарил мне жизнь. Я умерла, чтобы жить вечно. Это произошло больше десяти тысяч лет назад, и вот я живу. Живу до сих пор.

— А как же... Как же вечная молодость? — с трудом проговорила Соня.

Акиваша окинула ее печальным и задумчивым взором. Сейчас это были человеческие глаза, темные и глубокие, а вовсе не пылающие желтым огнем кошмарные бельма демона.

— Я могу, если захочу, быть молодой, но могу быть и старой. Могу стать красивой, а могу — уродливой. Какой угодно. Но душа моя состарилась. А старой душе удобнее всего обитать в дряхлом теле. Хочешь узнать, какой я была когда-то?

Соня могла лишь кивнуть. Какое-то безошибочное чутье, внутренний сверхтонкий слух, которым наделены души некоторых людей, подсказывали

ей: все, о чем рассказывает сейчас ее спутница,— горькая и страшная правда.

— Что ж, смотри.

Старуха выпрямилась, замерла, а затем в одно неуловимое мгновение изменилась. Перед Соней стояла высокая, гибкая, превосходно сложенная девушка, одетая в облегающее черное платье. Тонкую талию обивал широкий пояс, украшенный самоцветами волшебной красоты. Кожа девушки была гладкой и матово-белой, как слоновая кость, а роскошные черные волосы охватывал обруч с большим кроваво-красным рубином в середине. Особенно поражали глаза красавицы: огромные, бездонно черные и печальные. Если когда-то и была в них жестокость, то за многие тысячи лет она исчезла без следа.

— Такой я хотела оставаться навсегда. В Стигии, в черных подземных залах древнего Луксура хранились и, наверное, до сих пор хранятся драгоценные свитки, в которые занесены великие и ужасные тайны, что позволяют повелевать могучими силами, неподвластными обычному человеку. В одном из этих свитков я прочла, что человек может обрести бессмертие, избрав себе в союзники Мрак, и сразу отправилась в Кеми, город мертвых. Я сошла в подземелья одной из пирамид и умерла, чтобы жить вечно! Там, глубоко в недрах гигантской гробницы, заполненной тысячами мумий, до сих пор стоит мой саркофаг...

Глаза призрака вдруг загорелись желтым огнем, и перед Соней снова предстала согбенная старуха в темном, истрепанном одеянии.

— Вот такой была принцесса Акиваша,— дребезжащим голосом сказала она.

Соня долго молчала, не находя слов для ответа.

— А что же... Что было дальше? — спросила она наконец.— И как ты оказалась столь далеко от Кеми, от Стигии?

— Расскажу и об этом. Много тысяч лет назад я жила во мраке подземелий, участвовала в обрядах магов и жрецов Сета. Я пила кровь жертв, которых проводили через Ворота Смерти. Да, я была упырем. Так проходил век за веком, тысячетвоеческое за тысячетвоеческим.

Но пятьсот лет назад в подземелья моей пирамиды ворвался великий и могучий воин. Ворвался, точно ураган. Он был полон жизни, она буквально кипела в нем, била ключом. Это был король Аквилонии Конан, и пришел он за Сердцем Аrimана, драгоценным камнем, который обладал великой магической силой. В подземном зале, возле алтаря, произошла ужасная битва за Сердце Аrimана. В этой битве сошлись стигийские жрецы Сета, кхитайские колдуны, вооруженные посохами из Дерева Смерти, которые убивают простым прикосновением, и этот король. Он победил всех. Я разговаривала с ним, предлагала ему вечную жизнь. Не ради колдовского камня, который был мне совсем не нужен, а ради огромной жизненной силы этого человека, частица которой могла достаться и мне. Но король Конан лишь посмеялся надо мной и ушел, забрав драгоценный талисман с собой. Я же вдруг почувствовала, что

он — по-настоящему живой, а окружающие меня жрецы наполовину мертвы и моя жизнь во мраке подземелий — лишь призрачная тень настоящей жизни. Тот король... Он был как порыв свежего ветра, разметавший затхлый воздух моих подземелий. Я возненавидела пирамиду, тюрьму, в которой добровольно провела десять тысяч лет, и поняла, что не могу больше там оставаться. С тех пор я брошу по свету, не живая, но и не мертвая. Теперь ты понимаешь, чем может обернуться твоя мечта?

Соня содрогнулась. Да, такая цена за бессмертие действительно была слишком высока. Получить вечную жизнь, но... Ценой смерти! Отдать свою человеческую сущность, чтобы возродиться таким вот существом, великим и жалким одновременно...

— Скажи, Акиваша... — Соня наконец справилась с собой, голос ее больше не дрожал. — А в той долине, там мне тоже придется заключить сделку с Мраком, чтобы обрести бессмертие? Неужели нет другого пути?

— О той долине ходят самые разные слухи, — отозвалась Акиваша, — но я не знаю, что в них правда, а что — ложь. И есть ли там бессмертные, тоже не знаю. В свое время я пыталась туда проникнуть, но так и не смогла сделать этого.

— Почему же? — спросила Соня.

— Потому что некие могучие силы не пропускают в долину Мрак и все, что связано с ним. Я не знаю, что ждет тебя там, но в одном уверена точно: никаких сделок с Мраком не будет. Там его

попросту нет. Как знать, может, тебе повезет больше, чем мне... Ладно, хватит об этом. Сегодня мы заночуем здесь, а с рассветом снова двинемся в путь. Нам осталось пройти всего один перевал, и, если все сложится удачно, завтра к вечеру ты увидишь свою долину.

* * *

Утром они снова двинулись на север, туда, где ущелье замыкало прелестную маленькую долину. Постепенно, по мере того как они поднимались, трава и деревья остались позади, их сменили каменистые осьпи и скалы, а вскоре долина, приютившая их накануне, превратилась в лоскут изумрудной зелени. Несколько поворотов ущелья — и она вовсе затерялась где-то далеко внизу. А подъем все длился и длился. К счастью, Соня умела ходить в горах. Она знала, что ноги надо ставить на всю ступню, несмотря на то что дорога довольно круто поднимается вверх. Равнинный житель, впервые попав в горы, пытается идти на носках, не опираясь на пятку. Это кажется более естественным на крутом склоне, но при такой ходьбе человек быстро изматывает себя: его икры испытывают непомерное напряжение, их начинает сводить, ноги дрожат и перестают повиноваться. Соня вспомнила, как ей однажды пришлось пробираться через полузыпанное обвалим ущелье Кривая Пасть в Кезанкийских горах. Там, пожалуй, было потруднее: приходилось постоянно огибать огромные валуны. Здесь же дорога была более-менее чистой.

Прошло не так много времени, а они уже поднялись пойти под облака. Да, ради того, чтобы увидеть облака, которые проносятся возле самых твоих ног, стоило покинуть плоские, пыльные равнины Турана. Иногда облако с разбегу натыкалось на склон горы, и тогда все вокруг будто окутывал густой туман, вытянутая вперед рука была едва видна, звуки шагов искажались самым таинственным образом. Но почти сразу в тумане вдруг начинали играть сотни маленьких веселых радуг, солнечные лучи пробивали белую, искрящуюся мглу, и облако, подгоняя ветром, торопливо сползло со склона.

Во второй половине дня и облака тоже остались внизу, а голые камни сменились льдом и снегом. Подъем постепенно становился менее крутым, переходя в наклонное плато. Судя по всему, до самой высокой точки перевала оставалось совсем немного. Соня остановилась передохнуть и посмотрела назад, чтобы оценить, как далеко они ушли. Пожалуй, с этой высоты можно было увидеть сразу полмира! Ну, если не полмира, то уж половину моря Вилайет — точно. Золотящаяся под лучами солнца морская гладь простиралась до самого горизонта, и Соня разглядела даже Араконью Челюсть: маленький полукруг скал далеко внизу, у подножия горы. Впрочем, различить отдельные скалы на таком расстоянии было уже невозможно.

- Почему ты медлишь? — спросила Акиваша.
- Здесь так прекрасно, — улыбнулась Соня.
- Верно, прекрасно... Сейчас, — ответила Акиваша. — Но к ночи придет буря. Видишь тучи на юге?

Теперь Соня и сама рассмотрела узкую черную полоску, зависшую над горизонтом. Благодушное настроение мгновенно исчезло, сменившись тревогой.

— Будто Мрак догоняет нас, — сказала она и зябко передернула плечами. Впрочем, на леднике действительно было холодно.

— Мраку незачем догонять кого-либо, — ответила Акиваша, — каждый и так носит в себе его частицу. Одни меньше, другие — больше, но обычно мрак таится в душе каждого. Идем, нам надо преодолеть перевал до начала грозы, тогда противоположный склон горы защитит нас от ее ярости.

— Идем, — согласилась Соня.

«И чего я так раз волновалась? — думала она. — Подумаешь, гроза! Мы же не на море, в конце концов, чтоб бояться непогоды».

Солнце в тот день не скрылось за горизонтом, как обычно, просто не успело. Его поглотила черная стена туч, подымавшаяся над морем все выше и выше. В этих клубящихся грозных тучах то и дело вспыхивали молнии, будто огненные ветвистые деревья возникали вдруг из тьмы, ниоткуда, жили одно мгновение и снова исчезали в никуда.

Соня и Акиваша добрались наконец до перевала и начали спускаться в извилистое ущелье, которое вело на север. А ветер уже плясал вокруг них, мягко толкал в спину, мел поземкой, свистел и завывал в скалах. Время от времени его свист перекрывали удары грома. Стало так темно, что Соня с трудом различала дорогу. Вдруг девушка почувствовала, что копье, привязанное за спиной,

как-то странно дрожит. Она ухватилась за древко рукой: да, не почудилось. Мелкая дрожь нарастала, переходя в гудение. Соня вытащила копье из перевязи и замерла, с удивлением глядя, как на бронзовом острье разгорается синее холодное пламя.

— Брось его! Быстрее! — раздался крик Акиваша.

Не рассуждая и не задавая вопросов, девушка выполнила приказание. В тот же миг оглушительный грохот сотряс ущелье, и в летящее по воздуху копье ударили с небес целый поток яростного огня. Соне опалило лицо, какая-то могучая сила подняла ее в воздух и швырнула, точно тряпичную куклу, к счастью, не на скалы, а в глубокий сугроб. Удар все равно был таким, что заныли кости. Выбравшись из снега, вытряхивая его из рукавов и из-за воротника, Соня увидела рядом Акивашу.

— Что это было? — спросила девушка.

— Молния. В твое копье ударила молния. Быстрее, уходим вниз, если тебе жизнь дорога!

— Еще как дорога,— кивнула Соня.

Спускаясь по ущелью, она вскоре прошла мимо того места, куда упало копье. От оружия осталась лишь обугленная палка, а бронзовый наконечник, казалось, вовсе испарился.

— А с мечом такого не может произойти? — спросила она на всякий случай.

— Здесь может произойти все, что угодно. Быстрее, идем вниз!

— Послушай, Акиваша,— сказала Соня, шагая за своей спутницей.— Перед самым ударом мол-

нии я вроде бы увидела, как тучи в небе сложились в огромную руку со сжатым кулаком. Потом пальцы разжались, и рука метнула молнию, испепелившую копье. Или это все почудилось мне?

— У тебя зоркие глаза,— отозвалась Акиваша, не отвечая на вопрос, и было непонятно, что кроется за ее словами: то ли насмешка, то ли признание Сониной правоты.

Уже в полной темноте, которую лишь иногда разрывали вспышки молний, они достигли границы снегов и углубились в начинавшийся за ней лес. Клочья туч неслись над головой, в вершинах деревьев завывал ветер, но тут, внизу, было довольно тихо.

— Мне начинает казаться, что кто-то решил не пускать тебя в долину,— сказала Акиваша.— Сначала шторм, который разбил корабль, теперь эта буря...

— Так к тому шторму ты не причастна?

— Нет, я уже говорила об этом. Но я знала, что шторм будет и что корабль погибнет. Все было предопределено заранее, мне оставалось лишь ждать.

— Интересно, кем это предопределено? — спросила Соня, принимаясь собирать хворост для костра.— Послушай, а эта сила, которая хочет помешать мне, не предпримет еще одну попытку?

— Теперь, пожалуй, нет,— ответила Акиваша.— Долина уже слишком близко. Силы Тьмы ослабевают здесь.

— Вот и хорошо,— кивнула девушка.— Можно будет поспать спокойно.

До этого мгновения она не признавалась даже самой себе, насколько устала сегодня.

Ночь действительно выдалась спокойной. Утром путники двинулись дальше, и ближе к полуночи спуск сменился новым подъемом, впрочем, очень пологим. Все вокруг радовало глаз: лес был легко проходим, светел, деревья стояли на большом расстоянии друг от друга. Изредка среди деревьев встречались огромные валуны, покрытые густым светло-зеленым мхом. Этот прозрачный лес был полон жизни: в ветвях деревьев кричали птицы, несколько раз Соня видела белок, шелущивших сосновые шишки, а на земле порой встречались следы оленых копыт.

Проходя по заросшей невысоким кустарником полянке, путники спугнули спавшего зайца. Разбуженный заяц всегда подпрыгивает прямо вверх, на высоту, почти равную человеческому росту.

Такой прыжок спасает ему жизнь: хищник от неожиданности шарахается в сторону, а заяц успевает рассмотреть, откуда ему грозит опасность. На сей раз, правда, эта уловка не помогла. Соня, увидев пушистого зверька, тут же, не раздумывая и почти не целясь, метнула нож. Смертоносный клинок настиг беднягу прямо в воздухе, и окровавленное тельце с глухим стуком упало на землю.

— Ну вот, будет чем пообедать. А то рыба уже заканчивается, да и надоела она порядком,— сказала Соня, подбирая добычу с травы.

— Постарайся не делать ничего подобного, когда войдешь в долину,— посоветовала Акиваша.—

Говорят, тамошние жители не охотятся. И охотников со стороны тоже не особенно любят.

— Да? — удивилась Соня.— Что же это за люди такие?

Сама-то она была страстной охотницей, и ей нравилось противопоставлять чутью, силе, хитрости зверя свои смекалку, ловкость, умение владеть оружием, однако Соня прекрасно понимала, что, прия в гости, следует вести себя по обычаям хозяев. Что ж, значит, охотой придется пожертвовать. Но это потом, а сейчас ее ожидал превосходный обед! Она собрала дрова для костра, следя, чтобы не попались сучья хвойных деревьев (иначе жаркое будет отдавать смолой), попутно прихватив небольшой пучок пахучих трав, чтобы приготовить ароматную приправу к жаркому. На этой полянке росли дикий укроп, дягиль, кисленький очиток, среди прочих трав встречался и дикий чеснок, но его запах Соня терпеть не могла и даже не притронулась к длинным зеленым стрелкам. Приготовив все, что нужно, она освежевала зверька, затем сотоврила из пары рогулек и длинной прямой ветки простенъкий вертел, разложила костер и принялась обжаривать тушку. Вскоре мясо начало покрываться румянной корочкой, а над поляной повис восхитительный, дразнящий аромат.

— Жаль, соли нет,— вздохнула Соня.— Но ничего, и так должно получиться очень недурно.— Вдруг она встрепенулась: — Послушай, Акиваша, ты ведь когда-то, хотя и очень давно, была человеком. Попробуй, как я умею готовить. Приглашаю тебя разделить мою трапезу.

— Никогда не предлагай мертвым пищи! Это можно делать лишь в том случае, когда мертвые — твоя близкая родня.

— Верно... — растерянно пробормотала Соня.

Она вспомнила, какую страшную власть может обрести над человеком маг, принявший у него из рук еду, власть, лишь немногим меньшую, чем та, которую он получил бы, завладев обрезками ногтей или волос этого человека. Вероятно, и мертвые тоже. И тогда обряд, при котором на могилы предков приносят еду и вино, оставляя их там как угощение, означает, что люди доверяют им и одновременно просят покровительства.

Зайца Соня съела сама, не рискуя настаивать на своем угощении. Наслаждаясь вкусом ароматного, чуточку жилистого мяса, она раздумывала над странными отношениями, которые установились между ней и ее спутницей. Что это было? Дружба? Или все-таки вражда, но смягченная и облагороженная взаимным уважением? У них не было и быть не могло ничего общего, у древней нежити, упыря, исчисляющего свой возраст тысячелетиями, и юной искательницы приключений. Но в то же самое время они были чем-то неуловимо похожи друг на друга. Может быть, в дни молодости, десять с половиной тысячелетий назад, стигийская принцесса действительно была такой, как Соня сейчас: мечтательной и жестокой, капризной и упорной...

— Послушай, Акиваша, — сказала Соня, — а что все-таки находится в той шкатулке? Я не ошибусь, если скажу, что там лежит нечто очень важное для

тебя. Пожалуй, настолько же важное, как для меня — попасть в долину Вечно Живущих. Так что же там?

Акиваша рассмеялась, резко, почти зло.

— Верно. То, что там находится, очень важно для меня. Но это совершенно иное, чем цель, к которой стремишься ты.

— Что же там?

— Ключ. Да, можно назвать этот предмет так. Ключ, который откроет мне путь на Серые Равнины. Моя единственная надежда на успокоение...

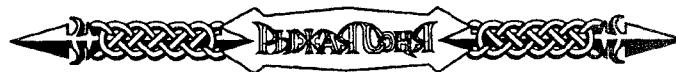
— Вот как... — задумчиво протянула Соня. — Выходит, в этом путешествии я ищу жизнь, а ты — смерть.

— Да, мы ищем противоположного, хотя и идем в одном направлении. Погляди туда, видишь эти скалы? — Акиваша указала рукой на север. Соня повернула голову: в просветах между деревьями синела гряда скал. Похоже, туда они и направлялись. — Сегодня вечером мы выйдем к ущелью, — продолжила Акиваша. — Поднявшись по нему, ты окажешься в долине, которую так долго искала. Но в ущелье тебе придется идти одной. Мне туда пути уже нет.

— Понятно, — кивнула Соня. — Ты говоришь, к ущелью мы подойдем вечером? А как долог будет подъем?

— Недолгий, — ответила Акиваша. — Пятая часть дневного перехода. Но ты, молодая и крепкая, сможешь пройти еще быстрее.

— Тогда получится, что я попаду в долину ночью, — задумчиво проговорила девушка. — А мне

хотелось бы сделать это при свете дня... Давай поступим так: подойдем к ущелью и переночуем возле входа, а утром я отправлюсь дальше.

— Хорошо,— согласилась Акиваша.

Ущелье, рассекавшее скалы, походило на след от гигантского топора неведомых каменотесов: оно было идеально прямым, стены, гладкие и почти отвесные, незначительно расходились к вершине. Дно ущелья, как раз такой ширины, чтобы проехать в повозке, полого поднималось вверх, теряясь в густеющей тьме. Могло показаться, что все здесь сделано для удобства путников, направляющихся в долину. Рядом находилась пещера, тоже будто нарочно приготовленная для тех, кто собрался здесь переночевать: она была просторна, шагов тридцать в длину и двадцать в ширину, в ней можно было стоять в полный рост, а вел в нее довольно узкий, но удобный вход, куда можно было пройти, не нагибаясь. Внутри, на каменном полу, Соня обнаружила примитивный очаг, выложенный из камней, да несколько охапок соломы в углу. Солома, впрочем, оказалась старой и почти совершенно перепревшей, поэтому Соня отправила ее на растопку, а для ложа натаскала сухого тростника, что рос неподалеку, возле ручья, который вытекал прямо из трещины в скале. Девушка попробовала воду: она была странной, но очень приятной на вкус — веселые, чуточку колючие пузырьки лопались на языке, пощипывали небо, оставляя во рту ощущение свежести. Чудеса, да и только!

К ночи в пещере горел костер, неподалеку лежала груда топлива, которого должно было хва-

тить до утра. Соня сидела на своем тростниковом ложе, задумчиво глядя на огонь. Акиваша расположилась прямо на камнях, скрестив ноги и положив безобразную клюку на колени. Похоже, ни жесткость, ни холод каменного пола вовсе не досаждали ей.

— Акиваша, расскажи мне о твоей родине, о Стигии,— попросила Соня.— Мне доводилось бывать там, но сейчас Стигия совсем не та, что прежде. Эта страна умирает, как и прочие державы Запада. А я хочу знать, какой она была в твоё время... Тебе доводилось видеть Сета?

— Да,— отозвалась стигийка.— Наши жрецы умели вызывать Великого Змея. Это происходило во время таинств, колдовских обрядов, которые проводили жрецы Черного Круга. Я сама участвовала в таких церемониях, но подробностей излагать тебе не стану, их нельзя знать непосвященным. Скажу только, что Сет являлся в виде змея, свернувшегося кольцами. Голова его была не меньше человеческой, а тело — невероятной длины...

Акиваша повела долгий рассказ, увлекательный, но и жуткий, о святилищах Луксуря, о Птейоне, мрачном городе мертвых, расположенном на высоком, обрывистом берегу реки Стикс, о могучих армиях, которым помогало в бою колдовство, о флоте быстроходных галер, бороздивших воды Западного моря, галер, посыпаемых волей жрецов Великого Змея. Слушая повествование о мрачном и очень сильном государстве, Соня не могла не порадоваться, что времена его расцвета давно миновали. Смертью, тьмой, черным ужасом веяло от

всего, что там происходило. К счастью, Стигия сейчас ослабела и ее правители-маги уже не мечтали о власти над всем миром, стремясь сохранить хотя бы свое государство, то и дело сотрясаемое набегами из Черных Королевств. Похоже, Слон и Кобра, тотемы темнокожих воинов, живущих на юге Хайбории, оказались сильней одряхлевшего Великого Змея...

Проснулась Соня очень рано. Видимо, волнение, вызванное тем, что цель близка, заставило ее подняться ни свет ни заря. Выйдя из пещеры в серые предутренние сумерки, Соня умылась у ручья, вновь удивившись его пузырившейся, покалывающей кожу воде, затем села на берегу, встречая рассвет. Небо уже стало светлым, но все вокруг еще утопало в глубокой тени, а солнца пока не было видно. Однако воздух постепенно становился все прозрачней и прозрачней, зарево на востоке — все ярче и ярче, а вершины скал засияли так, будто были покрыты золотом. Потом, когда граница тени опустилась ниже, лучи невидимого еще солнца осветили верхушки деревьев. Пробудившиеся птицы запели утренний гимн солнцу: этот обряд они неукоснительно соблюдают все лето, пока не настанет пора улетать на зимовку в Вендию или Иранистан. Птичьи голоса звенели в лесу, словно тысячи маленьких кхитайских колокольчиков, славя Великую Птицу, которая летает в небе выше, чем могут подняться все остальные птицы, и дарит своим маленьким собратьям, живущим в гнездах на земле, тепло и свет. Соня радостно улыбалась, слушая эту песню. В порыве, с которым кро-

хотные создания славили солнце, прогнавшее долгую ночь, было что-то очень трогательное. Вдруг, движимая каким-то неясным ощущением, девушка повернула голову и увидела стоявшую неподалеку Акивашу: та подошла совершенно беззвучно.

— Ты готова? — спросила стигийка.
— Готова, — кивнула Соня и, собрав снаряжение, направилась ко входу в ущелье.
— Дальше тебе придется идти одной, — напомнила Акиваша.

Немного помедлив, Соня вынула тяжелую плоскую шкатулку из карманчика на пояске, но отдавать ее своей спутнице пока не спешила, ибо от природы была недоверчива. Кто знает, что находится там, в конце ущелья? Может, действительно долина Вечно Живущих, а может, и нет ничего, лишь пустынные горные склоны, по которым можно бродить до самой смерти, так и не найдя того, к чему стремилась. Кажется, Акиваша разгадала ее сомнения.

— Попробуй войти в ущелье, — сказала она. — А я посмотрю, получится ли это у тебя.

Соня послушно повернулась и шагнула в проход между двумя скалами. Казалось, ничто не препятствует ей пути, но уже второй шаг оказался короче первого, а третий — и того меньше. У девушки возникло ощущение, что воздух стушается перед ней, становится упругим и мягким, но настойчиво выталкивает ее назад. Она словно уперлась всем телом в пуховую перину. Соня шагнула назад — наваждение сразу исчезло, попробовала идти вперед — и снова возникла мягкая, пружиня-

щая, непреодолимая сила, не пускающая ее в ущелье. Соня обернулась к Акиваше:

— Что это?

— Я же говорила, силам Тьмы нет доступа в долину, — ответила стигийка.

— А я-то здесь при чем? — удивилась девушка.

— Каждый человек носит в себе частицу Тьмы. И об этом я тоже уже говорила тебе.

— Значит, я не смогу войти туда?

— Думаю, сможешь. Пронести Тьму с собой в долину не удастся, значит, надо избавиться от нее!

— Но как?

— Оставь шкатулку здесь. Она — порождение Мрака. Сними меч и ножи с пояса.

— Оружие здесь тоже относят к силам Тьмы? — спросила Соня. Ей становилось очень неуютно при мысли, что дальше придется идти безоружной.

— Не всякое, — пояснила Акиваша, — а лишь то, которое было обагрено чьей-то кровью.

— Ладно, — вздохнула Соня, сняла меч и ножи, отнесла их в пещеру и принялась заваливать щебнем.

— Оставь там же и монеты, — посоветовала Акиваша. — Деньги тоже творят очень много зла в мире. Гораздо чаще их используют для злых дел, чем для добрых.

Соня кивнула. Ей ли не знать этого? Снова подойдя к ущелью, она бросила шкатулку Акиваше:

— Держи!

Стигийка ловко подхватила ее на лету, крючковатые пальцы намертво вцепились в темный металлический прямоугольник.

— Дай хоть посмотреть, что там внутри, — попросила Соня. — Интересно все-таки, что же такое я таскала на поясে столько дней подряд.

— Нет. Смертные не должны видеть этого, — печально улыбнулась старуха. — Ты ведь в отличие от меня не спешишь на Серые Равнины?

Соня отрицательно покачала головой и, повернувшись, вновь направилась в ущелье. На этот раз ничто не мешало ей шагать вперед.

— Прощай, рыжая девчонка! — раздался позади звонкий, молодой голос.

Соня оглянулась. Юная стигийская принцесса махала ей рукой. Красным огнем горел рубин на обруче, который поддерживал тяжелую черную волну волос, разноцветьем сверкали драгоценные камни пояса.

— Прощай! — крикнула Соня.

В следующее мгновение будто темно-серая занавеска мелькнула около узкого входа в ущелье, заслонив от Сониных глаз долину, деревья и горы вдалеке. Еще через миг все это появилось снова, но стигийской принцессы уже не было. Лишь маленькая черная шкатулка с откинутой крышкой валялась на траве.

Соня повернулась и не спеша пошла вверх по тропе.

* * *

Первым, кого увидела Соня, преодолев ущелье, был местный житель — человек средних лет, невысокий, хрупкого сложения, он сидел неподалеку от тропы, на большом замшелом валуне.

— Оэ, миандуон. Сон угитлар,— весело улыбаясь, сказал, а вернее, почти пропел он.

Этот музыкальный, мягкий язык не походил ни на один из известных Соне. Резко остановившись, она внимательно посмотрела на незнакомца: лицо смуглое, скулы выдаются, как у мунган или китайцев, от уголков глаз к вискам разбегаются веселые лучики морщин, одет в свободную, не стесняющую движения одежду из некрашеного серого сукна. Позади этого человека паслось небольшое, голов десять, стадо овец. Пастух? Скорее всего.

— Не понимаю,— ответила Соня по-гиркански.

— О, извини,— ее собеседник тут же перешел на гирканский,— я мог бы сразу сообразить, что ты не знаешь нашего языка.— Говорил он с каким-то странным акцентом, вроде бы нараспев, но совершенно свободно.— А я с самого утра ожидаю тебя здесь, чтобы отвести в селение.

— Откуда ты узнал, что я иду? — удивилась Соня.

— Это было не так уж сложно. Если кто-то проходит через Врата и начинает подниматься,— при этих словах собеседник девушки указал рукой на ущелье,— мы всегда знаем об этом. Но о твоем приходе еще раньше рассказала гроза над Перевалом Судьбы. Понимаешь, это ведь особый перевал, и грозы над ним бушуют не совсем обычные.

— Это я почувствовала,— кивнула Соня.

— Пойдем в селение. Гостеприимный хозяин должен сразу приглашать гостя в дом. Путнику, идущему издалека, нужно более серьезное угоще-

ние, чем пустые разговоры.— Тут он снова весело улыбнулся.— Кстати, мое имя — Ваату. А как нам называть тебя?

— Нам?

— Мне и моим соотечественникам.

— Меня зовут Соня,— ответила она и, повинувшись приглашающему жесту Ваату, пошла следом за ним.

Сзади послышался дробный перезвук. Резко обернувшись, девушка увидела, что это овцы двинулись за хозяином. Напугали, сожри их Нергал.

Все-таки без оружия она чувствовала себя неуютно.

Эта долина очень напоминала те две, в которых Соне довелось побывать чуть раньше: такая же светлая, поросшая негустым, кишащим жизнью лесом. И все-таки она заметно отличалась от них. Во-первых, эта долина было много больше. Горы, замыкающие ее с другой стороны, казались призрачно-синими, настолько они были далеко. Пожалуй, потребовалось бы несколько дневных переходов, чтобы достичь их, пройдя долину от края до края. Во-вторых, эта местность явно была обжита. Через лес вилась тропка, откуда-то едва заметно тянуло запахом дыма. На поляне, открывшейся сбоку от тропинки, Соня заметила небольшую пасеку: десятка два круглых деревянных колод-ульев, прикрытых коническими соломенными крышами. Пчелы, громко журчжа, кружились над поляной, перелетали с цветка на цветок, сотрясая венчики. Довольно часто подлетали они и к Соне. Девушка торопливо накинула капюшон на голо-

ву: мало приятного, если пчела запутается в волосах.

— Тебя пугают эти малыши? — спросил Ваату. — Вообще-то, правильно. Характер у них горячий, а жало острое. Но зато какой вкусный мед они собирают! Верно? Кроме того, с ними ведь можно договориться.

Ваату остановился и вытянул вперед руку ладонью вверх. Какое-то время он стоял молча, не подвижно, слегка улыбаясь. Вдруг на его открытую ладонь села пчела. Ваату поднял вторую руку. Пчела перелетела с ладони на ладонь. Соня не могла поверить своим глазам: этот человек «играл» пчелой, точно мячиком! Несколько раз перелетев с руки на руку, насекомое описало вокруг Ваату круг и умчалось прочь.

— Ты что, местный колдун? — нахмурилась Соня.

— О нет, — засмеялся Ваату. — Это у нас умеет почти каждый. Правда, пчелами управлять труднее, чем, скажем, овцами. Они ведь не слишком умные. Но идем дальше.

Соне вновь стало тревожно. Пчелы и овцы — это еще куда ни шло, а вдруг эти таинственные люди умеют управлять и себе подобными? Ну уж нет, заставить ее повиноваться чужой воле, точно куклу, которую дергают за веревочки, не удастся никому!

Вскоре они вышли из леса и приблизились к селению. На первый взгляд, оно было довольно обычным для этих мест: длинный ряд домов, сложенных из дикого камня, тянулся вдоль берега

быстрой и бурной горной речки. Но стоило приглядеться внимательно, и становилось ясно: это селение совсем иное.

Сравнить его хотя бы с той рыбакской деревушкой, что стоит возле Драконьих Челюстей, жители которой оказались так негостеприимны. Там дома были темные, грязные, насквозь провонявшие отбросами и рыбьими потрохами. Здесь же они выглядели опрятно, беленые известью высокие стены, крыши крыты не соломой, а черепицей кустарной выделки. Окна домов на случай непогоды закрывались деревянными ставнями. Стекол в них, конечно же, не было, ведь стекло — большая редкость в здешних краях. Соня даже заливалась, насколько это было красиво: белые домики с коричневато-красными крышами, зеленый лес вокруг, а над всем этим раскинулось ярко-синее, бездонное небо.

Жители селения, похоже, были пастухами и землепашцами. Все спокойно занимались повседневным трудом: ухаживали за грядками с зеленью, разбитыми возле домов, носили воду в деревянных ведрах, женщины готовили пищу на печах, расположенных во дворе под навесами. В одном из дворов Соня увидела гончара: расположившись под яблоней, он неутомимо вращал свой круг, а десятка полтора необожженных кувшинов сохли неподалеку на ветерке. Жители обращались к Ваату певучими голосами, улыбаясь, радушно кивали Соне. Судя по всему, это был веселый и незлобивый народ. В них вовсе не было заметно того мрачного недоверия к чужакам, с каким

обычно встречают путников в глухих маленьких селениях. Соня сказала об этом Ваату.

— А почему мы должны не доверять тебе? — улыбнулся он. — Если бы ты несла с собой опасность или зло, Врата просто не пропустили бы тебя. А вот здесь я живу. Прошу, заходи и будь моей гостьей.

Входя в двери, он обменялся несколькими фразами с немолодой женщиной, находившейся в доме. Как и большинство жителей селения, она была невысока, скуча и темноволоса, одета в свободное платье, доходившее до колен, перехваченное широким поясом, шаровары, присборенные на щиколотках, низкие сапожки из мягкой кожи — все спокойных, неярких тонов. Так здесь одевались многие.

— Это моя жена, — пояснил Ваату. — Ее зовут Наири. Они приветствует тебя, гостья, и приглашает к столу.

Стол оказался совсем низенький. Сидеть за ним полагалось не на стульях, а на расстеленных полуциновках, скрестив при этом ноги на китайский манер. Хозяева принялись потчевать гостью. К удивлению Сони, почти вся посуда: блюда, полукруглые чаши для супа, емкости для сливок, соусов, маринадов были изготовлены из серебра. Богато сервированный стол совершенно не вязался с простым убранством помещения.

— Не удивляйся, — пояснил Ваату. — Серебро можно найти неподалеку, в горах. А у нас есть весьма искусные мастера-чеканщики.

Мяса на столе не было, но несмотря на это пища оказалась сытной и разнообразной: вареные

овощи, пресные лепешки с медом, рыба, запеченная в тесте, молодой сыр, фрукты и приправы. Кроме того, хозяйка подала горячий, ароматный, подслащенный медом отвар каких-то трав в небольших конических чашках, тоже из серебра.

Глядя на Соню, хозяйка сказала несколько фраз.

— Она спрашивает, по нраву ли тебе наша пища, — перевел Ваату.

— О да, спасибо, — улыбнулась Соня. — Поначалу я опасалась, что меня угостят кусками козьего мяса, обуглившимися снаружи и сырьими внутри. Насколько я заметила, такая пища в ходу у горцев.

— Мяса мы почти не едим, — ответил Ваату.

— Но больше всего я боялась, что вы предложите мне молоко, смешанное с кровью. Горцы-скотоводы его очень любят.

Ваату сказал что-то своей жене, и та весело рассмеялась.

— Я перевел ей твои слова, — пояснил Ваату. — Нет, мы ничего такого не едим. Но, догадываюсь, что тебе уже приходилось пробовать это блюдо, и вряд ли оно пришлось по вкусу.

— Пару раз, — ответила Соня. — Ты прав, более мерзкое пойло трудно представить. Но что поделаешь? Отказавшись от угощения, гость может обидеть хозяев.

Между едой и разговорами Соня с интересом рассматривала обстановку комнаты. Поскольку день стоял теплый, ставни на всех окнах были сняты, и солнечные лучи свободно проникали внутрь, давая очень много света. Заднюю часть

комнаты занимала низкая печь с длинным и широким дымоходом-лежанкой. Такие печи обычно строили жители северных горных районов Кхитая и Кусана — местностей, где夜里, как правило, очень холодные. Она была не больше двух локтей в высоту, и, чтобы затопить ее, приходилось опускаться на колени. Лежанку застипал толстый слой камышовых циновок, поверх него — одеяла из козьей шерсти и подушки в форме круглых валиков. Рядом с печью стояли четыре огромных, почти в три локтя высотой, глиняных кувшина. В них горцы держали муку и зерно. На стене над кувшинами висели связки лука, стручкового перца, чеснока и пучки сухих трав.

Хозяйка снова произнесла какую-то певучую фразу.

— Наири спрашивает, почему ты лишь попробовала суп, — сказал Ваату. — Может, он тебе не нравится?

— В нем очень много чеснока, — пояснила девушка. — А я плохо переношу чесночный запах.

Ваату перевел эти слова и выслушал ответ.

— Наири говорит, что у разных людей разные вкусы. Что ж, в таком случае она будет готовить суп без чеснока, а мы будем класть его прямо в тарелки.

Как не похожа была эта деликатность на навязчивое гостеприимство большинства кезанкийцев!

— Что ж, если ты уже насытилась, идем, покажу комнату, в которой ты будешь жить, — сказал Ваату. — Ты, вероятно, не прочь отдохнуть с дороги.

* * *

Несколько дней Соня просто отдыхала после нелегкой дороги, присматриваясь к жизни местного люда, к их привычкам и обычаям, и, надо сказать, очень многое удивляло ее. Девушка не плохо знала, как живут земледельцы, охотники, горожане, торговцы и даже знать. Когда-то к образу жизни избранных пытался приобщиться ее отец, стараясь забыть дикую и бесприютную молодость, проведенную среди каменистых осипей и ущелий Кезанкийских гор. Даже знатные люди, при всей их утонченности, совершали омовения раз, от силы — два в седмицу, простой же люд — и того реже, причем много реже. Ну а эти удивительные горцы что ни день дважды залезали в реку всем селением: один раз на восходе и еще один — на закате. Даже утренний холод их не пугал. Интересно посмотреть, что они будут делать зимой, думалось Соне. Ее не удивило бы, начни они рубить проруби во льду и нырять туда! Ведь этот обычай соблюдался с неукоснительностью ритуала. Мужчины и женщины совершали омовение отдельно.

Работали местные жители усердно, но по несколько раз на дню оставляли работу, садились на землю и настолько погружались в себя, что совершенно переставали замечать, что происходит вокруг. Однако назвать эту отрешенность сном было нельзя. Казалось, души этих людей воспаряли к небесам и уносились куда-то. Только вот куда же? Может, в чертоги богов? А может, наоборот, под землю, в царство Нергала? Хотя, помнится, Аки-

ваша говорила, что темным силам нет хода в долину. Но может, есть ход, который ведет к ним отсюда? Кто знает... Во всяком случае, с помощью подобных ритуалов жители долины могли сосредоточивать свои силы самым удивительным образом. Однажды Соне довелось увидеть такое, что, расскажи ей кто-нибудь, вовек не поверила бы, решив, что ее пытаются обмануть, как ребенка. Но ведь она видела все это своими глазами!

Однажды утром, прогуливаясь по селению, она обратила внимание на сухонького старичка, который раскапывал делянку под огород. Кстати, старики здесь все же были, а значит, рассказы о вечной молодости оказались явным преувеличением. Впрочем, надо признать, что их было очень мало и все они, как на подбор, были крепкими и бодрыми. Старику, копавшему делянку, мешал огромный замшелый валун, который лежал на краю его поля и весил никак не меньше, чем четыре-пять взрослых человек. Старик обошел этот здоровенный камень со всех сторон, внимательно оглядел его, затем сел на землю, скрестив ноги на кхитайский манер, и замер, точно уснул, с прямой спиной и открытыми глазами. Через некоторое время он поднялся, нашупал на валуне углубления, за которые можно было ухватиться пальцами, рванул... Огромный камень, глубоко ушедший в землю, отлетел в сторону, с него посыпались во все стороны комья дерна! Пожалуй, ни один из известных Соне силачей не сумел бы повторить того, что на ее глазах проделал сухонький старичок, напоминавший чем-то кузнецика.

Освободив место для дальнейшей работы, он как ни в чем не бывало снова взялся за лопату, а когда, подняв глаза, увидел, что за ним наблюдает изумленная до глубины души чужестранка, то подмигнул ей и весело засмеялся. Зубы у него оказались белыми и ровными, как у молодого...

Вообще, распорядок жизни обитателей долины был куда строже и разумнее, чем у обычных крестьян, однако не таким жестким, как, например, в монастырях, где всякое действие: дело ли, отдых ли, прием ли пищи — производилось сообща и непременно по сигналу колокола. Нет, здесь люди все же жили гораздо свободнее, чем монахи, послушники и храмовые крестьяне.

Спустя несколько дней вопросов накопилось так много, что Соня попробовала задать их Ваату. Разговор этот состоялся за завтраком, к которому Наиру подала козий сыр с медом, пресные лепешки, изжаренные на масле, зелень и фрукты. Выслушав первый вопрос, Ваату некоторое время задумчиво жевал, уставясь в окно, на далекие синевато-белые горные вершины.

— Я ждал, что ты начнешь спрашивать, — сказал он наконец.

— Почему? — поинтересовалась Соня.

— Все чужестранцы, приходившие к нам в долину, рано или поздно начинали задавать вопросы. Ведь наша жизнь достаточно необычна для вас, хотя мы считаем ее вполне естественной и даже, осмелюсь сказать, гораздо более счастливой, чем та, которой живут люди вашего мира... Ну что ж, я постараюсь удовлетворить твое любопытство. Ты

спросила, живем ли мы вечно. Нет, хотя боги не дадут солгать, нам отмерен гораздо больший срок, чем кому бы то ни было.

— Насколько же больший? — спросила Соня.

— В два, а то и в три раза, — ответил Ваату. — Но даже это не самое главное. Здесь, в долине, люди до самой смерти остаются здоровыми и бодрыми как телом, так и духом. Наши старики не подвержены старческим болезням и старческому слабоумию. Надеюсь, ты согласишься, что это — большое счастье. А умираем мы просто потому, что рано или поздно устаем жить. Желание умереть приходит как желание уснуть. И тогда человек умирает: спокойно, тихо, почти всегда, во сне. Прожив долгую и счастливую жизнь, он не сожалеет, что она завершилась... Что еще хотела бы ты узнать?

Они еще долго беседовали, и девушка узнала много нового и удивительного. Например, Ваату рассказал, что правителей у них нет, во всяком случае, в обычном понимании этого слова. Нужды в каком-либо правлении попросту не возникало при той размеренной и спокойной жизни, которую вели жители долины. Впрочем, когда это бывало нужно, созывалось что-то вроде совета старейшин, но случалось это очень редко — от силы раз в два, а то и в три года. Законов тоже не существовало, но это вовсе не значило, что в долине царило беззаконие — неписаные моральные правила и обычаи были весьма строги, и нарушителей непременно наказывали. Если человек причинял вред окружающим, то он обязан был либо возместить ущерб, либо покинуть долину навсегда. Никто не хотел

жить по соседству с людьми, не ценившими дружбу и мир.

Что же касается завидного здоровья и долголетия местных жителей, то эти качества, по словам Ваату, объяснялись очень просто: жили они разумеренно, питались скромно и правильно, не отягощая желудки, да к тому же не ведали губительных страстей и пороков, сжигавших человека задолго до срока, назначенного ему природой. Ну и кроме всего прочего здесь было принято следить за своим здоровьем, и к этому всех приучали с детства. Помимо ежеутренних и ежевечерних омовений горцы, оказывается, регулярно применяли массаж, которым владели в совершенстве. Утро, например, они начинали с сильного растирания тела ладонями, чтобы разогнать по жилам засточившуюся за ночь кровь. Известны им были и множество дыхательных упражнений, способных либо придать человеку спокойствие, либо, наоборот, взбодрить его, либо помочь снять напряжение и расслабиться перед сном. Существовали специальные духовные упражнения, с помощью которых можно было сосредоточить и на короткое время многократно увеличить свои силы, как телесные, так и душевые. Именно такое упражнение и проделал на глазах у Сони тот старик, что легко отшвырнул в сторону огромный валун. Кроме того, горцы изучали травы и готовили из них разнообразные отвары, придающие человеку бодрость.

На вопрос, как возникли такие обычай и откуда взялись столь глубокие знания, Ваату ответил, что все это завещано им предками.

Разговор этот лишь отчасти удовлетворил Сонино любопытство. Девушка прекрасно понимала, что такое совершенство не может существовать само по себе, что должна быть какая-то сила, возможно, даже сверхъестественная, которая поддерживает уклад жизни этих горцев неизменным и гармоничным, не давая этому племени скатиться до того полутикого существования, в котором просябает большинство окрестных племен. Но когда Соня попробовала узнать об этой таинственной силе, Ваату ушел от ответа.

— Сегодня к нам должны прийти юноши из соседнего селения, расположенного на востоке долины, — сказал он, переводя разговор на другую тему. — Вечером состоится церемония приема гостей и небольшой праздник. Обязательно приходи на него, тебе должно понравиться.

* * *

Ночь постепенно опускалась на землю, прозрачная, тихая, звездная. На обширной площади, расположенной посередине селения, горел большой костер. Он трещал и разбрасывал искры, походившие на золотистых пчел, улетающих прочь, в темноту. Вокруг костра на охапках свежей, соломы сидели жители деревни. Пляшущее пламя то ярко освещало, то прятало в густую тень лица людей и стены домов, расположенных вокруг площади, легкий ветер уносил прочь ароматный дымок костра. Похоже, для костра тщательно подобрали особые деревья, которые, сгорая, давали на редкость приятный запах, напомнивший Соне слад-

коватое благоухание ароматических смол, что использовали богатые модницы в больших городах, таких как Аграпур, Шангара и Акит. Луна, идущая на убыль, но все еще яркая, медленно и величаво поднималась над кольцом гор, окружавших долину.

Мужчина, на вид лет тридцати — тридцати пяти (а на деле — кто знает?), вышел из-за спин сидевших в ожидании людей, прошел в освещенный круг и остановился почти у самого костра, ярко озаренный его пламенем. Некоторое время он стоял совершенно неподвижно, как бы собираясь с мыслями, потом запел, негромко, почти не разжимая губ, протяжную и печальную песню. Постепенно исполнитель начал двигаться в такт мелодии, тягучие, медленные движения мало-помалу переросли в танец. Все жесты были мягкими и нарочито замедленными, словно действие происходило под водой или во сне. А голос певца, низкий и звучный, постепенно набирал силу, становясь призывным и даже властным. Хотя Соня не понимала слов, но и она тоже попала под влияние этого неторопливого, могучего ритма. Скользящими шагами танцор двигался вокруг костра, руки его совершали сложные и явно ритуальные движения. Пройдя полный круг, он остановился и умолк, а затем отошел в сторону и сел среди зрителей, которые продолжали молчать, ни единным звуком не выразив своего одобрения. По-видимому, этого и не полагалось делать, ведь обрядовые танцы предназначаются не для того, чтобы ублажить зрителей, а для того, чтобы угодить богам.

— Объясни, пожалуйста, о чём он пел, — попросила Соня Ваату.

— Это очень древняя песня, — отозвался тот. — В ней говорится, что вся наша жизнь — это большой круг. Мы приходим в этот мир ниоткуда, из небытия, и, пройдя весь круг своей жизни, снова уходим в небытие, в никуда. Но этого вовсе не надо бояться...

На смену первому певцу к костру вышел юноша, наверное, один из пришедших накануне в селение, с каким-то музыкальным инструментом в руках, который имел небольшую округлую деку и длинный гриф с туго натянутыми жилками струн. Обогнув костер, он встал напротив стайки нарядно одетых, убравших волосы цветами девушек и положил пальцы на струны. Девушки сразу начали перемигиваться, шушукаться, смущенно хихикать. Юноша принялся пощипывать струны, зазвучала мягкая мелодия, приятная и радостная, а в такт ей юноша запел. Исполнив несколько куплетов, он умолк, продолжая, однако, наигрывать на своем инструменте, а одна из девушек запела высоким голоском, как бы отвечая музыканту.

— О чём они поют? — спросила Соня.

— Юноша рассказал, как прекрасна его возлюбленная, и просил ее согласиться соединить их судьбы. Девушка отвечает согласием, — пояснил Ваату. — После этой церемонии они считаются мужем и женой.

Тем временем песня закончилась, а юноша и девушка, взявшись за руки, сели в сторонке. Лица их сияли счастьем.

Вслед за первым юношем вышел и запел второй, но на этот раз ответная песня девушки оказалась очень короткой и вызвала взрыв смеха среди ее подружек, да и селяне постарше улыбались и покачивали головами. Казалось, ответ развеселил их, но в то же время и озадачил.

— Похоже, этот жених получил отказ? — поинтересовалась Соня.

— Да, ты правильно поняла, — ответил Ваату. — Причём отказ был, пожалуй, излишне резок. Правда, Ниэнте, так зовут этого молодого человека, иногда ведет себя слишком гордо и даже хвастливо. Что ж, возможно, теперь он научится скромности и смиреннию.

Церемония сватовства меж тем продолжалась. Уже успели образоваться десятка полтора счастливых пар, а двое или трое юношей получили отказ, выраженный иногда деликатно, а иногда и не очень. Но вот очередной жених, выйдя к костру, направился почему-то не к невестам, а в другую сторону. Обогнув костер, он остановился перед Соней и, перебирая струны своего инструмента, запел глубоким звучным голосом:

Эрайон вигитлар окреон умм биз
Элейон угитлар сетийон умм биз...

Уже догадавшись, что все это должно означать, Соня внимательно разглядывала певца. Это был молодой мужчина высокого роста, несколько сухощавый, но широкоплечий и стройный. Темные, слегка вьющиеся волосы волнами спадали на прямые плечи. Как и большинство мужчин селения,

он носил небольшую аккуратную бородку. Горбоносое лицо его было чуть скуластым, темные, глубоко посаженные глаза и жесткие очертания рта выдавали человека, уверенного в себе, а может, даже и властного.

— Его зовут Теранои,— сказал Ваату.

— О чём он поёт? — спросила Соня.

— Девушка с волосами, цветом схожими с медью, горящими, как солнце на закате, ты пришла к нам из далёких краев. Ты сильна и отважна, демоны Перевала Судеб не смогли остановить тебя и вынуждены были отступить, открыв тебе дорогу к нам, живущим в этих горах. Останься с нами навсегда и войди в мой дом, ибо девушка не должна жить в одиночестве...

«О боги,— подумала Соня,— и здесь то же самое, что и везде. До чего же мужчины всех краёв похожи друг на друга, будь они гирканцами или кхитайцами, ванирами или дикими пиктами. Ну волосы, как медь, ну не уродина и не горбунья какая-нибудь, вот он уже и растаял, готов разделить со мной весь остаток жизни. Но он ведь в первый раз меня видит. А может, в конце концов у меня есть любимый? А может, я злобная стерва и отправлю ему существование? Только он об этом не думает, вернее, не хочет думать. И почему мужчины, встретив привлекательную девушку, сразу раскисают и глупеют?»

— Переведи ему, пожалуйста...— начала было Соня, но Ваату прервал ее:

— Не так. Отвечай нараспев. Таков наш обычай. А я переведу.

Легко сказать, нараспев. Рыкающее гирканское наречие гораздо менее приспособлено для стихосложения, чем музыкальный по своей природе язык этого народа.

— Выслушай меня, юноша по имени Теранои,— начала говорить Соня, стараясь попасть в тант мелодии, которую терпеливо наигрывал неожиданный претендент на ее руку и сердце.— Ты не знаешь меня, и я тебя тоже не знаю. Мне не знаком твой язык, а ты не владеешь моим. Лишь недавно пришла я в вашу долину и пока не решила, останусь здесь или продолжу свой путь...

— Ты хорошо ответила,— сказал Ваату, закончив переводить.— Твои слова в равной мере были и вежливыми и искренними. Именно так подобает отвечать, чтобы не ранить чувства человека, который предложил тебе свою любовь.

Теранои снял пальцы со струн, закинул свой инструмент за спину и ушел в задние ряды зрителей, сразу пропав в ночных тенях. «Да он гордец,— подумала Соня,— а не нажила ли я врага этим отказом? Впрочем, плевать. Сколько их уже было, таких женихов...»

Сватовство затянулось далеко за полночь. Когда оно закончилось, все хором пели какие-то песни, довольно игривые, если судить по мелодии и выражениям лиц исполнителей, по рядам пошли кувшины с каким-то легким вином.

Впервые Соня увидела, как местные жители пьют хмельное — видимо, эта ночь была особенной. Песни, танцы, вино, медовые лепешки... Как это все походило на обычные деревенские посидел-

ки, веселые и немудрящие. Остаться здесь на всю жизнь? Нет уж, Соня вовсе не находила прелести в таких нехитрых развлечениях, да и вообще в такой жизни, размеренной, спокойной, лишенной болезней, печалей и страстей. Может быть, даже счастливой, но, великие боги, такой нестерпимо скучной!

* * *

Наутро Соня снова принялась расспрашивать Ваату:

— Ты говорил, что женихи пришли из соседнего селения, верно?

— Верно.

— А почему так? Разве у вас нет холостых парней?

— Конечно, есть. Но они тоже женятся на девушках из другого селения. Всего в долине пять деревень, и у нас издавна заведен обычай, по которому юноши берут в жены девушек обязательно из другого селения.

— Хм... А если парень вдруг полюбит односельчанку? Ему что, запретят жениться на ней?

Ваату, казалось, растерялся:

— Он... Нет, этого не может быть!

— Почему же? — вкрадчиво спросила Соня. Этот разговор начал забавлять ее. Впервые она видела, что Ваату начинает терять свое неизменное спокойствие.

— Не может быть, и все! — горячился он. — Скажи, может, например, брат захочет жениться на родной сестре?

— Вообще-то нет, хотя бывает всякое, — ответила Соня. — Мир так велик, не то что ваша долина...

— Мне доводилось побывать во внешнем мире, — сухо сказал Ваату. — В молодости я довольно много путешествовал. Я добрался даже до Гипербореи и почти год жил в Халоге. Думаешь, откуда я знаю языки?

— О, Гиперборея — это лишь самый краешек большого мира, — улыбнулась Соня, — но я готова с тобой согласиться: браки между родными братьями и сестрами действительно не в ходу.

— Я рад, что ты не стала противоречить очевидному, — удовлетворенно кивнул Ваату. — У нас же юноши и девушки из одного селения тоже считаются родными братьями и сестрами. Поверь, им просто в голову не может прийти такая дикая мысль, как супружеский союз со столь близкой родней.

— Удивительные обычай можно встретить у других народов, — заметила Соня.

— В этом обычай гораздо больше смысла, чем во многих ваших, — возразил Ваату. — Понимаешь, в небольших селениях почти все жители — родня между собой, они одной крови. Но ведь кровь в жилах новых поколений необходимо перемешивать, постоянно добавляя свежую, иначе наступает вырождение. Мне не раз доводилось бывать в глухих деревушках, где жители слабоумны, а телом — уродливы и хилы. Это потому, что кровь в их родах застоялась без притока свежей. А вслед за вырождением неминуемо приходят болезни и вы-

мирание. Теперь ты понимаешь, зачем нам понадобился такой обычай?

— Кажется, понимаю,— ответила Соня, снова вспомнив тупых рыбаков с обезьяньими лицами и обычаями шакальей стаи, от которых ей пришлось отбиваться всего лишь несколько дней назад.— Ну а все-таки предположим, что невозможное случилось: парень и девушка из одного селения влюбились-таки друг в друга,— снова заговорила она.— Ты же знаешь, что сильная любовь может заглушить доводы рассудка. Что будет, если такое все-таки произойдет? Этот брак будет запрещен? Молодых людей разлучат насильно? Как вы поступите?

— Боюсь, что этим неразумным молодым людям придется покинуть долину,— ответил Ваату.

— Ага, значит, вам все-таки знакомо принуждение?

— Получается, что да,— растерянно ответил Ваату.— Но поверь, это совсем не то, о чем ты подумала. У нас нет ни стражников, ни судей, ни тюрем, вообще ничего подобного тому, что вы напридумывали у себя, в большом мире. Просто им, этой паре, о которой ты говорила, будет не ужиться с соседями. Люди не поймут и отвергнут их, и одиночество их станет беспредельным. Кроме того, старейшины не выделят им участка земли и не дадут дома, которые полагаются каждой молодой семье. Понимаешь, в долине есть определенное число участков возделанной земли и столько же домов. Новый дом можно строить, лишь разрушив старый, если он пришел в негодность. Каждой

семье полагается по одному дому. Это тоже обычай. Смысл его состоит в том, чтобы число жителей оставалось постоянным, иначе долина просто не сможет прокормить их. Поэтому в наших семьях обычно не больше двух детей.

— А если невзначай появится третий ребенок? — поинтересовалась Соня.— Что вы делаете в таком случае? Не убиваете же его?

— Конечно, нет! — возмутился Ваату.— Просто, когда этот ребенок достигнет возраста самостоятельности, ему придется покинуть долину. Разумеется, родители вовсе не желают детям такой судьбы. Иногда даже случается, что во внешний мир уходит отец, реже — мать. Сама понимаешь, что при таких условиях третий ребенок в семье — большая редкость.

— Вы только считаете себя свободными,— подытожила Соня.— А на деле вся ваша жизнь заранее расписана до мелочей. Обычаи указывают вам, где жить, что делать, на ком жениться или за кого выходить замуж, диктуют, сколько детей можно иметь, что употреблять в пищу, как работать и как развлекаться...

— Разумеется,— ответил Ваату.— Но не забывай, что эти обычаи мудры и направлены на наше благо.

— Как же это скучно, всегда думать лишь о благе! — воскликнула Соня.— Вам тут действительно не нужны ни тюремы, ни стражники. Ведь вы сами себя сторожите. Не завидую я вам. Стражника хоть обмануть можно, а себя самого не обманешь. И убежать от себя тоже не удастся.

— Со своей точки зрения ты, может быть, и права,— немного поразмыслив, ответил Ваату.— Но нам такая жизнь по душе. Конечно, ради того чтобы сохранялся порядок, приходится поступаться малой толикой свободы, но это — гораздо меньшее зло, чем беззаконие, которое воцарилось бы в противном случае. Кроме того, вы соблюдаете ваши законы, боясь наказания, мы же не нарушаем свои обычай по доброй воле. Это очень большая разница!

И наконец, последнее, то, о чём ты пока не знаешь. Так слушай же внимательно.

Наша долина — своего рода крепость, которая должна противостоять Тьме. Здесь есть Источник Силы Света, ради которого мы и живем. На нас возложена огромная ответственность, ведь погибни этот источник, и Тьма захлестнет весь мир. Сердца людей наполняются черной злобой, а доброта покинет их души, человек уподобится животному...

— Что это за источник? — поинтересовалась Соня.

— Завтра я отведу тебя к его хранительнице,— пообещал Ваату.

«Ну вот, кажется, наконец обнаружился след той силы, которая ответственна за все, что происходит в этой удивительной и странной долине», — подумала Соня.

— Сегодня ляг спать пораньше и постарайся хорошенько выпасть,— посоветовал Ваату.— Посещение Источника — нелегкое испытание для человека. Особенно, если это происходит впервые.

* * *

Они поднимались по тропе: Ваату впереди, а Соня за ним. Выйдя в путь сразу после завтрака, во время которого Наиро была очень предупредительна с Соней и, казалось, сочувствовала ей, они направились по едва заметной тропинке на север и ближе к полудню достигли предгорий, ограничивающих долину. Вскоре хвойный лес остался позади и начались просторные луга. Впереди виднелись высокие, островерхие, покрытые голубоватыми снегами горные вершины, в траве по обеим сторонам тропинки белели небольшие цветы с хрупкими венчиками из пяти лепестков. Как называются эти цветы, Соня не знала, она никогда таких прежде не видела. Нагнувшись на ходу, она сорвала один, понюхала — запах оказался горьковатым и терпким.

Время от времени Соня оглядывалась назад. Теперь, когда они поднялись выше уровня лесов, можно было окинуть взглядом всю долину сразу. Она представляла собой неглубокую котловину, окруженную зубчатым кольцом высоких и крутых гор, которое разрывалось лишь на юге, и только там солнечные лучи могли беспрепятственно проникать сюда и согревать почву. Да, это было поистине благодатное место! Чистейший горный воздух позволял разглядеть все до мелочей: синевато-зеленый лес в нижней части долины, рассекающую его реку — весело бурлящую и скачущую по камням, которые усеяли ее ложе. А живописные домики местных жителей казались такими же естественными, как трава и цветы. Маленькие на

таком расстоянии, они выглядели совсем как игрушечные: белые стены, островерхие крыши из красновато-коричневой черепицы, узкие окна и трубы, из которых подымался легкий дымок. За домами виднелись возделанные поля, копны сена, стада овец, щиплющих молодую траву... Сказочный уголок, да и только!

Однако, хорошо зная свой характер, Соня понимала, что спокойная и размеренная жизнь, которую ведут обитатели долины, наскучит ей уже через пару лун. Конечно, имей она менее беспокойный нрав, она, может, и не устояла бы перед искушением остаться здесь навсегда. Но в ее душе слишком сильна была тяга к приключениям и опасностям. Отказаться от бешеной скачки на степном коне, от свиста стрелы, бьющей точно в цель, променять все это на домашнее хозяйство и уход за козами? Ну уж нет! Впрочем, возле этого Источника — как там называл его Ваату, Источник Силы Света, кажется? — она, может, и переступает. Кто знает, какие удивительные зрелища, обряды и тайны ожидают ее в конце пути?

— Ну вот мы и пришли, — сказал, оборачиваясь, Ваату и указал рукой на вход в пещеру, которая узкой вертикальной щелью темнела посреди склона, местами каменистого, а местами поросшего травой и цветами.

— Как мне обращаться к Хранительнице? — спросила Соня.

— Это не важно, — ответил Ваату. — Слова не имеют для нее значения, коль скоро Хранительница способна читать в душах людей.

— Ты будешь переводить или Хранительница понимает по-тиркански? — задала Соня следующий вопрос.

Ваату лукаво усмехнулся:

— Нет, гирканский язык она не изучала. Но и переводить мне не придется. Ты не очень-то внимательна: я ведь уже сказал, что слова не имеют для Хранительницы значения.

— Не понимаю я тебя, — нахмурилась Соня.

— Не волнуйся, скоро ты все поймешь, — сказал Ваату. — А сейчас я удаюсь, чтобы не мешать тебе и Хранительнице общаться.

С этими словами он развернулся и пошел по тропе обратно в долину. «Не очень-то это вежливо с его стороны», — подумалось Соне. Проводив горца взглядом, девушка снова посмотрела на вход в пещеру. Он вовсе не был черным, как ей показалось вначале. Едва заметный теплый свет пробивался из глубины горы, бросая розовато-серые отблески на неровности каменных стен. Соня подошла ближе и вдруг заметила хрупкую фигуру, неподвижно стоявшую в полутизне, неподалеку от входа.

— Приветствую тебя, Хранительница Источника Силы Света, — сказала Соня и сама поразилась, насколько напыщенно и даже неуместно прозвучал в тишине ее голос.

Почему-то казалось, что в этом месте надо либо разговаривать шепотом, либо вовсе молчать. Хранительница сделала легкое движение, которое каким-то непостижимым образом выразило и ответное приветствие, и радость по поводу встречи, и

уважение к гостью. А ведь это было всего одно движение! По мере того как глаза привыкали к полумраку, Соня могла все лучше и лучше разглядеть свою таинственную собеседницу — впрочем, собеседницу ли? Ведь пока Соня не слышала ее голоса! И от этого лишь возникали новые вопросы. Кто она? Женщина в расцвете лет? Стариуха? Или, может быть, девочка? Ей с равным успехом можно было дать и десять лет, и сто. Казалось, это стройное, хрупкое создание не имеет плоти, а значит, и возраста у нее нет. Соня видела белую, точно алебастр, кожу лица, такие же белые волосы, огромные, чуть скошенные к вискам, черные, как ночь, глаза. На Хранительнице был просторный балахон из серовато-белой козьей шерсти, длиной до пят, перехваченный на талии узким поясом-шнурком.

Хранительница слегка наклонила голову, бросила на Соню пытливый взгляд. Это означало: «Я слушаю тебя».

— Я пришла, чтобы узнать... — начала Соня и не договорила.

Хранительница кивнула, глаза ее выразили понимание и участие. Затем последовал приглашающий жест, вне всякого сомнения означающий: «Пойдем, я покажу тебе». Девушка сделала шаг в глубь пещеры и вдруг испытала ощущение, в чем-то подобное тому, которое ей уже довелось испытать несколькими днями раньше, когда она впервые пыталась пройти через ущелье — Врата, ведущие в долину. Снова воздух сгущался перед ней, становился тягучим и упругим, но сейчас он уже

не мешал Соне идти, таинственная сила лишь давала почувствовать свою мощь.

Хранительница едва заметно улыбнулась: «Не бойся, это не страшно. Не бойся». Потом она снова поманила гостью: «Идем со мной», — и повела Соню за собой. Оказалось, что никакого светильника там, внутри, нет. Золотистое сияние, подобное светящемуся туману, распространялось прямо в воздухе, пульсирующими волнами вытекая из глубины пещеры, и устремлялось к выходу. Можно было подумать, что его несут порывы ветра, но никакого ветра не ощущалось, воздух был совершенно неподвижным. Снаружи ничего этого не было видно, скорее всего, потому, что яркие солнечные лучи приглушали этот таинственный свет. Рука Хранительницы сделала горделивый и величественный жест: «Вот, смотри!»

— Это и есть Источник? — едва слышно прошептала Соня. — Но я думала, что Источник — это ручей, вода...

В ответ Хранительница слегка приподняла брови, понимающе улыбнулась и слабо шевельнула рукой: «Вода? Почему? Ты привыкла, что источники несут воду? Но это же — Источник Силы!»

Точно во сне, Соня видела, как Хранительница торжественно разводит руки в стороны, широкие рукава белого одеяния взлетают, будто крылья, а затем узкие ладони с длинными пальцами одаривающим жестом протягиваются к ней: «Все это — Сила. Бери ее. Сколько сможешь». Соня уже не видела ни стен, ни свода пещеры, она словно растворялась в волнах золотистого тумана, ощу-

тимо тяжелых, но почему-то пронизывающих ее насквозь, как свет пронизывает воду или стекло. «Великий Митра!» — испуганно подумала она, и золотисто-малиновая вспышка пронзила ее мозг. Перед ее внутренним взором возникла гигантская фигура. Казалось, человек рядом с ней будет выглядеть не больше муравья. Миг — и фигура исчезла. «О, боги!» Белесая вспышка — Сет, темно-коричневая, с грозным синим отливом — Нергал, зеленая, точно молодая трава — Иштар, золотисто-малиновая — снова Митра. А чуть дальше за ними, плотной группой, стаей — то ли люди, то ли животные, странные, сказочные существа. Соня чувствовала, а откуда, она и сама не понимала, что это не боги, а лишь посланцы богов: Слон, гневно воздевший хобот, гигантская Белая Волчица, Змея, пляшущая на кончике хвоста и гневно раздувающая капюшон, Кобылица, бьющая копытом, Белый Медведь, Буревестник, Лисица, желто-глазая Рысь — старая знакомая Сони... Миг, другой — и видение исчезло, смытое волнами золотого сияния. «Мама! — совсем уже по-детски позвала Соня и увидела далекую искорку, огонек лампады, звездочку, лучающуюся теплом, любовью и состраданием. — Я вижу душу матери там, на Серых Равнинах!» — поняла она. Это видение тоже продолжалось лишь в течение нескольких ударов сердца, сменившись золотистым светом, который мерно разгорался и угасал, разгорался и угасал... Но Соня понемногу уже начинала осваиваться в этом сверхъестественном, невозможном, сводящем с ума мире.

Соня начала ощущать головную боль, которая мало-помалу нарастала, становясь почти нестерпимой. Затем в ушах зазвенело, точно огромный гудящий колокол бил в такт мерцающему золотому сиянию: вспышка — удар, вспышка — удар, вспышка — удар... Некоторое время Соня боролась с дурнотой, но вскоре ей пришлоось опуститься на каменный пол: ноги не держали. Облизнув пересохшие и ставшие шершавыми губы, она прошептала: «Хранительница... — а затем позвала громче: — Хранительница!»

Едва не теряя сознание, Соня смутно видела, как белая фигура, призрачная в волнах света, наклоняется над ней, вглядывается в глаза.

Внимательно поглядев на девушку, Хранительница Источника свела брови, лицо ее стало озабоченным, затем последовал резкий жест, будто рука отталкивала что-то невидимое: «Хватит. Иначе это повредит тебе».

Когда Соня вышла из пещеры, то оказалось, что снаружи стоит глубокая ночь. «Сколько же я пробыла там?» — удивилась девушка. Отойдя от входа шагов на десять, она в изнеможении опустилась на мокрую от росы траву. Голова все еще кружилась, но тошнота и боль отступили. Она чувствовала, что Сила Света до сих пор пронизывает ее тело, ходит внутри волнами, тяжелая и серебристая, точно ртуть. Соня ясно ощущала, что чем бы ни была эта сила, она не имела ничего общего с силами, присущими человеку. Ее нельзя использовать, она не добавляла ясности ума или здоровья. Скорее, наоборот, Сила подчиняла чело-

века себе, гудя и пузырясь в крови, точно крепкое вино. А может, ко всему этому просто надо привыкнуть? Соня не знала этого. И, пожалуй, вовсе не стремилась узнать.

* * *

— Меня нельзя даже близко подпускать к вашему Источнику,— заявила Соня Ваату.

Вернувшись под утро в селение, она отказалась от еды, лишь выпила пару глотков, с трудом добралась до постели, рухнула на нее и сразу же заснула.

Проспала она больше суток и проснулась бодрой, хорошо отдохнувшей и ужасно голодной. Наири, судя по всему, предвидела, что у гостьи разыграется аппетит: у нее наготове было огромное блюдо жареной рыбы, политой каким-то кислым и острым соусом.

— Ешь,— сказал Ваату.— Ешь на здоровье. Пребывание возле Источника отнимает у неопытного человека много сил, и теперь тебе просто необходимо восстановить их.

Соня не заставила себя упрашивать и отдала должное стряпне хозяйки дома. Что и говорить, Наири была превосходной поварихой. Вот во время этой трапезы Соня и сказала, что подпускать ее к Источнику нельзя.

— Я слишком азартна,— пояснила она.— Теперь-то я понимаю, какая огромная и опасная мощь заключена в этом источнике. Ведь с его помощью можно влиять на умы всех людей, какие только живут на земле, верно?

— Отчасти ты права,— кивнул Ваату.— Хотя как раз живые почти не восприимчивы к этому влиянию: они слишком подвержены гневу и страху. Гораздо более сильно воздействие Источника на тех, кто уже не живет. Или еще не жил.

— Кажется, я понимаю,— отозвалась Соня.

— Это еще не понимание. Это лишь предчувствие понимания, не более того. Чтобы действительно понять силу Источника и влияние его на мир, недостаточно погрузиться в него лишь один раз. Даже несколько десятков раз может оказаться мало для этого. Впрочем, у тебя есть все необходимые задатки: уже во время первого погружения ты смогла продержаться с полудня до глубокой ночи. Это довольно необычно, я бы даже сказал, просто удивительно.

— А мне казалось, что я пробыла там совсем недолго,— сказала девушка.— Время протекло совершенно незаметно, и когда, выйдя обратно, я увидела ночное небо и звезды на нем, то была поражена.

— О да,— согласился Ваату,— возле Источника время течет совершенно иначе, чем в других, удаленных от него местах. Причем для разных людей по-разному. Для тебя бег времени замедлился, и это — тоже хороший признак, который указывает на то, что Источник готов принять тебя. Пожалуй, ты достаточно сильна и могла бы помочь Хранительнице, а со временем даже сменить ее.

— Но я не хочу! — Эти слова сами собой сорвались с Сониных губ.

Ваату немного помолчал, внимательно глядываясь в ее лицо.

— Что ж, ты вольна выбирать,— сказал он наконец.— Хотя, признаюсь, мне жаль, что ты отказываешься.

— Ваату, а сколько Хранительница лет, скажи мне? — попросила Соня.

— Сколько ей лет? Не знаю,— пожал плечами горец.— Пожалуй, немало, но если судить по времени Источника, то может оказаться, что она по-просту не имеет возраста, отречившись от него, как и от многоного другого.

— Тогда получается, что Хранительница бессмертна?

— Я этого не говорил. Понимаешь ли, для нас прожитое сегодня превращается во вчера, а для нее больше не существует ни вчера, ни сегодня, ни завтра. Для Хранительницы, находящейся возле Источника, есть лишь всеобъемлющее сейчас, которое включает в себя и вчера, и сегодня, и завтра — многие и многие годы жизни. Тогда как для нас, ты знаешь, сейчас — это лишь тонкая прослойка между прошлым и будущим.

— Не понимаю я всего этого,— грустно проговорила Соня.— Так значит, Хранительница все же не бессмертна?

— Айэмон ерим, бизлар морим. Ниэвон ерим — тааду силлорим,— сказал Ваату, и Наир, перемыкаящая посуду возле печки, звонко рассмеялась.— Это наша поговорка,— пояснил Ваату.— Перевести ее можно, пожалуй, так: «Птичка все поет о червячках, ведь они такие вкусные!»

Шутник!

Соня растерялась, почувствовала, что краснеет, и от этого растерялась еще больше. Рыжеволосые люди, как правило, имеют очень белую, нежную кожу, и если уж краска бросается в лицо, то оно становится почти малиновым.

— Вижу, что этот вопрос, о бессмертии, очень волнует тебя,— мягко сказал Ваату.— Но тут уж я вынужден тебя огорчить: Хранительница Источника все же не бессмертна. Рано или поздно ее «сейчас» заканчивается... Но, пожалуй, хватит рассуждать об этом. А теперь позволь спросить, что ты собираешься делать дальше?

— Пожалуй, я покину вашу долину,— немногол подумав, ответила Соня.— Отправлюсь обратно, в большой мир.

— Я почему-то так и думал,— улыбнулся Ваату.— Что ж, пожелаю, чтобы путь твой был легким и приятным. Когда доберешься до берега моря, тебе лучше всего будет повернуть направо и пойти вдоль побережья к северо-востоку. Впрочем, у тебя, судя по всему, будет провожатый, он и покажет дорогу.

— Провожатый? Кто же это? — спросила Соня.

— Его зовут Теранои. Если ты помнишь, это тот самый молодой человек, что пытался посвататься к тебе.

— Тогда передайте ему, что все это зря,— сказала Соня.— Он, по-видимому, хороший парень, но дело в том, что замуж я пока не собираюсь. Ведь он намерен сопровождать меня, чтобы попытаться завоевать мою любовь?

— Возможно, отчасти это так,— ответил Ваату.— Но есть и еще одна причина, притом немаловажная. Теранои не сидится на месте, а потому жизнь в долине кажется ему слишком однообразной. Когда-то давно, в годы молодости, я сам был таким же и тоже покинул долину. Но, пожив несколько лет среди людей большого мира, счел за благо вернуться.

— А как же тот ваш обычай с домами и семьями, которых не должно быть больше, чем есть сейчас? — спросила Соня.— Ведь по возвращении свободное место могло оказаться уже занятым?

— Возможно, так и случилось бы, если бы не Наиро, — ответил Ваату.— Она верила в мое возвращение и ждала. Четыре года подряд она отказывалась посещать церемонии сватовства, хоть родня и подруги уговаривали ее. Ей говорили, что я ушел навсегда, но она верила, что я вернусь.

Тут Ваату сказал несколько слов своей жене. По-видимому, это было что-то очень приятное, так как лицо ее озарила счастливая и нежная улыбка.

— Как видишь, и наша жизнь бывает иногда не такой уж скучной, — сказал Ваату Соне.

* * *

— Ну что, пойдем, женишок? — весело спросила Соня.— Или у тебя поджилки трясутся?

По озабоченному выражению лица Теранои можно было подумать, что тому действительно не по себе. Они стояли возле спуска в ущелье-Врата. На Теранои и Соне были свободные теплые одеяния из мягкого сукна, какие обычно носят гор-

цы. Такая одежда не мешает, когда приходится карабкаться по скалам, хорошо защищает от холода и ветра, но в ней не бывает жарко, как в кожаных или спищих из шкур с мехом одеяниях. На Теранои были шаровары, подхваченные широким кожаным поясом, и куртка с капюшоном, на ногах — сапожки с мягкими подошвами и невысокими голенищами. Сонина одежда, которую подарила ей Наиро, была почти такой же по покрою, но отделана гораздо более красочно: сукно было отбелено, и его покрывала разноцветная вышивка, дополненная лоскутками яркой материи — цветы, птицы и зеленые ветви сплетались в сложном узоре. За плечами у путников висели дорожные мешки с запасом сухих лепешек, меда, копченой рыбы — жители деревни щедро снарядили их в дорогу.

Путников провожали Ваату, Наиро и еще несколько человек из деревни, по-видимому, друзья Теранои. Ни одной девушки среди них не было: то ли не было у молодого человека воздыхательницы, а может, если такая и нашлась бы, то она не пришла, обиженная его сватовством к чужеземке.

— Прощайте, и спасибо вам за все. — Соня поклонилась тем, кто пришел их проводить.

— Оэ, миндауон! — громко сказал Теранои, и односельчане дружно откликнулись:

— Оэ!

— Счастливого вам пути, — добавил Ваату.

— Спасибо, — ответила Соня и, не оборачиваясь больше, вошла во Врата.

Честно говоря, она терпеть не могла долгих расставаний. Девушка принялась спускаться по узкому, полутемному ущелью, снова дивясь тому, насколько ровны его стены и дно. Шаги Теранои слышались неподалеку за спиной. Надо отдать ему должное, горец шел так, как двигаются опытные ходоки: поступь его была легкой, и если бы не хрустящий под ногами гравий, то она, пожалуй, была бы совсем не слышна.

Первое, что сделала Соня, выйдя из ущелья, это подобрала шкатулку Акиваси, так и валявшуюся в траве. Коробочка как коробочка, внутри выложена бархатом, когда-то, видимо, черным, но теперь порыжевшим от времени — в таких шкатулках модницы держат серьги и перстни. Если раньше в ней и были заключены магические силы, то теперь все это ушло, как вода уходит в сухой песок.

Из-под щебня в пещере Соня вытащила меч и пояс с деньгами. Как первое, так и второе немало удивило ее спутника. Вначале Теранои долго рассматривал монеты: профили королей, лики богов, надписи на обороте... Время от времени он вопросительно поглядывал на Соню.

— Деньги это, понимаешь? Деньги, — пыталась объяснить девушка. — Хотя что ты можешь понять в этом, дикарь горный? Беда мне с тобой. Приведу в Султанапур такого ягненка, мгновенно ведь освежают...

Теранои тем временем заинтересовался мечом. Он примерял его к руке, разок-другой попробовал стукнуть по сухому пню, точно топором, за-

тем снял с пояса маленький нож и сложными жестами попытался втолковать что-то Соне.

— Ты спрашиваешь, зачем такой большой? — догадалась девушка. — Это меч. Запомни: меч.

— Миэтч, — послушно повторил горец.

— Смотри!

Для начала Соня показала защиту, называемую «мельницей», при которой лезвие, сверкая и свистя, выписывает в воздухе грозные круги. Попутно она снесла с ближайшего дерева несколько нижних ветвей: «мельница» одинаково хорошо годится как для глухой обороны, так и для перехода в нападение. Потом девушка сделала вид, что нападает на Теранои, остановившись, однако, когда до того оставалась пара шагов: кто знает, что сделает этот наивный младенец, если вдруг испугается? Может ведь и под лезвие попасть ненароком. Теранои, впрочем, стоял неподвижно, только глаза немного прищурил.

— Миэтч, — сказал он снова. — Оружие?

— Ага, кое-что ты все-таки знаешь! — обрадовалась Соня. — Это уже легче, а то ведь надо тебя языку да и другому чему подучить, пока доберемся до населенных мест. Не брошу же я тебя там такого наивного, да еще и языка не знающего...

Они шли: день за днем, переход за переходом. Миновали нижнюю долину, затем преодолели Перевал Судьбы: там дул ветер, мела поземка, от одного взгляда на темно-синее, холодное небо пробирала дрожь, но никаких грозовых туч на этот раз не было. Что ж, и на том спасибо. Спускаясь с перевала, Теранои выбрал путь, лежавший го-

раздо правее, чем тот, по которому шла Соня, и они оставили пещеры хейворков далеко в стороне и вышли к морю там, где его берег начинал поворачивать на запад. Дорогой девушка разъясняла своему спутнику значение все новых и новых слов. Память у Теранои оказалась на удивление хорошей, так что, когда спустя две седмицы они достигли степей, прилегающих к западному берегу моря Вилайет, Теранои уже мог вполне вразумительно изъясняться на ломаном туранском.

Однажды утром, когда они, следуя изгибу морского берега, повернули на юг, к границе Турана, далеко в степи показались силуэты троих всадников. Это было весьма опасно: местные кочевники очень не любили слова «чужое», предпочитая ему «мое». Три всадника — это не так уж и много, вдвоем можно было бы попробовать отбиться, но на двоих у них был всего один меч и, что куда хуже, на Теранои в этой схватке рассчитывать не приходилось вовсе. Этот глупый сын глупого племени был воспитан так, что даже прихлопнув комара, терзался бы потом угрозениями совести. Соня прикинула, можно ли будет свалить одного-двух всадников метательными ножами, и решила: вряд ли. Гирканские кочевники — прекрасные воины. Мало того, что они, как правило, с головы до ног закованы в броню, они еще и обучены отбивать на лету не только копья и метательные ножи, но даже быстро летящие стрелы.

Бежать и пытаться не стоило, все равно пешему от конного не оторваться.

— Стой! Эй, стой! — заорали гирканцы, подскакав поближе.

— Приготовься, — вполголоса сказала Соня своему спутнику, — это враги.

— Враги? — переспросил Теранои. — Зачем? Мы их не обижать.

— Зато они нас сейчас обижать, — зло ответила девушка, берясь за рукоять меча.

«Зря, все зря, не отбиться нам», — крутилась в мозгу мысль.

— Обижать нас? Нет! — сказал Теранои. — Нельзя!

Соня хотела ответить что-нибудь язвительное, но, во-первых, этот теленок ничего не понял бы — он и слов-то таких еще не учил, а во-вторых, для разговора уже попросту не осталось времени: всадники подскакали почти вплотную.

— Приветствую вас! — звонко воскликнул Теранои по-турански.

— Ты что, туранец, что ли? — спросил разбойник, скакавший посередине.

Похоже, он был вожаком: кольчуга на нем была побогаче, чем на остальных двух, а вместо обычного для местных кочевников шишака на голове его красовался шлем с гребнем и боковыми пластинами, защищающими от удара лицо. Интересно, где он его достал? Не иначе, как снял с какого-нибудь проезжего аквилонца: там такие шлемы в большом ходу. И конь у предводителя тоже был хороший: длинноногий, поджарый, песочной масти. Остальные две лошади были попроще, хотя тоже неплохие.

— Эй ты, стервячий корм,— сказал вожак, перейдя на турецкий,— снимай сумку, выкидывай все из карманов и из пояса и беги отсюда во весь дух. А девчонку оставь нам, она не для таких, как ты. Она для нас — степных волков! — И вожак захохотал, звеня кольчугой.

— Дурные времена настали,— подал голос другой. Этот говорил по-гиркански.— Мужик безоружный, а баба его таскает меч на пояс!

— Что с него взять? Придурок,— ответил гла-варь, отсмеявшись.— А девчонка поухватистей будет. Эй, оторва рыжая, иди сюда, приголублю!

С этими словами он тронул коня, чтобы смять им путников.

Но Теранои вдруг уперся ногами покрепче в землю и, подсев, толкнул скакуна обеими руками. Не ударил, а просто толкнул, но конь от этого толчка взлетел на воздух, забив всеми четырьмя копытами, и вместе со своим седоком рухнул на всадника, державшегося сзади. Прием был совершенно не бойцовский, но до чего же действенный! Однажды Соне уже довелось видеть такое: это когда старичок там, в долине, выкидывал со своего поля валун.

Третий всадник смотрел, как два его приятеля баражтаются на земле, придавленные бьющимися в испуге лошадьми. От изумления он разинул рот и позабыл обо всем на свете. Вот тут-то и пригодился Сонин метательный нож. Свистнув в воздухе, он вонзился в шею гирканца сбоку, и струя крови из рассеченной артерии брызнула вверх локтя на два! Прежде чем разбойник выва-

лился из седла, Соня успела подбежать к лошади и ухватить ее за повод.

— Держи!

Она сунула повод в руки Теранои, выхватила меч и, целя в известную ей точку на затылке, два раза ударила рукоятью остальных разбойников. Затем она поспешила успокоить коней, пока они еще не искалечили друг друга в этой свалке.

— Ну вот, теперь нам будет на чем доехать...— радостно начала говорить девушка, но глянула в лицо Теранои и сразу осеклась.— Эй, ты чего? — тревожно спросила она.— Тебя ранили, что ли? Куда, показывай скорее! Кровью ведь истечешь!

Но боль, отразившаяся на лице горца, как оказалось, была вызвана вовсе не раной.

— Ты их... Так нельзя...— сдавленным голосом сказал он и повторил: — Нельзя так!

— Ничего, привыкай,— ответила Соня.— Или уж возвращайся в свою распрекрасную долину. Заладил, как попугай: нельзя, нельзя... Можно и нужно, понял? Здесь иначе нельзя! — Она хлопнула его по плечу.— А здорово ты толкнул этого, что ехал впереди! Рассказать кому, так ведь не поверят.

— Он хотеть обидеть тебя,— все еще печально отозвался Теранои.

— Верно,— весело сказала Соня,— меня обидеть, а тебя ограбить и, скорее всего, убить. Этот, здоровый, обещал, что отпустит, только вряд ли ему можно было верить. Ударил бы в спину — и все дела. А ты, похоже, начинаешь потихоньку разбираться в здешней жизни. Вот что, помоги-ка

теперь мне стащить с этих верзил кольчуги. И меч себе подбери подходящий. Впрочем, я сама подбери, ты в этом разбираешься не лучше, чем глухой в музыке. О, да у этого, которого ты толкнул, и лук есть! Здорово! Правда, великоват малость, ну да ничего...

— Мы ограбить их? — растерянно спросил Теранои.

— Ага, — рассмеялась Соня. — Не они нас, так мы их. Мы-то их хоть убивать не станем. Эти двое, которых я по головам била, к вечеру должны очухаться, пусть тогда идут себе на все четыре стороны. Держи: вот этот меч неплох — настоящий вендийский с прямым лезвием и обоюдоострой заточкой. Обязательно надо будет научить тебя управляться с ним. Нет, все-таки здорово ты его толкнул!

— Это — Сила Источника, — наконец-то улыбнулся Теранои. — Я боялся, она здесь не действовать, но она действовать.

— Вот уж спасибо ей...

* * *

— Хей, рыжая девчонка! А мы ведь тебя оплакивали!

Папаша Шаки покинул свое возвышение в глубине зала и, расталкивая постояльцев, если те не успевали вовремя убраться с пути этого гиганта, двинулся навстречу гостье. Это было как если бы король покинул свой трон!

— Говорили, что корабль, на котором ты отправилась в путь, пропал без вести, — гудел папа-

ша Шаки, легко перекрывая своим басом много-голосый шум, стоявший в зале. — Мамаша Илина даже уронила по тебе слезу, и не одну притом. А ты, гляди-ка, живая-здоровая, да еще и принарядилась: одета, что твоя горянка на праздник равноденствия, или как там это у них называется. Послушай, а что все-таки случилось со «Скороходом», тем кораблем? Знавал я его капитана.

— Корабль пошел на дно со всей командой, — ответила девушка. — Я одна спаслась.

— Ну-ну! Тебя, как всегда, не берут ни вода, ни огонь, ни веревка. А как произошло крушение?

— Мы попали в шторм, — пояснила Соня, — мачта упала, а потом нас перевернуло. К счастью, берег был недалеко, я сумела доплыть до него.

— Да, старый скряга Шикшим вечно жалел денег на оснастку. Предпочитал рискнуть и выйти в море с подгнившей мачтой, лишь бы не раскочелился на новую. Вот и доигрался в конце концов... Слушай, а этот горец, он что, с тобой? Симпатичный парень. Хе, притащила с собой горца, сама вырядилась, как горянка... На свадьбу-то пригласишь? Ну, не злись, не злись, я же шучу. Но кто же все-таки этот парень, а?

— Его зовут Теранои, — ответила Соня. — Эй, Теранои, перед тобой — папаша Шаки, хозяин этого заведения и мой давний друг.

— Приветствую тебя, па-па-ша-ша-ки, — ответил горец, запинаясь на трудном, незнакомом ему имени.

— И я приветствую гостя, заглянувшего ко мне, — пророкотал папаша Шаки.

— Приюти его на несколько дней, пожалуйста,— попросила Соня.

— О чём разговор, золотце мое рыжеволосое? Эй, кто там... Мышонок, ну-ка, поди сюда! Усади этого парня где-нибудь в уголке да накорми хорошенько. А потом, как поест, найдешь ему свободную постель. Пусть высится, он, верно, устал с дороги. Это мой гость, а не просто постоялец, ты понял? Веди себя с ним соответственно.

Маленький шустрый подросток-слуга молчакивнул и, поманив за собой горца, отправился выполнять поручение. Папаша Шаки снова обернулся к Соне.

— Ну а тебя обязательно должна накормить обедом мамаша Илина. Она мне никогда не простит, если я тебя к ней не отведу, утопленница ты наша.

— Пока не утопленница, хоть, правду сказать, чуть было ею не стала! — рассмеялась Соня.

На редкость приятное чувство охватило её: то чувство, которое испытывает путник, вернувшийся после долгих скитаний в знакомые места и к испытанным друзьям. Никто, разумеется, не станет спорить с тем, что в большом мире много зла. Но, если подумать, то и добра в нем никак не меньше.

...Рассказ длился долго, и все слушали Соню, открыв рот и не перебивая. Мамаша Илина, шустрая жизнерадостная толстушка, то и дело ахала, подпирала ладонями круглые румяные щеки, поминала Изиду и Митру. Папаша Шаки одобрительно бурчал, взял меч, изготовленный древни-

ми хейворками, долго рассматривал его, щелкал по лезвию ногтем, слушал звук.

— Знатное оружие,— заключил он наконец.— Сейчас такое уже разучились делать. Эх, будь я малость помоложе, снарядил бы корабль и вывез сюда всю ту оружейную. А там ведь, в пещерах этих, и не только бронза может найтись, как думаешь? У хейворков, раз они раньше такие умельые были, и золотишко, и камушки самоцветные наверняка водились, так ведь?

— Сиди уж! — неожиданно резким голосом воопила мамаша Илина.— Хватит, натаскался по морю! Чего тебе не хватает-то, скажи на милость? Ешь ведь досыта, спиши вволю, нет, потащишься на край света, смерти искать!

— Ну затрубила,— беззлобно отрызнулся папаша Шаки.— Я ведь не говорил, что поеду. От добра добра не ищут, а живется мне и на самом деле не худо.

— Вот и я про то говорю! — не сбавляла тона мамаша Илина.— Поглядела бы я, как ты по подземельям этим от великанов тамошних улепетываешь, с твоим-то брюхом!

— Если уж что и способно выгнать меня из дома,— задумчиво продолжал папаша Шаки, при этом хитро поглядывая на Соню,— так это женские свары и дрязги...

Мамаша Илина тут же осеклась.

— Ты ешь, ешь давай,— принялась она потчевать Соню.— А вот, попробуй фаршированного каплуна, запеченного в собственном соку. Знаешь, как я его делаю? Беру дюжину яиц, варю их вкру-

тую, затем фарширую яйца грибами. После этого беру трех карпов, полежавших в уксусе, вынимаю из них все косточки, и уж этих карпов фарширую яйцами. Затем вкладываю карпов в тушку жирного каплуга, зашиваю разрез шнурком, чтобы сало не вытапливалось, и ставлю в печь. Сама понимаешь, все это пересыпается душистыми травами. Давай отрежу кусочек, а? Петрушкой сверху посыпь, так оно еще вкуснее будет.

Фаршированный каплун и правда был восхитителен, как, впрочем, и все остальные блюда на столе мамаши Илины: устрицы с горчицей, поджаренная на вертеле барапина, густая, остро пахнущая похлебка с плавающими по поверхности пятнышками золотистого жира, соленые овощи, орешки, уваренные в виноградом соку, сладкие варенья, цукаты... Стояли на столе и несколько кувшинов с винами — лучшими из тех, что хранились в погребке папаши Шаки.

Время от времени пробуя то или иное блюдо, Соня продолжала рассказ: о чудовищных грозах Переяла Судьбы, о таинственных Вратах, об Источнике и его могучей Силе, об удивительном народе, живущем возле Источника и ради Источника...

— Так этот горец, которого ты притащила с собой, он что, из того самого народа? — спросил папаша Шаки.

— Верно, — кивнула Соня. — И я хотела бы поговорить о нем с тобой.

— Что еще за горец? — поинтересовалась мамаша Илина.

— Его зовут Теранои, — принялась объяснять Соня. — Он посчитал, что жизнь в долине скучновата, вот и увязался за мной, чтобы выбраться в большой мир. Только он совершенный дикарь, ничего здесь не знает. Ему надо помочь, а то пропадет.

— О чём разговор, солнышко мое? — откликнулся папаша Шаки. — Хочешь, я предложу ему место на кухне?

— Попробуй, — ответила Соня, — только вряд ли он согласится. Понимаешь, прежде, чем прийти к тебе, я немного поводила его по Султанапуре, показала храмы, городской сад с фонтанами, квартал знати, базар — в общем, все, что обычно показывают чужеземцам. А когда мы пришли в порт, то он стал точно мальчишка какой-нибудь. В бухту как раз входил большой четырехмачтовый галеон, так этот горец уцепился за поручни на пристани и стоял неподвижно, пока корабль не причалил. И лицо у него при этом было такое, понимаешь...

— Понимаю, — улыбнулся папаша Шаки. — Я и сам, бывает, приду в порт, так сердце и защемит, хочется снова выйти в море, как когда-то... Да успокойся ты, мамаша, — сказал он Илине, видя, что та возмущенно округлила глаза и уже открыла рот, собираясь хорошенько отчитать его. — Это так, настроения, никуда я не собираюсь плыть. Не те уж мои годы... Да, а у этого парня, как видно, тоже душа моряка. Хочешь, я определю его на какой-нибудь корабль?

— К этому и веду, — ответила Соня. — Парень он ловкий, к морскому делу должен быстро приспособиться.

— Только вот не укачивает ли его? Я знаю не так уж мало людей, которые из-за морской болезни вынуждены были отказаться от ремесла моряка.

— Это вряд ли,— подумав, сказала Соня.— Мы от гирканской границы семь дней добирались сюда верхом. Он с непривычки уставал поначалу, но чтоб укачался... Нет, этого я не заметила. Только устрой парня на какого-нибудь честного «купца». Темные делишки — не для него.

— Я и сам никогда не имел дела ни с пиратами, ни с работорговцами,— гордо выпрямился папаша Шаки.— Ну, разве пару раз, когда совсем уж тут приходилось. Ладно, через седмицу или чуть позже отсюда в Акит пойдет карака. Капитаном на ней мой хороший знакомый, Вансу, по прозвищу Кот. Он наполовину турец, а наполовину хитаец. И честный человек, что довольно странно при таких предках. Вот к нему-то я и устрою твоего парня.

— Не удивлюсь, если окажется, что ты знаком со всеми капитанами, что плавают по морю Вилайет! — восхитилась Соня.

— Ну, не со всеми, разумеется,— ответил старый моряк, донельзя довольный похвалой,— однако знаком со многими, это уж точно. Ну ты, впрочем, меня перещеголяла: с самой принцессой Акивашей дружбу завела!

— Это уж действительно! — поддержала мужа мамаша Илина.— Ведь легенду про эту принцессу любой малец знает, а ты вот с ней с живой встретилась. Кто другой расскажи такое, я бы еще не поверила... Так ей, говоришь, наскучило жить

за эти тысячи лет, ключ искала, чтобы ход на Серые Равнины открыть? Великий Митра, о каких только чудесах не услышишь!

Соня положила на стол маленькую темную шкатулку.

— Вот здесь этот ключ и лежал,— сказала она.

Мамаша Илина осторожно взяла шкатулку в руки и принялась рассматривать со всех сторон.

— Надо же, а на вид — обычная коробочка, и ничего в ней волшебного.

— Теперь-то так оно и есть,— кивнула Соня.— Можешь положить в нее серьги, или перстень, или небольшое ожерелье. Я не шучу, возьми ее себе.

— Да ты что, ведь это память такая, как можно? — запротестовала мамаша Илина.

— Вот и возьми на память,— серьезно сказала девушка.— А мне она совершенно ни к чему. Тому, кто всегда в пути, нельзя обременять себя лишними вещами. А если уж мне и понадобится какой-нибудь предмет, чтобы пробудить воспоминания, так я достану свой метательный нож. Он побывал со мной не в одном десятке переделок, так что воспоминаний на целый вечер хватит, да еще и останется. Знали бы вы, как эта Акиваша его боялась!

— Да уж, хуже железа и серебра для таких, как она, ничего нету,— согласился папаша Шаки.

* * *

Через день, несмотря на уговоры мамаши Илины остаться погостить, Соня покинула Султанапур. Жеребец песочной масти, отнятый ею у гир-

канского разбойника, ровной нетряской рысью уносил свою новую хозяйку на юг — туда, где лежали большие торговые города Турана: Акит, Аграпур, Хоарезм. Кольчуга и плащ с капюшоном, который прикрывал верхнюю часть лица, заставлял встречных, не так уж редко попадавшихся на этой горной дороге, думать, что это едет молодой воин: то ли наемник, ищущий службы, то ли чей-то посланец с письмом. Лук и колчан со стрелами, прикрепленные к седлу, да меч со странной длинной рукоятью, висевший на поясе, заставляли их укрепиться в этой мысли. Меч, добытый в пещерах хейворков, Соня решила оставить: он пришелся ей по руке.

Где-то далеко слева слышался рокот морского прибоя, а самого моря не было видно из-за высоких прибрежных дюн. Дробно стучали по дороге копыта жеребца. Пустынный жаворонок, трепеща крыльшками, неподвижно висел в воздухе и пел свою нежную песенку — день выдался погожий.

— Знаешь что, — сказала Соня скакуну, — пожалуй, я буду звать тебя Рыжим. Ты, конечно, не такой рыжий, как я сама, но все-таки...

Будто поняв ее, конь игриво мотнул хвостом и пошел резвее...

СОДЕРЖАНИЕ

Нед Салливан
КРОВЬ ВЕДЬМЫ

5

Элиот Николс
ТЕНЬ СТИГИИ

307

Литературно-художественное издание

РЫЖАЯ СОНЯ И КРОВЬ ВЕДЬМЫ

Ответственный редактор *Наталья Баулина*
Выпускающий редактор *Наталья Памфилова*

Обложка *Сергея Шикина*

Шрифтовой дизайн *Дмитрия Вяземского*
Художники *Владислав Асадуллин, Кирилл Рожков*

Художественный редактор *Андрей Татарко*

Верстка *Корнея Дамаскинского*

Технический редактор *Николай Сосик*

Корректор *Вера Безымянская*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 05.12.98.
Формат 84x108¹/32. Гарнитура «Палатино». Печать офсетная.
Бумага типографская. Усл. печ. л. 22,68. Тираж 7000 экз.
Заказ 1015.

Издательство «Северо-Запад».

Лицензия АР № 071380 от 20.01.1997.

194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем:

197046, Санкт-Петербург, а/я 771.

E-mail: sevzap@infopro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия АВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

Качество печати соответствует качеству предоставленных
издательством диапозитивов.

РЫЖАЯ СОНЯ

Через пятьсот лет после правления Конана
Аквилонского, орды варвров предают
Хайборию огню и мечу.

В этом жестокий мир приходит воительница,
неустрешимая гирканка Рыжая Соня,
встреча с которой ждет Вас в новом сериале
героической фэнтези издательства
«Северо-Запад»

РЫЖАЯ СОНЯ

И СЛЕПОЙ БОГ

РЫЖАЯ СОНЯ

И УЩЕЛЬЕ СМЕРТИ

•Северо-Запад®

Впервые в России!

**ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ**

МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ,
СОЗДАТЕЛЯ «САГИ О КОНАНЕ»

РОБЕРТА ГОВАРДА

**вышли в свет
следующие тома:**

- Черный камень•
- Ночь волка•
- Гончие смерти•
- Проклятие океана•
- Клинок судьбы•
- Железный кулак•
- Кровь Богов•
- Лик смерча•
- Тень ястреба•
- Брата Империи•
- Знак огня•
- Воин снегов•
- Тропа войны•
- Брат бури•
- Молчание идола•
- Коготь дракона•
- След демона•

ЧИТАЙТЕ

**ПЕРВЫЕ ДВЕНАДЦАТЬ ТОМОВ СЕРИАЛА
«ХРОНИКИ РИЧАРДА БЛЕЙДА»**

ТОМ 1

«Миддорский оборотень»

ТОМ 2

«Нефритовая Страна»

ТОМ 3

«Стальное сердце»

ТОМ 4

«Ветры Катраза»

ТОМ 5

«Раб Сармы»

ТОМ 6

«Тварь в лабиринте»

ТОМ 7

«Край Вечных Снов»

ТОМ 8

«Золотой скакун»

ТОМ 9

«Мятежник»

ТОМ 10

«Проигравший — умирает»

ТОМ 11

«Погибший мир»

ТОМ 12

«Корнуэлльский кровосос»

***** fantasy *****

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ «FANTASY»

ОДИН ТОЛЬКО ШАГ В СТОРОНУ —
И МИР ИНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ОТКРОЕТСЯ ПЕРЕД ВАМИ.
ВООБРАЖЕНИЕ — КЛЮЧ К ЕГО ВРАТАМ

МУЖЕСТВО И ВЕРНОСТЬ —
НАДЕЖНЫЙ щит ПРОТИВ ЗЛА

**БАРБАРА ХЭМБЛИ и МАЙКЛ МУРКОК,
РОБЕРТ ГОВАРД и ТЭННИТ ЛИ,
ДЖОН М. РОБЕРТС и МЕРСЕДЕС ЛЭКИ**

СТАНУТ ВАШИМИ ПРОВОДНИКАМИ
В ЗАГАДОЧНОМ МИРЕ ФЭНТЕЗИ

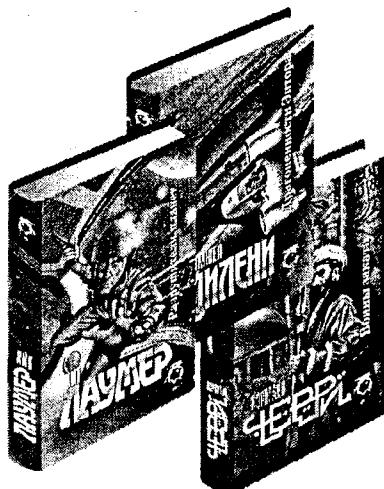

SCIENCE FICTION

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ «SCIENCE FICTION»

МИРИАДАМИ СВЕРКАЮЩИХ ГРАНЕЙ
ВСПЫХИВАЕТ МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ
НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ,
ОГРАНЕННЫЙ ТАКИМИ МАСТЕРАМИ КАК

**КЕН КАТО, МИКАЭЛА РОССНЕР,
КЭТРИН КЕРР и КЭРОЛайн ЧЕРРИ,
КИТ ЛАУМЕР, СЭМЮЕЛ ДИЛЕНИ**

КАЖДЫЙ ИЗ НИХ ВОВЛЕЧЕТ ВАС
ВО ВСЕЛЕНСКУЮ ИГРУ, ПРАВИЛА
И ЗАКОНЫ КОТОРОЙ — ЗАГАДКА.
НО ЕСЛИ ВЫ ВЫЙДЕТЕ ПОБЕДИТЕЛЕМ —
ВАМ ЭТОГО НИКОГДА НЕ ЗАБЫТЬ!

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

"СЕВЕРО-ЗАПАД"

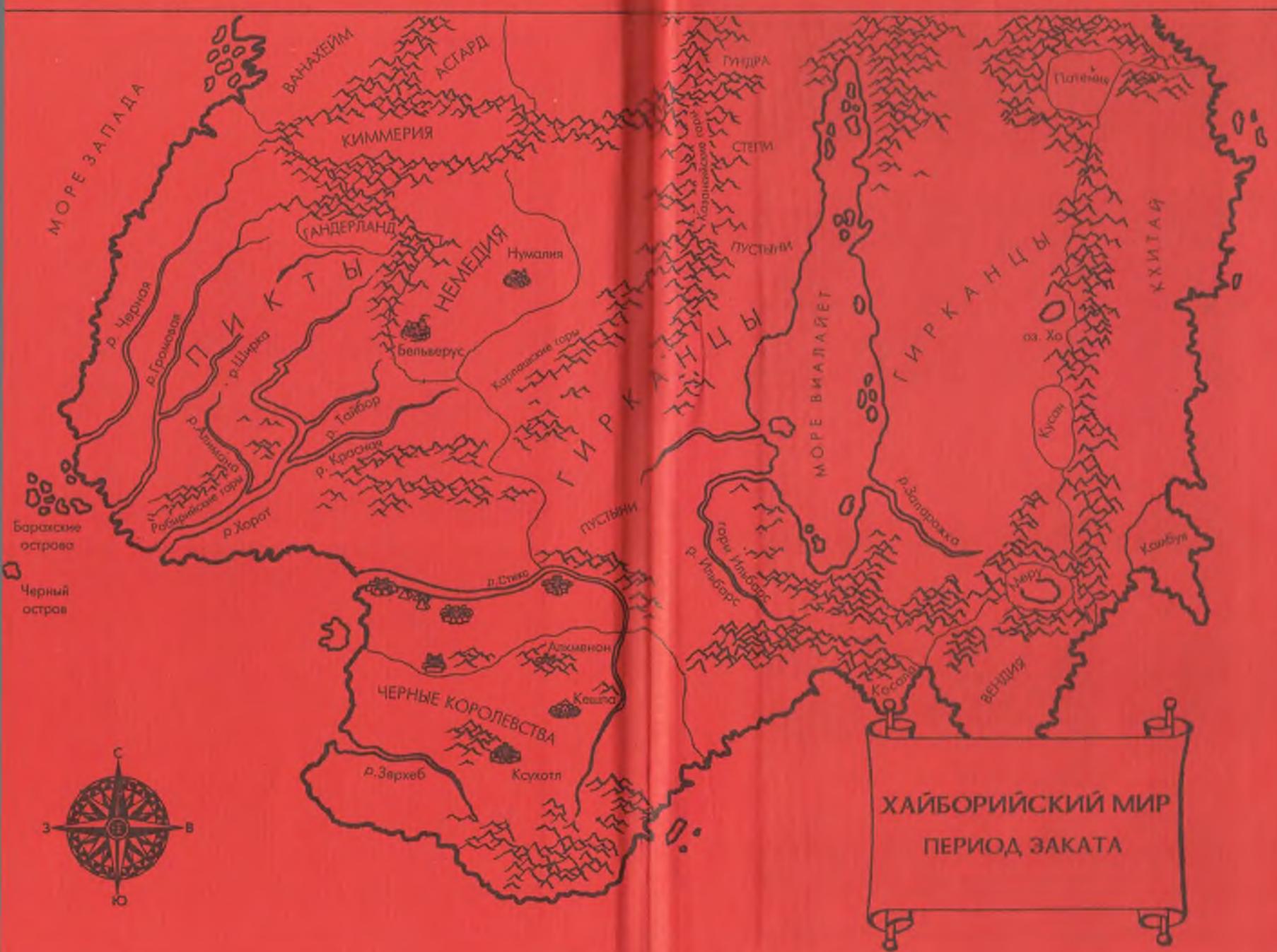
ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ

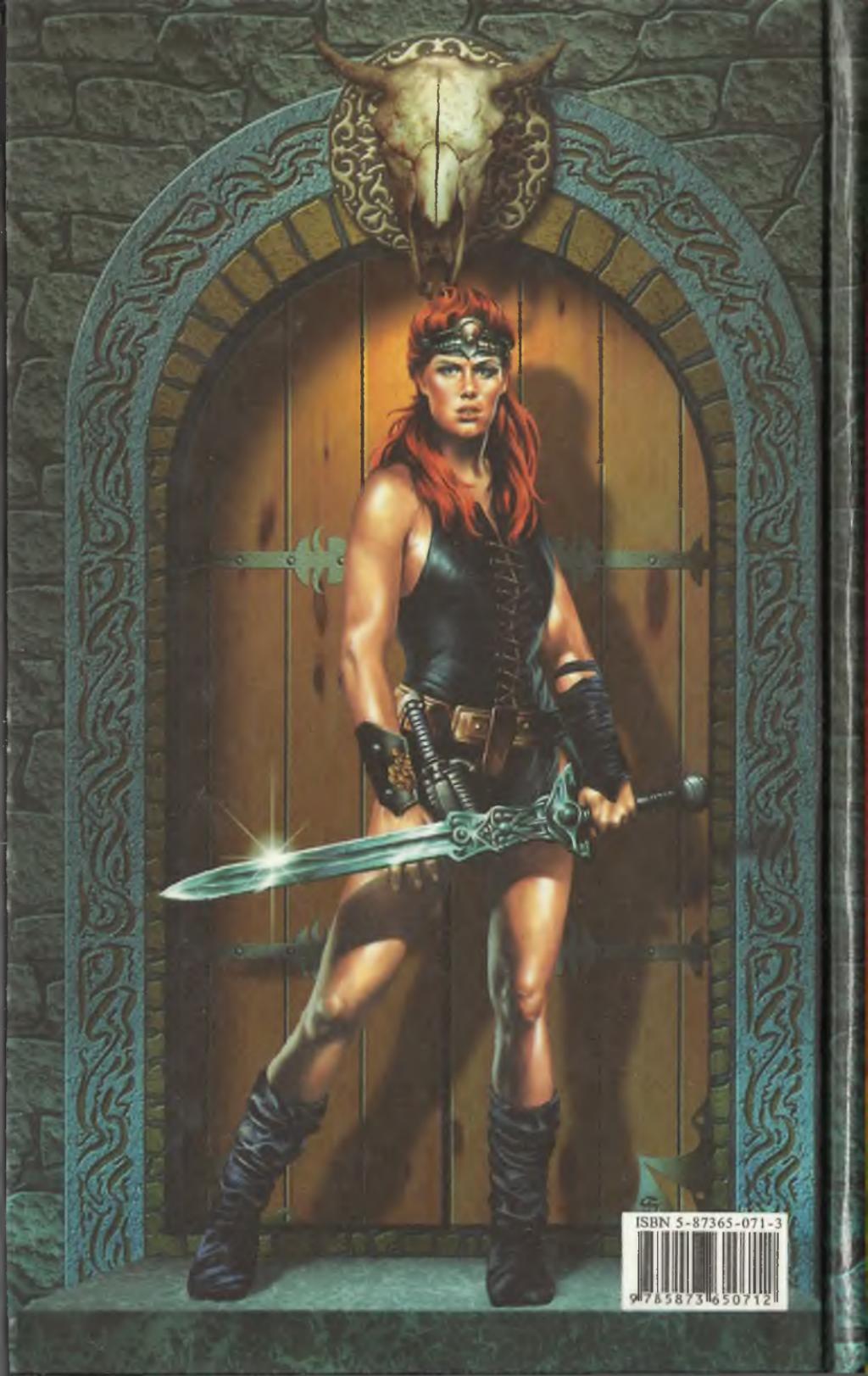
"ACT"

По вопросам покупки книг обращаться по адресу:

г.Москва, Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж.
Тел. (095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

Или заказать по адресу:
107140, г. Москва, а/я 140

ISBN 5-87365-071-3

9 785873 650712